

В. Е. КОРВИЛОВ

УРАЛЬСКАЯ ЛЕСОВЕДНАЯ

в период Великой
Отечественной войны
(1941 — 1945 гг.)

СВЕРДЛОВСК 1990

Г. Е. КОРНИЛОВ

Уральская деревня
в период Великой Отечественной войны
(1941—1945 гг.)

СВЕРДЛОВСК

1990

ИЗДАТЕЛЬСТВО УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ББК ТЗ (2р36) 722
К674

Рецензенты:

доктор исторических наук,
профессор П. Г. Агарышев;
доктор исторических наук,
профессор М. Н. Евланова

Научный редактор

доктор исторических наук,
профессор Р. П. Толмачева

Корнилов Г. Е.
К674

Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. 1990.
ISBN 5—7525—

На большом документальном материале в монографии анализируется социально-демографическое, экономическое, политическое и культурное развитие уральской деревни в условиях Великой Отечественной войны. В центре внимания книги — трудовой героизм колхозников, работников МТС и совхозов, сельской интеллигенции Урала, их вклад в достижение победы.

Книга адресована преподавателям вузов и средних школ, краеведам и всем, кто интересуется аграрной историей Урала.

— заказное
182(02)—90

ББК ТЗ (2р36) 722

ISBN 5—7525—

Г. Е. Корнилов, 1990

Памяти моей мамы
Зои Владимировны
посвящаю

ВВЕДЕНИЕ

Перестройка всех сфер общественной жизни вызвала необычайный интерес нашего общества к своей истории. Особое внимание уделяется судьбам советского крестьянства, советской деревни. С трибуны первого съезда народных депутатов СССР прозвучал страстный призыв о помощи деревне, о ее возрождении¹. В настоящее время активно идет поиск путей перестройки производственных отношений в деревне.

Многие беды современной деревни имеют давние корни. Часть историков, публицистов сводит их к сплошной коллективизации, проведенной насильственными методами. Согласиться с этим утверждением можно лишь отчасти. С коллективизацией нужно связывать процесс раскрестьянивания в социально-политическом смысле. Экономические же основы развития деревни были подорваны в период Великой Отечественной войны. Советский народ заплатил слишком большую цену, положив на алтарь победы все, что имел.

Поэтому существует насущная необходимость исследования истории деревни в годы Великой Отечественной войны, извлечения и учета позитивного и негативного исторического опыта. В уральской деревне наряду с региональными особенностями развития отразились все процессы, происходившие в целом по стране.

Историография истории советской деревни периода Великой Отечественной войны насчитывает уже сотни работ. Наибольший вклад в разработку темы внесли исследования Ю. В. Арутюняна, В. Т. Анискова, И. Е. Зеленина, М. И. Лихоманова, В. Б. Островского, Н. Н. Шушкина и др.² Вышедший 3-й том «Истории советского крестьянства» обобщил научные результаты, полученные советской историографией по изучению крестьянства СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны³.

Нет необходимости особо останавливаться на анализе научной исторической литературы общесоюзного плана, монографиях и

статьях по отдельным регионам, посвященных колхозному крестьянству и сельскому хозяйству военных лет. Он обстоятельно и подробно дан в монографическом исследовании В. Т. Анискова⁴. В работе удачно применяется хронологически-проблемный метод изложения материала в сочетании с критическим научным анализом исторических работ. Автор создал картину изучения проблемы на протяжении всех периодов историографии, выявил основные тенденции ее исследования, определил круг активно изучаемых, недостаточно освещенных и только поставленных вопросов, показал, как на различных этапах историографии менялась методика исследования, источниковая база, тематика и т. д.

В. Т. Анисков развитие историографии истории сельского хозяйства и колхозного крестьянства периода войны делит на три этапа: первый — литература военных лет, второй — первого послевоенного десятилетия, третий — второй половины 50-х — 70-е годы (внутри этого этапа он выделяет особо последнее десятилетие). На наш взгляд, оснований для выделения подэтапа историографии недостаточно. Исследования темы шли в русле обозначенных проблем и сюжетов, велись «вширь», не изменяли представлений о происходивших событиях.

Правильнее третий период историографии ограничить рамками: вторая половина 50-х — середина 80-х годов. По крайней мере, уральская региональная историография дает основания для подобного членения. В исторической литературе сложилась единая концепция развития сельского хозяйства страны в годы Великой Отечественной войны, которой придерживаются все историки. Исследователи 50-х — 80-х годов исходили из громадных преимуществ колхозно-совхозного строя, сложившегося в стране в 30-е годы, патриотизма советского крестьянства, его прочного союза с рабочим классом, решающей роли Коммунистической партии в мобилизации сил и средств сельского хозяйства во имя победы, преимущества аграрной политики партии предвоенных и военных лет. Отсюда следовало, что строй был проэкзаменован на прочность и главным итогом производственной деятельности всех тружеников сельского хозяйства военных лет было обеспечение основных потребностей страны в продовольствии и сырье (перефразированное сталинское выражение).

Этот упрощенный вывод не случаен. Противоречия и трудности жизни народа в военные годы сглаживались. Поскольку историография подразумевала, что заложенные сталинизмом отношения незыблемы, то незыблемы и колхозный строй, и общественные порядки на селе. Сталинизм вел к уничтожению деревни через раскрестьянивание, к слому того сложного социально-экономического организма, каким была деревня с ее традициями, связями, укладом жизни. Процесс был обострен и ускорен воздействием войны.

Этого не признавала предшествующая историография, выполнявшая заказ неосталинизма 60-х — начала 80-х годов, хотя к такому выводу она подошла вплотную.

Однако уральские региональные исследования шли в русле общесоюзной историографии. При этом можно утверждать, что к середине 80-х годов она завершила этап своего становления. Об этом свидетельствуют историографические работы⁶.

Авторами первых статей и брошюр, посвященных уральскому селу, были непосредственные участники событий, они освещали напряженную трудовую жизнь сельских жителей, бытовые лишения и трудности, неисклюкаемую веру в победу над фашизмом⁷.

Уже в военное время обществоведы начали сбор и первичную систематизацию документов и материалов. В мае 1942 г. в Свердловске состоялось общее собрание Академии наук СССР, которое обсудило задачи общественных наук в условиях войны. Вскоре наряду с Комиссией по истории Великой Отечественной войны под председательством академика В. П. Волгина начал работу на Урале ее филиал с отделениями в Оренбургской, Пермской, Свердловской и Челябинской областях, Башкирской и Удмуртской АССР⁸. Историки создали большой рукописный фонд, подготовили к печати материалы, в том числе по сельскому хозяйству региона. В партийном архиве Челябинского обкома КПСС они хранятся в специальном фонде (288-К), в котором особую ценность представляют фотографии военного времени.

Победа советского народа, переход к мирному созиданию вызвали необходимость анализа и осмысления опыта работы и жизни в военных условиях. Появились первые работы уральских историков. Главное внимание в них уделялось освещению деятельности колхозов. При этом трудности военных лет преуменьшались или замалчивались, развитие сельского хозяйства рассматривалось в плане расширенного воспроизводства, выводы подтверждались единичными фактами⁹. В первой половине 50-х годов были защищены две кандидатские диссертации (Х. Б. Кинзебулатовым и П. С. Кухаренком)¹⁰.

В работах первого послевоенного десятилетия проводилась мысль о жизненной силе колхозного строя как одном из источников победы, о всеохватывающей деятельности коммунистов на селе, о величайшем патриотизме тружеников уральской деревни. Все выводы подтверждались положениями И. В. Сталина из сборника «О Великой Отечественной войне Советского Союза» (М., 1947). Условий для научного анализа не было, узкая источниковая база не позволяла исследовать развитие сельского хозяйства. Поэтому, описывая опыт передовых хозяйств, историки не упоминали, оставляли в тени работу многих тысяч других хозяйств, прилагавших также невероятные усилия для оказания помощи фронту.

Широко была организована исследовательская работа многих проблем периода войны после XX съезда КПСС. Издание в 60-е и последующие годы фундаментальных исторических трудов дало толчок к исследованию проблем деревни на местах, в том числе и на Урале¹¹. Активизируется работа по сбору и публикации документов и материалов местных архивов. За последние 25 лет вышли очерки истории областных партийных организаций Урала, где специальные главы отведены периоду войны. Деятельность местных партийных организаций в годы войны описывалась в брошюрах А. З. Безверхнего, Н. А. Мошкина, А. Г. Наумовой¹². Изучение проблем, в их числе и руководство сельским хозяйством, велось на более широкой источниковой основе. Расширяется и круг исследуемых сюжетов — это и партийное руководство колхозным производством (практически все работы выполнены в историко-партийном плане), социалистическим соревнованием, участием сельских тружеников во всенародном движении в помощь фронту и освобожденным районам¹³.

Среди работ, посвященных партийному руководству сельским хозяйством Урала, выделим исследования А. Г. Наумовой. На материалах трех уральских областей — Пермской, Свердловской, Челябинской — она проследила организаторскую и политико-воспитательную деятельность партийных организаций в деревне, показала снижение уровня материально-технического оснащения сельского хозяйства, сокращение числа трудоспособных колхозников, возрастание роли женщин в колхозном производстве, патриотическое движение крестьянства. А. Г. Наумова первой в уральской историографии сделала вывод, что в 1944—1945 гг. в сельском хозяйстве региона «произошли определенные сдвиги в лучшую сторону»¹⁴.

Объективная картина развития уральского села, сложность и противоречивость происходивших в деревне процессов в этих работах уральских историков отсутствовали. События в глубокотылу рассматривались через призму великой победы. Логика рассуждений такова — в годы войны была достигнута победа, следовательно, все, что тогда происходило положительного и негативного, в том числе массовые репрессии, насильственная коллективизация, разрушение деревни, раздувание культа Сталина, господство военно-командных методов, свертывание демократических начал в общественной жизни, оправдано.

В конце 70-х — начале 80-х годов были защищены кандидатские диссертации В. П. Мозолиным, А. Н. Трифоновым, Г. Е. Корниловым, В. П. Мотревичем, Т. А. Ивановой, Н. П. Палецких, посвященные различным аспектам истории уральской деревни военных лет. В работах этих авторов расширяются географические рамки, главное внимание по-прежнему уделяется изучению вопро-

сов партийного руководства трудовой деятельностью крестьянства, союзом рабочих и крестьян, рассмотрению социальной активности сельской интеллигенции. Авторы привлекают не только партийные документы, но и годовые отчеты колхозов, совхозов, МТС, органов планирования, финансирования и управления сельским хозяйством, здравоохранением, народным образованием и пр.¹⁵. В последнее десятилетие заметно активизировалось изучение и таких проблем, как социальные изменения в крестьянстве, общественно-политическая и культурная жизнь уральской деревни, материальное положение сельских тружеников в период войны¹⁶. Вышла и обобщающая монография «Урал — фронту», в которой отдельная глава посвящена сельскому хозяйству региона. Оценка его развития дается на основе традиционной концепции, господствующей в общесоюзной исторической литературе¹⁷.

Наряду с несомненным оживлением в исследовании уральской деревни военной поры отчетливо выделяются и слабые стороны в ее разработке. Особенно они заметны на общесоюзном фоне. Исследование трудового подвига крестьянства Урала, истоки его стойкости и патриотизма, жизнеспособности колхозного строя остаются актуальными. В уральской деревне, также как и в целом по Союзу, историографией слабо изучены взаимоотношения колхозов и государства в условиях жесткого администрирования, связи колхозов и колхозников с рынком, роли личного хозяйства сельских жителей, влияния морально-политических и репрессивно-правовых мер на производственную деятельность в годы войны. Необходимы исследования роли и функционирования сталинской командно-административной системы на жизнь деревни в условиях войны.

Деревня влетена в систему господствующих общественных отношений. Изучение процессов, проходящих в ней, необходимо проводить комплексно, отстранившись от прежнего принципа исследования отдельных составляющих компонентов. Автор ставит задачу провести анализ социально-демографического, экономического, политического и культурного развития уральской деревни в условиях самой тяжелой и самой кровавой в истории нашей страны войны. Это позволит глубже проанализировать современное состояние уральского села, определить перспективы его развития.

Работа основана на различных опубликованных и архивных материалах. В ней использованы документы 19 архивов: Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — ЦПА ИМЛ), Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР), Центрального архива ВЛКСМ (ЦА ВЛКСМ), Центрального государственного архива народного хозяйства и социалистического строительства СССР (ЦГАНХ СССР), Центрального государственного

архива РСФСР (ЦГА РСФСР), Центрального государственного архива Башкирской АССР (ЦГА БАССР), Центрального государственного архива Удмуртской АССР (ЦГА УАССР), государственных архивов областей: Курганской (ГАКО), Оренбургской (ГАОО), Пермской (ГАПО), Свердловской (ГАСО), Челябинской (ГАЧО), архивов обкомов КПСС: Башкирского (ПАБО), Курганского (ПАКО), Оренбургского (ПАОО), Пермского (ПАПО), Свердловского (ПАСО), Удмуртского (ПАУО), Челябинского (ПАЧО). Широко использовались материалы центральной и местной периодической печати, воспоминания ветеранов, записанные автором.

Территориальные рамки Уральского экономического района в годы войны включали по современному административному делению Башкирскую и Удмуртскую АССР, Оренбургскую (в то время Чкаловскую), Пермскую (Молотовскую), Свердловскую, Челябинскую и Курганскую область, выделенную в феврале 1943 г. из состава Челябинской. Во всех случаях сравнительные данные приводятся по сопоставимой территории.

Содержание предлагаемой читателю книги не претендует на исчерпывающее освещение исследуемых проблем. Она представляет собой попытку создания обобщающего труда об уральской деревне периода военных лет, ее роли в достижении общей победы над фашистской Германией, о величии трудового подвига колхозников, работников МТС и совхозов, интеллигенции региона в войне. В соответствии с замыслом, автором не исследуется проблема участия крестьянства в вооруженной борьбе с врагом.

ГЛАВА 1 ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

§ 1. Материально-техническое обеспечение колхозно-совхозного производства

Война тяжело отразилась на сельском хозяйстве страны и уральского региона. Восточные районы страны должны были возместить потери, связанные с оккупацией гитлеровской Германией важнейших сельскохозяйственных территорий. В районах, занятых фашистами к ноябрю 1941 г., по данным Н. А. Вознесенского, производилось 38 % всей довоенной валовой продукции зерна, 84 % сахара, находилось 38 % численности крупного рогатого скота, 60 % всего поголовья свиней¹.

С другой стороны, возросшая роль сельскохозяйственного производства на Востоке обуславливалась перебазированием промышленности и населения. На Урал только в июле—ноябре 1941 г. было направлено свыше 600 промышленных предприятий. Сельское хозяйство региона должно было обеспечить питанием собственное почти 14-миллионное население и более 1,5 миллиона эвакуированных. Кроме того, необходимо было поставлять сырье для промышленности.

Могла ли уральская деревня справиться с этими задачами? Рассмотрим состояние производительных сил деревни. К концу 30-х годов в результате аграрных преобразований, и в первую очередь принудительной, по меткому выражению О. Лациса, «палочной» коллективизации², завершилось создание единой системы социалистических общественных отношений. По мнению Л. А. Гордона и Э. В. Клопова, это были неразвитые раннесоциалистические отношения, извращенные и деформированные уродующим влиянием авторитарной системы³.

В итоге деревня как самостоятельный организм со своими традициями, укладом, своеобразным миром перестала существовать. Она постепенно потеряла и хозяйственные, и самоуправленческие функции. Деревня теряла крестьянина как хозяина. Она была втиснута в систему административно-бюрократического управления со

строжайшей регламентацией всей жизни. Колхозы не имели кооперативной самостоятельности. Акты на бессрочное пользование земель, врученные колхозам, остались на бумаге. Фактически же колхозы не стали собственниками земли.

Сельскохозяйственное производство на Урале было сосредоточено в 17,8 тыс. колхозах и 330 совхозах. Основным поставщиком продукции сельского хозяйства были колхозы. Им принадлежало 85,8% всех посевных площадей региона, до 39% численности мелкого и крупного рогатого скота, до 60% свиней. Они производили 64% всей продукции (в ценах 1926/27 г.) сельского хозяйства Урала.

Удельный вес Урала в посевных площадях страны составил в 1940 г. 9,65% по крупному рогатому скоту — 7,56, по овцам и козам — 8,29, по свиньям — 7,7, по лошадям — 7,94%. На долю Урала приходилось 7,59% колхозов страны и 8,95% МТС. Доля тракторов в МТС региона составляла 9,58% от тракторного парка МТС СССР (по мощности — 10,7%), а комбайнов — 13,74.

Приведенные данные говорят о значительном удельном весе в стране сельскохозяйственного производства региона. Однако одним из экономических последствий коллективизации на Урале стала неспособность сельского хозяйства в 30-е годы снабжать основными продуктами питания население за счет внутрорегионального производства. Впервые в истории — даже для минимально необходимых потребностей быстро растущего городского населения — стал осуществляться завоз основных продуктов питания — хлеба, картофеля, овощей, мяса.

И это несмотря на то, что здесь была относительно высокая степень обслуживания колхозов машинно-тракторными станциями и техническая оснащенность совхозов. На одну МТС на Урале приходилось в среднем 28 колхозов против 33 по стране, а на Южном Урале — даже 15—20⁵.

МТС обслуживали подавляющую часть колхозов (около 90%). Посевные площади сельхозартелей Пермской области в 1940 г. обрабатывались МТС на 95,7%, а в Челябинской области — на 96,5%. Сев зерновых культур был механизирован в стране на 56%, в Свердловской области — на 59,7, в Челябинской — на 84,4, их уборка — соответственно — на 46,1; 60,1; 85,9%⁶. Однако механизация касалась только отдельных видов работ, и в основном зернового производства (обработка почвы, сев и уборка). В других отраслях сельскохозяйственного производства сохранялся ручной труд, особенно в животноводстве, овощеводстве, картофелеводстве, производстве технических культур. Сосредоточение всей основной техники в МТС приводило к тому, что колхозы ставились по отношению к ним в зависимое, подчиненное положение. МТС были де-юре административно-командной системы.

В исторической литературе существует тезис о том, что во второй половине 30-х годов в сельском хозяйстве страны произошел переход от работ, основанных на конно-ручной тяге, к системе машин на механической тяге. Материалы по Уралу этот вывод не подтверждают. Кардинального изменения в соотношении механизации и конно-ручных работ не произошло и не было достигнуто значительного роста производства сельскохозяйственной продукции. Сельское хозяйство базировалось на традиционном ручном труде.

С началом войны сократилось финансирование сельскохозяйственного производства. Расходы бюджета СССР на сельское хозяйство в 1943 г. по сравнению с 1940 г. уменьшилось в 2,5 раза. В Челябинской области по плану 1942 г. вложения в сельское хозяйство сократились на треть в сравнении с предыдущим годом, а выдача средств составила только 54,5 %, т. е. фактически финансирование сократилось в 3 раза⁷. Средства и материальные поступления, получаемые сельским хозяйством в первый период войны, не покрывали расходов по мобилизации и военно-строительным работам.

Процесс этот коснулся в первую очередь материально-технических средств деревни. В литературе содержатся самые различные данные об уменьшении сельскохозяйственной техники на Урале. В книге «Урал — фронту» отмечается, что оно составило только за 1941 г. по тракторам 27 % (в 15-кратном исчислении). По данным «Истории народного хозяйства Урала», число тракторов сократилось за 1941 г. на 2,4 % (а их мощность — на 0,8 %) ⁸. Изучение годовых отчетов колхозов, совхозов и МТС Урала, сосредоточенных в фонде ЦСУ СССР ЦГАНХ СССР, показывает иную картину этого процесса. С началом войны часть тракторов (главным образом гусеничных) и грузовых автомашин была передана в РККА. Только в течение второй половины 1941 г. количество гусеничных тракторов в МТС Урала уменьшилось на 24,1 %. Сокращение техники сельского хозяйства Урала продолжалось на протяжении всех военных лет. В 1943—1945 гг. она передавалась в освобожденные районы. Тракторов в сельском хозяйстве региона за годы войны стало меньше на 15,7 %, в том числе в МТС — на 13,1 %, в совхозах и подсобных сельскохозяйственных предприятиях — на 27,3 %, в колхозах — на 33 % (см. табл. 1.1). Количество комбайнов сократилось на 2,1 %, в том числе в МТС — на 0,7 %, т. е. осталось практически на одном уровне, в 1942 г. их увеличение было связано с приемом эвакуированных машин. За годы войны количество тракторов в сельском хозяйстве страны уменьшилось на 25,3 %, комбайнов — на 18,7 % ⁹. Сокращение тракторного и комбайнового парка в тыловом Урале было меньше, чем в целом по стране, однако уменьшение гусеничных тракторов и грузовых автомобилей здесь было более значительным.

**Машинно-тракторный парк сельского хозяйства Урала
в 1941 — 1945 гг. (на начало года)***

Показатель	1941	1942	1943	1944	1945
Тракторы, шт.	50645	47659	47256	44696	42679
В т. ч. в МТС	41399	39035	38776	37932	35977
в совхозах и подсобных сельскохозяйственных предприятиях	8885	8311	8114	6530	6460
в колхозах	361	313	266	234	242
Мощность тракторного парка, тыс. л. с.	1061,7	917,7	924,7	860,2	822,6
В т. ч. в МТС	850,4	735,1	738,5	707,4	672,6
в совхозах и подсобных сельскохозяйственных предприятиях	240,8	177,9	182,0	149,1	146,2
в колхозах	5,5	4,7	4,2	3,7	3,8
Комбайны, шт.	25280	25661	25436	24904	24766
В т. ч. в МТС	20994	21358	21334	21261	20840

* Составлено по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1463 Л. 10, 20; Д. 1464. Л. 1, 33; Д. 1465. Л. 1, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 16, 18, 20, 22, 24, 26, 28, 30, 32, 34, 36, 38, 40, 46, 48, 50, 52, 54, 56, 58, 60, 62, 64, 66, 68, 70, 72, 74, 76, 78, 80, 82, 84.

В годы войны сельскохозяйственная техника была сосредоточена на 80 и более процентов в МТС, 17—18 % в совхозах и подсобных сельскохозяйственных предприятиях, а менее 1 % — в колхозах региона. От работы МТС в значительной степени зависело развитие колхозного производства. На Урале только немногим более 3,2 тыс. колхозов не обслуживались МТС.

Количество МТС на Урале по данным годовых отчетов за годы войны возросло с 633 на 1.01.1941 г. до 678 к 1.01.1945 г. Новые МТС образовывались в результате разукрупнения. Средние размеры МТС сократились, число же обслуживаемых колхозов не уменьшилось. В 1940 г. на одну МТС приходилось 64,5 тракторов, в 1945 г. — 53,1; комбайнов — 33,2 и 30,7; автомобилей — 5,61 и 1,73.

Тракторный парк МТС состоял в основном из колесных тракторов «СТЗ-ХТЗ» и «Универсал-2», завезенных на Урал в годы второй пятилетки. Новых поступлений техники до 1944 г. практически не было. Большая часть машин имела сильный износ, что обусловило повышенную потребность в запасных частях. Однако их поступление резко уменьшилось. В 1940 г. в стране было произведено запасных частей для МТС на сумму 481 млн руб., а в 1942 г. — в 7 раз меньше — на 67 млн руб. Централизованный завоз запчастей в МТС Челябинской области в 1941 г. был выполнен на 63 % к

стоимостной норме, а в 1943 г. он снизился в 2 раза до 30 % нормы. Завоз в Башкирию запасных частей к тракторам составлял: в 1940 г. — 6607,0 тыс. руб. (76 % к потребности), в 1941 г. — 6311,0 тыс. руб. (80,9 %), в 1942 г. — 1387,0 тыс. руб. (18,4 %), некоторое улучшение заметно с 1943 г. — 2299,0 тыс. руб. (30 %), в 1944 г. — 3383,0 тыс. руб. (42,3 %) ¹⁰.

В этих условиях одним из путей решения проблемы явилась инициатива комсомольцев Иловлинской МТС Сталинградской области по реставрации запасных частей.

Тысячи рейдовых бригад собирали различные инструменты и детали в домах механизаторов, изготавливали новые и реставрировали старые запасные части. В Пермской области в 1942 г. было собрано и изготовлено запчастей на 1 млн руб., в Челябинской — на 2022 тыс. руб. ¹¹.

Уже зимой 1941/42 гг. МТС и совхозы стали использовать на ремонте техники реставрированные детали. Они составляли до 10 % по всем запчастям. После такого ремонта тракторы в лучшем случае могли работать только во время весеннего сева. До 10 % тракторов не поддавались восстановительному ремонту. По данным Челябинского облзо, в 1943 г. систематически не участвовало в работе около половины всего тракторного парка МТС. В отчете Курганского облзо за 1943 г. отмечалось, что 27,5 % всех комбайнов МТС области не выходили в поле, так как не были отремонтированы. А в Челябинской области из 1842 комбайнов в 1943 г. ежедневно работали только 550—600 ¹². К концу 1944 г. в МТС Урала число тракторов, подлежащих выбраковке, достигло 4412 (12,3 % от общего количества) ¹³.

Частые простои техники были связаны с отсутствием горюче-смазочных материалов. Уже летом—осенью 1941 г. их поступление в МТС сократилось ¹⁴.

Для контроля за расходованием топлива и его охраны в МТС создавались специальные контрольные посты. Они боролись с нарушениями при расходовании горючего. К виновным в перерасходе топлива применялись административные меры. Расходование жидкого топлива, предназначенного для проведения сельскохозяйственных работ, на другие цели было запрещено.

Кроме того, были предприняты меры по производству солидола в областях и республиках региона. С целью экономии горючего часть машин начали переводить на местное топливо — дрова, торф, уголь. Осенью 1942 г. для каждой области НКЗ СССР установил план перевода на твердое топливо. В ряде МТС были организованы бригады по заготовке газогенераторного топлива. Однако из-за отсутствия инженерного и технологического обеспечения перевод техники на новые виды топлива оказался весьма сложным делом. Даже многие промышленные предприятия, не говоря об

МТС, не могли с этим справиться. В целом перевод техники на газогенераторное топливо из-за сложности переоборудования и низкой производительности двигателей не состоялся.

Часто из-за нехватки горючего после окончания сельхозработ машины оставались в поле. Такое отношение к технике приводило к ее быстрому износу и разукруплению. Учитывая многочисленные факты хранения техники под открытым небом, а часто и прямо в поле, СНК СССР и ЦК ВКП(б) в ноябре 1942 г. приняли постановление «О хранении тракторов, комбайнов и сельскохозяйственных машин МТС», а Наркомзем СССР издал приказ о введении инспекторского контроля за хранением техники¹⁵. Постановление обязывало дирекцию МТС организовать доставку техники на усадьбы и готовить ее к зимнему хранению. Для проведения своевременного ремонта вводилось круглосуточное дежурство ремонтных рабочих.

В результате принимаемых мер основная часть машинно-тракторного парка Урала находилась в исправном состоянии, что было благополучнее, чем в целом по стране. Это связано с большим промышленным потенциалом региона. Сужение материально-технической базы сельского хозяйства, резкое сокращение поступлений технических средств на село в какой-то мере компенсировались установлением прямых производственных связей и помощью города деревне. Размеры и формы экономической помощи сельскому хозяйству были не одинаковы на протяжении войны. Промышленные предприятия региона оказывали помощь МТС, совхозам и ремонтным заводам НКЗема СССР, выделяя им станочное оборудование и инструменты, изготавливая запасные части. Бюро Свердловского обкома партии одобрило инициативу УЗТМ, взявшего шефство над двумя МТС Белоярского района. Завод послал в Баженовскую и Логиновскую МТС станки и инструменты, направил две бригады ремонтных рабочих¹⁶. Почин был подхвачен другими предприятиями Урала.

Завод имени Колющенко в период подготовки сева 1942 г. выделил Абдрашевской МТС Челябинской области электросварочный аппарат, токарный станок, инструменты. Промышленные предприятия Челябинска, Златоуста, Магнитогорска наладили постоянную нефтяную помощь селу, направляя слесарей, механиков, трактористов на ремонт сельхозмашин. Эта помощь влияла на темпы и качество ремонтных работ. В 1944 г. в порядке шефства МТС области получили с заводов 39 токарных станков, 2 сверлильных, 5 строгальных, 6 электросварочных аппаратов, 9 динамомашин постоянного тока, 5 генераторов. Промышленные предприятия Башкирии передали в этот год 40 различных станков, в МТС были направлены 278 слесарей и 150 токарей. 60 МТС республики получали постоянную помощь от 47 шефствовавших предприятий¹⁷.

На основе взаимной помощи строились отношения между предприятиями и колхозами в Пермской области. В феврале 1944 г. договор между колхозами Юсьвенского, Кудымкарского, Белоевского и Юрлинского районов Коми-Пермяцкого национального округа и Мотовилихинским заводом включал поставку со стороны колхозников продуктов питания, продажу их по умеренным ценам, а со стороны завода помощь в ремонте сельхозинвентаря, строительстве электростанций и лесопилки, посылку квалифицированных рабочих, инструмента за счет внутривзаводских ресурсов. Подобные отношения были установлены между Пермским заводом им. Свердлова и Верхнемуллинским и Чердынским районами¹⁸.

По решениям областных комитетов партии с конца 1941 г. ряду предприятий давалось задание на изготовление запасных частей, инструмента и литья к тракторам и сельхозмашинам. В Свердловской области заказы были размещены на 52 заводах, в Оренбургской — на 10. Однако срочное выполнение первоочередных заказов для фронта не позволяло вовремя и полностью выполнять задания для сельского хозяйства. Несмотря на это децентрализованные заготовки деталей к тракторам и сельскохозяйственным машинам росли. На предприятиях Оренбургской области в 1941 г. было изготовлено запасных частей к тракторам на сумму 449 тыс. руб., в 1944 г. — в 17 раз больше — на 7468 тыс. руб. В Челябинской области 92 завода за 1944 г. изготовили различных деталей для сельхозтехники на 9704 тыс. руб., в Пермской области — на 5522 тыс. руб., в Башкирии — на 2604 тыс. руб. В Свердловской области в 1942 — 1943 гг. для ремонта сельхозтехники промышленными предприятиями было изготовлено деталей на 3371 тыс. руб., а за два последних квартала 1944 г. и два первых квартала 1945 г. — на 11518 тыс. руб.¹⁹. Несмотря на большую помощь промышленных предприятий Урала, ремонтная база МТС и совхозов оставалась крайне слабой. И это отставание было заложено еще в 30-е годы. Производительность техники в МТС сокращалась из года в год, что видно из табл. 1.2²⁰

Средняя выработка техники в МТС Урала

Таблица 1.2

АССР, область	Выработка на трактор (15-сильный), га				Выработка на комбайн (15 футовый), га			
	1940	1941	1942	1943	1940	1941	1942	1943
Башкирская АССР	409	292	233	152	206	128	93	37
Оренбургская обл.	384	216	260	204	295	232	158	98
Пермская обл.	371	284	216	190	166	101	61	61
Свердловская обл.	429	300	238	196	205	126	91	84
Удмуртская АССР	332	227	124	123	161	142	58	47
Челябинская обл.	380	290	207	189	298	158	81	118

Наибольшее сокращение выработки на трактор произошло в 1943 г. в сравнении с довоенным годом в Башкирии и Удмуртии (в

2,7 раза), в Свердловской области (в 2,2 раза), на комбайн — в Башкирии (в 5,6 раза), в Удмуртии (в 3,5 раза), в Оренбургской области (в 3 раза). Низкое качество ремонта, нехватка горюче-смазочных материалов, низкая квалификация механизаторов — основные причины ухудшения работы техники МТС.

В годы войны уменьшалось количество других сельскохозяйственных машин и инвентаря в МТС региона (на начало года, шт.)²¹:

	1941	1945	1946	1946 г. в % 1941 г.
Молотилки	7077	5619	4902	69,2
Культиваторы	22671	20016	18464	81,4
Плуги тракторные	48004	40164	37252	77,6
Сейлки зерновые	28112	23392	22112	78,6

Их число в годы войны не пополнялось. Более того, часть машин передавалась в освобожденные районы, значительная часть имела сильную изношенность. Поэтому предприятия Урала начали производство сельскохозяйственных машин и инвентаря. В Челябинской области в 1944 г. было изготовлено 950 конных пропашников, 800 конных полольников, 1300 веялок и сортировок, 700 сенокосилок, 500 комплектов решет к сортировкам, 3 тыс. повозок, 4 тыс. саней, 2 тыс. комплектов упряжи и др.²². Однако промышленность не смогла развернуть серийное производство основных сельхозмашин, так как для этого требовалось переключение целого ряда предприятий и их кооперирование. Особенно большой недостаток ощущался в почвообрабатывающих орудиях, уборочных и зерноочистительных машинах.

В результате сокращения машинно-тракторного парка МТС и снижения его производительности во всех областях и республиках Урала резко уменьшился объем тракторных работ (см. табл. 1.3). В 1943 г. объем механических работ, выполненных МТС в колхозах, упал до минимального показателя за все военные годы и сократился по сравнению с 1940 г. в 2,5 раза, в Башкирии и Удмуртии — в 3 раза, в Пермской области — в 2,6 раза, в Оренбургской и Свердловской — в 2,2 раза.

Установленные планы механизации работ в колхозах МТС не выполнялись (в % к плану)²³:

	1941	1942	1943
Башкирская АССР	83	68	47
Оренбургская обл.	85	62	60
Пермская обл.	96	67	69
Свердловская обл.	94	69	68
Челябинская обл.	88	61	74
Удмуртская АССР	92	47	60
Курганская обл.	—	—	52

**Объем тракторных работ МТС Урала в 1940—1945 гг.
(тыс. га «мягкой пахоты» без молотбы)***

АССР, область	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Башкирская АССР	3473	2494	1902	1161	1483	1690
Курганская обл.	—	—	—	1538	1657	1893
Оренбургская обл.	5631	4056	3172	2542	2703	2668
Пермская обл.	2395	1635	1235	921	1171	1330
Свердловская обл.	2029	1410	1123	919	1216	1408
Удмуртская АССР	1254	825	462	410	602	684
Челябинская обл.	6575	4643	3141	1219	1509	1442
Урал	21627	15063	11035	8710	10371	11115

* Составлено по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 911. Л. 31; Ф. 7486 Оп. 4. Д. 762. Л. 64, 116; Д. 839. Л. 6; ГАКО. Ф. 1591. Оп. 2 Д. 32. Л. 36; Д. 56. Л. 31; Д. 95. Л. 4, 50, 51; Ф. 1607. Оп. 1. Д. 73. Л. 34.

Еще больше сократилась доля комбайновой уборки зерновых в колхозах (в % к плану)²⁴:

	1941	1942	1943
Башкирская АССР	33	16	8
Курганская обл.	—	—	35
Оренбургская обл.	66	38	30
Пермская обл.	31	11	13
Свердловская обл.	48	23	27
Удмуртская АССР	13	5	4
Челябинская обл.	—	30	49

Уборка зерновых культур комбайнами сократилась в колхозах Урала в 2,9 раза в 1943 г. по сравнению с 1940 г. Более всего уменьшение комбайновой уборки коснулось колхозов Башкирии — в 5,4 раза и Удмуртии — в 3,4 раза. Горючего хватало в лучшем случае на время посевной. На косовице, скирдовании и обмолоте колхозы были вынуждены широко применять ручной труд, максимально использовать простые уборочные машины, ручной инвентарь. В Оренбургской области в 1941 г. на живом тягле было убрано 42,2 % площади зерновых, в 1942 г. — 61,6 %. В Удмуртии в 1942 г. на 50 % площадей уборка проводилась вручную, на 46 % — простыми уборочными машинами и только на 4 % — комбайнами²⁵.

Невыполнение планов машинно-тракторными станциями ставило колхозы в труднейшее положение, приводило к срыву сельскохозяйственных работ. Особенно тяжело приходилось многоземельным колхозам, которые до войны справлялись с высокой нагрузкой посевных площадей в основном за счет механизации основных полевых работ. МТС срывали весь комплекс агротехнических меро-

приятый, не соблюдали агротехнические сроки. В результате наблюдались большие потери урожая.

Кроме того, резко ухудшилось и качество тракторных работ. В ряде районов весновспашка проводилась мелко — на глубине 8—10 см, при этом сеяли на некультивируемых землях. Высеваемое зерно полностью не заделывалось в почву и оставалось на поверхности. Опытные председатели колхозов сами контролировали качество работ. Председатель колхоза «Заря» Ачитского района Свердловской области А. П. Тернов вспоминал: «Несмотря на неопытность трактористов, в «Заре» всегда требовали выполнения всех намеченных агромероприятий. Если, например, договор в отношении глубины вспашки не выполнялся, я сам садился за прицеп и заставлял пахать «по закону». Ачитская МТС в силу нехватки техники, частых поломок, невысокой квалификации механизаторов не могла выполнять полностью план работ. За весеннюю посевную 1943 г. колхоз должен был обработать в переводе на мягкую пахоту 2400 га, а МТС — только 459 га. За весь год МТС выполнила только 19 % от всех полевых работ колхоза. Остальные работы колхозу приходилось обрабатывать своими силами. План-то надо было выполнять обязательно».

В годы войны изменился не только объем, но и структура оказанных МТС услуг колхозам региона. Соотношение видов выполненных МТС работ в Свердловской области было следующим (в %) ²⁶:

	1941	1942	1943	1944	1945
Весновспашка	21,2	17,5	16,2	16,9	14,3
Подъем паров	5,8	8,8	8,4	7,4	8,3
Подъем зяби	0,9	4,4	4,3	7,1	5,9
Культивирование зяби и пара	16,5	11,2	13,4	14,9	18,9
Посев	9,7	10,7	14,4	15,7	15,4
Культивация пропашных	0,2	0,1	0,1	—	0,2
Уборка комбайнами	8,4	10,2	11,9	10,2	13,2
Вспашка целины	0,6	0,5	0,6	0,7	0,5
Боронование	36,5	30,1	27,7	24,4	22,4
Прочие	0,2	6,5	3,0	2,7	0,9

Из приведенных данных видно, что значительную долю в тракторных работах МТС занимали наиболее легкие операции (боронование). В то же время уменьшалась весновспашка, сокращалась культивация паров и зяби. План стремились выполнить в основном за счет наиболее легких операций. Эта укоренившаяся практика была следствием несовершенства учета работы машинно-тракторного парка в гектарах «мягкой пахоты». Оценкой деятельности МТС служил не полученный урожай в колхозах, а объем тракторных работ в гектарах «мягкой пахоты». Поэтому МТС стремились выполнить план за счет операций, которые требовали меньше затрат и времени. Понятие «условная (мягкая) пахота» было введено в

целях сравнения между собой отдельных сельхозработ, выполняемых тракторами. В основание коэффициента перевода работ в пахоту было положено количество горючего, затрачиваемого на выполнение отдельных работ. Если на гектар вспашки земель затрачивалось 18 кг горючего, а на гектар сева — 5,4 кг, то коэффициент перевода гектара сева в мягкую пахоту был $5,4:18=0,3$. Если на гектар боронования затрачивалось 1,98 кг горючего, а на гектар пахоты мягких земель те же 18 кг, то коэффициент перевода боронования в мягкую пахоту был равен $1,98:18=0,11$ и т. д.

В 1942 г. в ряде МТС, стремясь быстрее провести сев, применяли метод агрегатного сева (одновременная вспашка, боронование и сев). Далматовская, Заозерная, Миасс-Челябинская и другие МТС области добились перевыполнения плана тракторных работ и значительной экономии горючего. От этого метода пришлось отказаться, так как урожайность зерновых была крайне низкой²⁷. Чаще применялся посев по стерне. Нехватка или отсутствие соответствующих машин и инвентаря не позволяли МТС оказывать колхозам более существенную помощь. В некоторых видах работ (кошение и уборка сена, посадка и копка картофеля, уход за техническими культурами, вывоз навоза на поля и др.) МТС практически не участвовали. Эти виды работ выполнялись колхозами самостоятельно.

Сосредоточение основной сельскохозяйственной техники в государственной собственности ставило колхозы в экономически зависимое положение. Машинно-тракторные станции практически диктовали свои условия колхозам, контролировали их производственную деятельность, вели расчеты натурального и финансового характера. За использование техники МТС колхозы расплачивались продукцией. Это оговаривалось в типовом договоре МТС с колхозами, заключаемом в начале года, и размер натуроплаты не зависел от выполнения запланированного объема работ. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 25 мая 1939 г. «Об отнесении колхозов к разрядам урожайности для начисления натуроплаты за работы МТС» вводилась процедура установления разряда урожайности за 15 дней до начала уборки соответствующей культуры. Для того или иного района размер оплаты производился по состоянию урожайности (биологической), исходя из данных большого количества разных служб: межрайонных государственных инспекторов по определению урожайности, райисполкома, МТС и районного уполномоченного Наркомата заготовок СССР. Биологическая урожайность не учитывала потери зерна при уборке, транспортировке и пр. и была выше фактической, а это соответственно повышало натуроплату.

Ставки натуроплаты за работы МТС по зерновым культурам в годы войны не менялись. Области и республики Урала относились

к различным группам по размерам оплаты работы МТС. Колхозы Челябинской области по сравнению с колхозами Свердловской или Пермской областей примерно в два раза больше оплачивали натурой работы МТС. Из-за недостатка живого тягла в колхозах Челябинской области механизация полевых работ была примерно в полтора раза выше, чем в Свердловской области. Это дополнительно к ставкам натуроплаты повышало сдачу зерна с 1 га посева. Колхозы из года в год оставались должниками МТС. К началу 1944 г. непогашенная денежная задолженность по натуроплате прошлых лет составила в области 38,2 млн рублей²⁸.

Сами машинно-тракторные станции не имели никакой возможности изменить положение, они полностью зависели от централизованных поставок и техники, и запасных частей, и горюче-смазочных материалов.

С 1944 г. в сельском хозяйстве региона наметились некоторые позитивные сдвиги. Немаловажное значение имел моральный фактор. Красная Армия к этому времени освободила важнейшие сельскохозяйственные районы. Коренной перелом в войне позволил больше внимания уделить сельскому хозяйству. Заметно окрепла материально-техническая база, несколько увеличилось финансирование. В 1943 — 1944 гг. в стране восстанавливалось производство тракторов, сельскохозяйственных машин и орудий. Как отмечает М. А. Вылцан, влияние войны на состояние производительных сил сельского хозяйства СССР не исчерпывалось прямым ущербом, нанесенным ею. Не меньшие последствия имел и косвенный ущерб — задержка на ряд лет технического прогресса в сельскохозяйственном машиностроении. В интересах быстрее восстановления сельского хозяйства был возобновлен выпуск устаревших тракторов довоенных марок. Но качество выпускаемых тракторов ухудшилось²⁹.

На Урале в заключительный период войны была предпринята попытка укрепления ремонтной базы МТС. В Пермской и Свердловской областях в 1943 г. приступили к строительству четырех ремонтных заводов, в Челябинской области в 1944 г. начал работать Полтавский ремонтный завод, в Башкирской АССР — Бирский, Буздякский и Стерлитамакский заводы. В Курганской области после ее образования было всего два ремонтно-механических завода (Каргапольский и Лебяжьевский), в 1944 г. были организованы еще три — Курганский, Куртамышский и Шумихинский МРЗ и Курганский электроплавильный завод³⁰. Хотя это были и небольшие предприятия, но их положительное влияние сказалось уже в 1944 г. и особенно в 1945 г., когда значительная часть техники МТС, в отличие от предшествующих лет, была подготовлена к полевым работам.

В марте 1944 г. СНК СССР принял постановление «О материально-техническом обеспечении сельского хозяйства», в котором устанавливался план производства сельскохозяйственной техники и запасных частей³¹. Положение с запасными частями к концу войны улучшилось. В Пермскую область в 1940 г. были завезены сельскохозяйственные машины, уборочный инвентарь и запасные части на 10,5 млн руб., в 1941 г. — на 9,9 млн руб., в 1942 г. — на 3,4 млн руб., в 1943 г. — на 4,3 млн руб., то в 1944 г. — на 9,9 млн руб. Это имело большое значение прежде всего для Курганской и Оренбургской областей, имевших слабую ремонтную базу. В 1944 г. централизованный завоз запасных частей в Курганскую область увеличился в 2 раза по сравнению с 1943 г. В 1943 г. в области был проведен капитальный ремонт 1983 тракторов, а в 1944 г. — уже 2219³².

Принятые меры позволили улучшить показатели деятельности МТС. Повсеместно поднялась выработка тракторов и комбайнов. В 1945 г. по сравнению с 1943 г. выработка на трактор увеличилась в машинно-тракторных станциях Башкирской АССР на 64 %, Курганской области — на 35, Оренбургской — на 20, Пермской — на 51, Свердловской — на 58, Челябинской — на 34, Удмуртской АССР — на 88 %. Объем работ МТС, производимых в колхозах, увеличился на 28 % (см. табл. 1.3). В условиях нехватки рабочих рук и низкого уровня агротехники расширение сферы деятельности МТС имело большое значение для колхозов.

В годы войны резко снизилась техническая оснащенность совхозного производства Урала (см. табл. 1.4). Количество тракторов в среднем на один совхоз уменьшилось наполовину, комбайнов — на 12 %. По сравниваемым совхозам Урала системы Наркомата совхозов число тракторов к марту 1943 г. сократилось на 47,6 % в связи с передачей их в Красную Армию и в освобожденные районы страны³³.

Т а б л и ц а 1.4

**Тракторный и комбайновый парк совхозов Урала
в 1941 — 1945 гг., шт.***

Показатель	1941	1942	1943	1944	1945
Тракторы	8056	6182	3966	3347	3288
в среднем на 1 совхоз	24,4	28,4	16,4	13,2	13,0
Комбайны	4286	3820	3432	3228	2875
в среднем на 1 совхоз	13,0	17,5	14,2	12,8	11,4

*Составлено и рассчитано по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 191, Л. 135; Д. 298. Л. 23; Д. 545. Д. 92—94; Д. 791. Л. 35—37; Д. 1257. Л. 44, 45.

Из-за отсутствия запасных частей для ремонта техники, низкой квалификации механизаторов из год в год росло число неработавших тракторов. Их доля в 1942 г. составляла 13 %, в 1945 г. — 23, комбайнов в 1942 г. — 25 %, в 1943 г. — 33, в 1944 г. — 40, в 1945 г. — 47,7 %.

Некоторое увеличение техники в совхозах в 1942 г. было связано с приемом эвакуированных тракторов и комбайнов (см. табл. 1.4, графы «в среднем на 1 совхоз»). Начиная с 1943 г. сокращается объем механизированных работ в среднем на один совхоз Урала (тыс. га)³⁴:

	1941	1942	1943	1944	1945
Выполнено тракторами (в переводе на мягкую пахоту)	9,71	11,76	6,54	5,59	5,42
То же в %	100,0	121,1	67,4	57,6	55,8
Убрано комбайнами	3,09	63,46	2,06	1,49	1,54
То же в %	100,0	112,0	66,7	48,2	59,8

В 1945 г. тракторные работы в среднем на совхоз уменьшились на 44,2 %. В то же время комбайнами было убрано в 2 раза меньше, чем в 1941 г. Однако в 1945 г. наметился подъем в показателях в сравнении с предыдущим годом. В зерновых районах механизация полевых работ была выше. В зерносовхозах Челябинской области в среднем на хозяйство в 1942 г. выполнено 28,3 тыс. га тракторных работ и 7,9 тыс. га убрано комбайнами, а в 1945 г. соответственно — 15,7 и 3,9³⁵. Сокращение же механизации основных полевых работ существенным образом повлияло на результаты совхозного производства.

Промышленные предприятия оказывали помощь совхозам в поддержании техники в работоспособном состоянии — изготавливали запасные части, посылали ремонтные материалы и неиспользуемое на заводах оборудование. Отдел технического контроля Магнитогорского металлургического комбината оказал помощь в электрификации кормосовхоза № 2. Шефы послали в совхоз 300 высоковольтных изоляторов, 120 м провода для ввода, 6 т полосового и 100 т листового железа и т. д. К 1944 г. над каждым из 43 совхозов Челябинской области шефствовало одно из промышленных предприятий³⁶.

В годы войны уменьшилось количество транспортных средств. В течение 1941 — 1944 гг. число грузовых автомашин в МТС края сократилось на 67 %, в колхозах — на 95 %³⁷. Это серьезно осложняло работу, особенно на уборке. Без посылки машин с промышленных предприятий в этих условиях обойтись было нельзя.

Резко сократилась и численность сельскохозяйственных машин и орудий в колхозах региона: конных плугов — на 35 %, сенокоси-

лок — на 31,5, жаток — на 39,4, молотилок сложных — на 42,8, простых — на 17,1, кос — на 19,2 % (см. табл. 1.5).

Т а б л и ц а 1.5

Сельскохозяйственные машины и орудия в колхозах Урала
в 1940 — 1945 гг. (на конец года, тыс.)*

Машины и орудия	1940	1945
Плуги конные	376,8	244,6
Сенокосилки	51,3	35,2
Жатки	82,6	50,1
Молотилки сложные	4,0	3,5
Молотилки простые	27,1	19,6
Косы	103,5	83,6

* Составлено по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 323. Л. 414. Л. 511; ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3459. Л. 184—186, 192—194; Д. 3477. Л. 201—203, 205—207, 209, 211, 213.

Сокращение машин и орудий, которых и без того не хватало, привело к тому, что в среднем на одну уральскую сельхозартель к концу войны приходилось по 13,9 конных плуга, по 2 сенокосилки, по 2,8 жатки, по 0,2 сложных и 1,1 простых молотилки, по 4,7 косы. В этих условиях повсеместно на полевых работах использовался скот, простейшие машины и орудия. Пришлось восстанавливать и применять ранее выбракованные уборочные машины, косы, серпы, грабли, вилы, сбрую. Предприятия местной промышленности получали задания на изготовление кос-литовок, серпов, но справиться с ними не могли, так как выполняли заказы фронта³⁸.

Важное значение приобрело рациональное использование рабочего скота. За месяц до начала весенних полевых работ колхозы освобождались от трудгужповинности. Рабочий скот ставился на усиленную подкормку и отдых. Из-за нехватки лошадей в полевых работах использовали коров и быков. На весеннем севе 1943 г. в Свердловской области было занято 17,2 тыс. голов крупного рогатого скота³⁹.

Фронт подготил огромное количество лошадей — основную тяговую силу деревни. К началу 1944 г. количество рабочих лошадей в колхозах Урала составляло 579,6 тыс. голов (примерно по 33 лошади на колхоз), по сравнению с 1941 г. оно уменьшилось на 27,5 %. Особенно много лошадей поставила для фронта Башкирская АССР. За три военных года (до лета 1944 г.) из республики только в армию было передано 72,5 тыс. лошадей. Кроме того, колхозы поставляли их для промышленности, строительства и транспорта. Поголовье лошадей сократилось в Башкирии на 36 %, ?

в Удмуртии и Челябинской области — на 30 %, Курганской и Свердловской областях — на 28 %⁴⁰.

В порядке трудгужповинности колхозы постоянно направляли лошадей с возчиками на лесозаготовки и строительство промышленных объектов. На лесозаготовках лошади использовались в течение всего зимнего периода. В Свердловской области зимой 1940—1941 гг. в лесу работало 12,3 тыс. лошадей (9,1 % от их общего количества в колхозах), в 1941—1942 гг. — 9,3 тыс. (8,0 %), 1942—1943 гг. — 16,2 тыс. (14,0 %), в 1943—1944 гг. — 11,9 тыс. (12,0 %)⁴¹. Резкое сокращение поголовья лошадей заставили СНК СССР и ЦК ВКП(б) в мае 1943 г. принять специальное постановление «О мерах по увеличению поголовья лошадей, улучшения за ними ухода и содержания в колхозах и совхозах»⁴². В нем предписывалось покончить с обезличкой в уходе и использовании этого важнейшего вида рабочего скота, для чего требовалось закрепить все поголовье и сбрую за определенными колхозниками. С целью роста поголовья вводилась обязательная случка всех кобыл старше трех лет. При этом за уклонение от привода на случной пункт кобыл, годных к расплоду, председатели колхозов, директора совхозов подвергались штрафу из личных средств в размере 100 рублей за каждую неслученную кобылу. Привлекать рабочий скот из колхозов для выполнения каких-либо работ теперь разрешалось лишь на основании постановления СНК СССР.

Сокращение поголовья вело к резкому повышению нагрузки на одну голову рабочего скота. В Челябинской области она увеличилась на посеве на 7,8 %, на сенокосе — на 85,4 %. По отдельным колхозам южных районов (Агановский, Брединский, Варненский, Кизильский и др.) доходила до 40—45 га на рабочий скот, а на сенокосе — до 30—36 га⁴³. Сенокос в колхозах в основном проводился из-за недостатка горючего на живом тягле. Поскольку нагрузка при сенокосных работах увеличилась на рабочий скот почти вдвое и при этом уменьшилось количество машин, то эти работы затягивались и заканчивались вместе с уборкой зерновых культур.

Личное хозяйство колхозников, дававшее все основные продукты питания, кроме хлеба, основывалось исключительно на ручном труде с применением простейших орудий. Причем, если они приходили в негодность, заменить их или приобрести новые возможности не было.

В годы войны на Урале начинается электрификация сельского хозяйства. В феврале 1944 г. бюро Свердловского обкома партии приняло постановление «Об электрификации колхозов и МТС области»⁴⁴.

Одним из первых начал строительство малой гидроэлектростанции колхоз «Заря» Ачитского района на реке Ут. Затраты на строительство составили 2,5 млн рублей. Для создания нужного

запаса воды была сооружена плотина длиной 1400 м и высотой от 3 до 7 м. Лес для строительства имелся в избытке, но не было железа для изготовления крючьев. Задерживало строительство колхозной ГЭС и обязательное дорожное строительство, и строительство Ачитской МТС, которые требовали от колхоза рабочей силы и тягла. Тем не менее колхозники смогли построить гидроэлектростанцию мощностью в 250 КВт. В 1944 г. в Ачитском районе на базе использования существовавших плотин были электрифицированы 8 колхозов и 2 МТС. А в целом по области электрическую энергию имели к концу года 293 колхоза из 2185, 25 МТС из 74⁴⁵.

8 февраля 1945 г. СНК СССР принял постановление «О развитии сельской электрификации». Опыт Пермской, Свердловской, Горьковской и Ярославской областей в проведении электрификации силами колхозов за счет средств самих колхозов и сельскохозяйственного кредита был одобрен. На Урале широко развернулось шефство промышленных предприятий над строительством малых электростанций. На одном из заводов Свердловска по инициативе комсомольской организации было собрано 900 м кабеля, 3 км различного провода, изготовлено 3 тыс. изоляторов, 450 патронов, 8 тыс. крючков, смонтировано 5 генераторов и 4 двигателя. Уралмашзавод помог в сооружении и сдаче в эксплуатацию 11 ГЭС, 14 тепловых установок и подключении колхозов к высоковольтной линии в Манчажском районе. К ноябрю 1945 г. все колхозы района были электрифицированы⁴⁶.

За 1945 г. по Свердловской области электрифицировано 1007 колхозов и 38 МТС, построены и сданы в эксплуатацию: 116 гидроэлектростанций (мощностью 3230 КВт), 238 тепловых (5310 КВт), смонтирована 471 понизительная и повысительная подстанции, оборудовано высоковольтных и низковольтных линий электропередач 4300 км, установлено электромоторов 1300, в том числе на молотильных токах — 492, на сортировках — 412, на лесопилках — 127, на мельницах — 131, оборудовано 87 тыс. электроточек (в колхозных домах, больницах, амбулаториях и животноводческих фермах)⁴⁷.

В докладе заместителя председателя Пермского обласполкома В. Тиунова на пленуме Пермского обкома ВКП(б) в январе 1945 г. сообщалось, что в области за годы войны было построено 35 малых гидроэлектростанций, за 1944 г. — 20. В Еловском районе было введено 6 малых ГЭС общей мощностью 95 КВт. В колхозе «Память 1905 г.» возведена ГЭС мощностью 22 КВт с радиусом действия в 2,5 км. Она давала электроэнергию овцеводческой, свиноводческой и кролиководческой фермам и мельнице. Для здания электростанции были приспособлены неиспользуемые в колхозе строения, на ее строительство было затрачено 1113 трудодней. Общая

стоимость ГЭС по всем видам расходов составила 41 тыс. рублей. К лету 1945 г. в 251 колхозе работали на электроэнергии 130 молотилок, 48 зерноочистительных машин, 26 машин по подготовке кормов, 22 насоса для подачи воды, 48 лесопилок, 36 мельниц, 9 мастерских. Во второй половине 1945 г. были электрифицированы еще 95 колхозов, 12 МТС, 2 мотороремонтных завода, 6 райцентров. Всего за военные годы в области построено 93 сельских гидроэлектростанций⁴⁸.

В целом же электрификацией была охвачена незначительная часть колхозов, а в Удмуртии, Оренбургской и Курганской областях она практически не проводилась. Электрическая энергия потреблялась в основном для освещения помещений, в производственном процессе она использовалась слабо из-за недостатка соответствующих механизмов. Строительство малых сельских ГЭС велось методом народной стройки, активизировался этот процесс в послевоенные годы. Верно, на наш взгляд, мнение Р. П. Толмачевой о том, что проведение сельской электрификации — черта, подтверждающая восстановительные тенденции в сельском хозяйстве⁴⁹. Отметим, что этот процесс начался уже в ходе войны.

Ослабление материально-технической базы сельского хозяйства, сокращение трудовых ресурсов поставили колхозы и совхозы в сложное положение. Если в 1940 г. в целом по стране на одного трудоспособного колхозника приходилось 3,4 га посева, а на одну лошадиную силу живой и механической тяги — 6,2 га, то на Урале соответственно — 5,1 и 6,5 га⁵⁰. До войны с такой нагрузкой уральские колхозы справлялись за счет механизации сельскохозяйственных работ.

В военные годы механизация полевых работ в колхозах и совхозах резко снизилась, в животноводстве она отсутствовала. Деятельность МТС не гарантировала в условиях войны успешного ведения общественного хозяйства. Сокращение работ МТС на Урале ничем не компенсировалось. В 1942 г. нагрузка посевных площадей на 1 л. с. живой и механической тяги увеличилась в регионе до 7,8 га⁵¹, а на трудоспособного колхозника — до 7,2 га посевов. В наиболее тяжелом положении оказались южноуральские районы. В Челябинской области на одного трудоспособного приходилось 10,8 га, а в Оренбургской — 11,6 га. В аналогичном положении находились лишь некоторые районы Сибири и Поволжья, в частности Алтайский край, Новосибирская и Саратовская области. В остальных же районах страны нагрузка посевных площадей на трудоспособного не превышала 2—3 га⁵². Высокая производственная нагрузка была не только в полеводстве, но и в животноводстве. Трудоспособных в уральских колхозах было меньше, а площадь посева и поголовье скота на хозяйство больше, чем в среднем по стране.

Война оказала огромное разрушительное воздействие на производительные силы деревни. При таком положении материально-технической базы в сельском хозяйстве Урала справиться с задачей обеспечения сельскохозяйственной продукцией за счет внутри-регионального производства было невозможно. В годы войны государство сохранило некоторые формы материально-технической и финансовой поддержки сельского хозяйства. Прямые потери от войны были существенны. В силу этого осуществлялась ориентация преимущественно на собственные внутренние ресурсы села — как материально-технические, так и людские.

§ 2. Социально-демографические процессы в деревне

Материалы Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г., расчеты населения сектора демографии ЦСУ СССР, а также годовые отчеты колхозов, данные сельсоветского учета населения дают возможность проследить все основные изменения в социально-демографической структуре сельского населения Урала в годы Великой Отечественной войны.

Их анализ приводит к выводу о глубоком деформирующем воздействии войны на демографическую структуру сельского населения Урала. Война привела к резкому сокращению сельского населения региона и изменению его социально-профессиональной структуры. На происходившие в уральской деревне процессы оказывал влияние ряд факторов. Главные среди них — мобилизация в действующую армию, перераспределение сельского населения между отраслями промышленности, строительства и транспорта, резкое уменьшение рождаемости, огромная по размерам миграция, особенно эвакуация и реэвакуация населения.

Изменения в численности и составе населения Урала в военные годы представлены в таблице 1.6. В годы войны переписи не проводились, сведения о населении рассчитывались статистиками. Они основывались на текущем учете. Эти документы хранятся в фонде ЦСУ СССР ЦГАНХ СССР. Из данных табл. 1.6 видно, что в первый период войны население Урала увеличилось с 13,97 млн чел. в начале 1941 г. до 15,36 млн к началу 1943 г. (рост на 9,9 %). При этом рост был характерен для всего региона, более высокие темпы наблюдались в Свердловской (на 25,8 %) и Оренбургской (на 14,9 %) областях. Начиная с 1943 г. население региона сокращается. В начале 1944 г. по сравнению с началом 1943 г. оно составляло 93,6 %, а в начале 1945 г. — 85,0 %. В целом же за годы войны население Урала (к лету 1945 г.) уменьшилось на 7,7 %, в абсолютном выражении это составило 1076,6 тыс. чел. Его сокра-

Население Урала в годы Великой Отечественной войны (тыс. чел.)*

Область, республика	1.01.1941	1.12.1941	1.01.1943	1.01.1944	1.01.1945	1.06.1945
Башкирская АССР						
город	604,4	685,4	810,7	782,7	714,1	714,3
село	2631,9	2508,6	2367,6	2317,7	2009,4	1925,4
всего	3236,3	3194,0	5378,3	3130,4	2723,5	2639,7
Курганская обл.						
город				161,7	199,5	212,5
село				913,1	656,4	634,3
всего				1074,8	855,9	846,8
Оренбургская обл.						
город	495,7	611,0	650,0	637,0	559,0	569,0
село	1226,4	1373,0	1329,0	1119,0	1050,0	1054,0
всего	1722,1	1984,0	1979,0	1756,0	1609,0	1623,0
Пермская обл.						
город	931,2	1058,8	1081,4	1114,8	1095,3	1108,4
село	1252,5	1343,2	1192,9	1103,9	1022,1	941,2
всего	2183,7	2394,0	2274,3	2218,7	2117,4	2049,6
Свердловская обл.						
город	1579,9	2006,0	2089,5	2062,1	1951,8	1968,7
село	1016,6	984,0	1176,9	1039,3	839,2	794,7
всего	2596,5	2990,0	3266,4	3101,4	2791,0	2764,4
Удмуртская АССР						
город	342,2	432,0	393,0	391,3	384,0	386,0
село	907,9	965,0	947,0	692,0	666,0	663,0
всего	1250,1	1397,0	1340,0	1084,0	1050,0	1049,0
Челябинская обл.						
город	1282,9	1484,0	1586,8	1440,5	1392,9	1406,3
село	1700,8	1831,0	1536,7	605,0	522,3	518,0
всего	2983,7	3315,0	3123,5	2045,5	1915,5	1924,3
Урал						
город	5236,3	6269,2	6611,4	6590,1	6296,6	6365,2
село	8736,1	9004,8	8750,1	7790,7	6765,4	6530,6
всего	13972,4	15274,0	15361,5	14380,8	13062,0	12895,8

* Таблица составлена по данным сектора демографии ЦСУ СССР: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241-Л. 53, 54, 94, 95; Д. 405. Л. 2, 87; Д. 479. Л. 3; Д. 564. Л. 2; Д. 626. Л. 2.

шение характерно для всего региона, кроме Свердловской области (здесь оно увеличилось к концу войны на 6,4 % или на 166,9 тыс. чел.). Уменьшение шло в первую очередь за счет сокращения жителей села. В первый период войны рост населения был связан, во-первых, с эвакуацией большой массы людей из европейской части Советского Союза, во-вторых, с оргнабором на предприятия Урала населения Сибири, Средней Азии и Казахстана. В 1943—1945 гг. процесс сокращения населения был вызван продолжающейся мобилизацией на фронт и активной реэвакуацией населения.

Форсированное развитие промышленности региона вызывало быстрый рост городского населения, особенно это характерно для первого периода войны (рост на 26,3 %), затем шел процесс его постепенного уменьшения. К лету 1945 г. городское население увеличилось по сравнению с 1941 г. на 1,1 млн чел., или на 21,6 %. Рост численности горожан на Урале сопровождался расширением сети городов и поселков городского типа.

В этих условиях резко изменилось соотношение городского и сельского населения. Если до войны доля горожан составляла на Урале 37,5 %, крестьян — 62,5, то к концу войны — соответственно 49,4 и 50,6. Практически впервые в истории региона доля городских и сельских жителей уравнилась. Наиболее урбанизированной была Свердловская область, где удельный вес горожан в 1941 г. составлял 60,8 %, а летом 1945 г. — уже 71,2 %. В Пермской и Челябинской областях в годы войны городское население превысило сельское, составив к концу войны соответственно 54,1 и 73,1 %. В меньшей степени процесс урбанизации охватил Курганскую область и Башкирскую АССР.

Динамика численности сельского населения Урала была подвержена влиянию многих сложных социально-демографических процессов. Если население в городах выросло, то в сельской местности Урала оно неуклонно снижалось. Как видно из таблицы 1.6, за годы войны численность сельского населения на Урале сократилась на четверть (25,3 %), что характерно для всех регионов страны, однако на Урале сокращение было наибольшим. Так, в Сибири оно составило 23,2 %, а по РСФСР — на 14,9 %⁵³. При этом за первые полгода войны отток населения деревни компенсировался эвакуированными, в конце 1941 г. наблюдалось возрастание сельского населения на 3,1 % по сравнению с началом года. В последующие годы сокращение прогрессировало: в 1942 г. оно составляло 1,8 %, в 1943 г. — 11,0, в 1944 г. — 13,2 и за первую половину 1945 г. — 3,5.

В наибольшей степени уменьшение числа крестьян коснулось Челябинской и Курганской областей (на 32,2 %), Удмуртской (27,0 %) и Башкирской АССР (26,9 %). В результате удельный вес сель-

ского населения к лету 1945 г. был наиболее низким в промышленно развитых областях — Челябинской (26,9 %), Свердловской (28,5 %), Пермской (45,9 %). В районах с преимущественно сельскохозяйственным производством их доля была выше: в Оренбургской области — 60,0 %, в Башкирии — 72,9, Курганской области — 74,9.

Динамика сельского населения Урала в годы войны определялась такими демографическими показателями, как рождаемость и смертность (т. е. показателями естественного движения населения), однако зависела в большей степени от механического движения (уход в Советскую Армию, миграция, особенно эвакуация и реэвакуация), которое носило внеэкономический характер.

Число родившихся в сельской местности Свердловской области в годы войны резко уменьшилось и составляло в 1940 г. — 43,1 тыс. чел., в 1941 г. — 40,2 тыс., в 1942 г. — 25,9 тыс., в 1943 г. — 14,4 тыс., в 1944 г. — 11,3 тыс., в 1945 г. — 13,9 тыс. чел. В то же время сократилась и смертность среди селян: в 1941 г. она составляла по области 27,3 тыс. чел., в 1942 г. — 27,1 тыс., в 1943 г. — 32,9 тыс., в 1944 г. — 20,7 тыс., в 1945 г. — 21,4 тыс., в 1945 г. — 11,5 тыс. чел. В 1940, 1941 и 1945 гг. имелся прирост в естественном движении сельского населения области.

Подобную картину дают данные по Челябинской области (только здесь сокращение естественного прироста наблюдалось в 1943 и 1944 гг.). Коэффициент рождаемости среди сельского населения области (на 1000 чел.) составлял в 1942 г. — 23,3, в 1943 г. — 13,8, в 1944 г. — 11,6, в 1945 г. — 15,4. Коэффициент смертности показывает значительное снижение числа умерших: в 1942 г. он был 20,1, в 1943 г. — 15,4, в 1944 г. — 12,5, в 1945 г. — 8,5, т. е. уменьшился за сопоставимые годы почти в 2,4 раза⁵⁴.

Небывалых размеров в военные годы приняло механическое движение населения. Оно в первую очередь и меняло его структуру. Данные о миграции населения мы имеем только по Пермской, Свердловской и частично — Челябинской областям. В государственных архивах других областей и республик Урала, а также в центральных архивах они до сих пор не предоставляются в распоряжение исследователей.

Данные таблицы 1.7 по трем областям Урала показывают огромные размеры движения населения. Число прибывших превышало число выбывших. А это, в свою очередь, увеличивало механический прирост населения. Особенно большие размеры миграционного движения наблюдались в первый период войны. Затем они сокращаются. В 1944 г. в связи с реэвакуацией количество выбывших превышало количество прибывших, сальдо миграции во всех областях было отрицательным. Убыль населения из сельской местности сохранялась высокой на протяжении войны, однако имела тенденцию к сокращению из года в год. Значительное количество

неизвестных по прибытию и выбытию, как отмечалось в записке в статуправление РСФСР от заместителя уполномоченного Госплана СССР по Свердловской области (февраль 1945 г.), шло «...за счет прибывших и выбывших в ряды РККА и частично за счет прибывших и выбывших в трудколонию»⁵⁵.

Вынужденной формой перемещения людей в годы военных испытаний была эвакуация. Она началась в первый месяц войны, проводилась в два этапа. Первый этап проходил летом и осенью 1941 г. В тыловые районы страны было эвакуировано около 17 млн чел. Урал принял первых эвакуированных, и в июле 1941 г. их было здесь более 240 тыс. чел., а к декабрю 1941 г. — 1230,8 тыс. чел., что составляло 8,1 % от всего населения. Второй этап эвакуации развернулся летом и осенью 1942 г., был связан с наступлением гитлеровцев на юге страны. К концу 1942 г. число эвакуированных на Урал увеличилось до 1474 0 тыс. чел. Удельный вес эвакуированных среди всего населения Урала в начале 1943 г. составил уже 9,6 %, в том числе их доля среди городского населения достигла 12,5 %, а среди сельского — 7,4 %. В июле 1943 г. на Урале было размещено 1512,1 тыс. эвакуированных⁵⁶. Со второй половины 1943 г. активно разворачиваются реэвакуационные процессы, связанные с освобождением оккупированных районов. К концу 1943 г. на Урале проживало уже около 1,2 млн чел., а летом 1944 г. — более 800 тыс. (данные неполные). К концу 1945 г. подавляющая часть населения, прибывшего на Урал по эвакуации, возвратилась в родные места.

Эвакуированное население значительно повлияло на динамику численности сельского населения Урала, хотя большая его часть оседала в городах. В конце 1941 г. 43,6 % эвакуированных были размещены в сельской местности, в конце 1942 г. — 44,0, в конце 1943 г. — 48,3 %. Треть эвакуированных в конце 1941 г. была размещена в Свердловской области (30,8 %), далее в Оренбургской (18,5 %) и Челябинской (18,0 %). При этом, если в промышленно развитых областях большая часть прибывших была размещена в городах, то в областях с преимущественным сельскохозяйственным развитием — в сельской местности. В Свердловской области 74,6 % эвакуированных были оставлены в городах. В Оренбургской, наоборот, 53,1 % и в Башкирии 71,1 % были расселены в сельской местности.

Сравнивая данные об эвакуированном населении и материалы таблиц 1.6 и 1.7 видим, что эвакуация не только полностью возместила убыль населения Урала, но и обусловила в 1941—1943 гг. значительное увеличение его численности. В сельской местности приезд эвакуированных возместил отток населения и обеспечил его прирост только в 1941 г. В последующие годы положительного прироста не было, шло неуклонное его сокращение.

Механическое движение населения в 1941—1945 гг. (тыс. чел.)*

Область	год	Прибыло					Выбыло					Механический прирост за счет:				
		из го- родов		из сель- ской мест- ности		всего	из го- родов		из сель- ской мест- ности		всего	города	сель- ской мест- ности	неиз- вестно	всего	
		182,2	70,1	12,7	265,0		45,2	39,2	50,4	134,8						
Пермская	1941	92,3	51,1	27,2	170,6	51,7	29,0	29,0	55,3	136,0	40,6	137,0	30,9	-37,7	130,2	
	1942	47,8	57,9	25,3	131,0	32,9	13,1	13,1	31,5	77,5	14,9	40,6	22,1	-28,1	34,6	
	1943	17,4	28,9	10,2	56,5	36,5	12,7	12,7	13,6	62,8	-19,1	14,9	44,8	-6,2	53,5	
	1944	20,2	25,8	14,2	60,2	22,9	10,7	10,7	7,1	40,7	-2,7	-19,1	16,2	-3,4	-6,3	
	1945	355,3	111,2	21,9	488,4	86,1	48,9	48,9	126,5	261,5	269,2	-2,7	15,1	7,1	19,5	
Свердловская	1941	213,9	59,8	58,2	331,9	72,0	31,6	31,6	112,9	216,5	141,9	269,2	62,3	-104,6	226,9	
	1942	75,6	55,8	32,2	163,6	38,7	11,9	11,9	46,8	97,5	36,9	141,9	28,2	-54,7	115,4	
	1943	43,5	48,5	13,2	105,2	70,6	19,4	19,4	25,7	115,7	-27,1	36,9	43,9	-14,6	66,2	
	1944	44,9	46,3	28,2	119,4	55,6	13,6	13,6	15,4	84,6	-10,7	-27,1	29,1	-12,5	-10,5	
	1945	272,5	84,8	10,6	367,9	58,5	47,8	47,8	68,9	175,2	214,0	-10,7	32,7	12,8	34,8	
Челябинская	1941	90,2	41,1	18,1	149,4	39,6	19,3	19,3	67,1	126,0	50,6	214,0	37,0	-58,3	192,7	
	1942	25,6	26,2	8,1	60,9	43,7	8,7	8,7	12,3	64,6	-17,1	50,6	21,8	-49,0	23,4	
	1943	20,2	23,6	11,8	55,6	24,1	9,0	9,0	8,6	41,8	-3,9	50,6	17,6	-4,2	-3,7	
	1944											-3,9	14,6	3,2	13,8	
	1945															

* Рассчитано по: ГАПО. Ф. 493. Оп. 11. Д. 5. Л. 50, 71, 73, 103, 114, 115; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 788. Л. 18—21, 26, 27, 39—41, 51, 52, 69, 70; ГАЧО. Ф. 485. Оп. 17. Д. 27. Л. 22, 23; Д. 38. Л. 5, 6; Д. 77. Л. 23—26; Д. 99. Л. 7, 10, 11.

В уральской деревне разместились в основном женщины с детьми, престарелые. Эвакуированные граждане привлекались к работе в сельском хозяйстве. По данным переселенческих отделов облисполкомов и СНК автономных республик (по нашим подсчетам), в 1942 г. в сельском хозяйстве трудились 15 тыс. эвакуированных в Свердловской области, 23,6 тыс. — в Челябинской, 48,7 тыс. — в Оренбургской, 44,9 тыс. — в Башкирской АССР. А всего по Уралу, по данным на ноябрь 1942 г., работали 158,3 тыс. эвакуированных⁵⁷.

Анализ приведенных данных показывает, что отток населения из уральской деревни в 1941—1945 гг. принял особенно крупные размеры. Мобилизация мужчин призывного возраста в Красную Армию, которая в сельских районах была практически поголовной, переезд в города для работы в промышленности, на транспорте и в строительстве селян, призыв сельской молодежи в систему трудовых резервов вызывали значительное сокращение сельского населения Урала и деформировали его структуру. Это сокращение серьезно отразилось на формировании трудовых ресурсов села. Колхозы, совхозы и МТС региона ощущали острую нехватку не только квалифицированных кадров, но и просто рабочих рук.

Т а б л и ц а 1.8

Половой и возрастной состав сельского населения (наличного)
Свердловской области (‰)*

Возраст, лет	1.01.1943		1.01.1944		1.01.1945	
	все сель- ское на- се- ление	в кол- хозах	все сель- ское на- се- ление	в кол- хозах	все сель- ское на- се- ление	в кол- хозах
Мужчины						
0—7	29,4	29,5	29,5	29,9	26,0	26,3
8—13	19,2	20,6	19,3	21,3	21,6	23,5
14—15	8,7	9,7	8,2	9,5	8,1	9,3
16—59	30,9	26,7	34,1	28,3	35,8	30,7
60 и старше	11,8	13,5	8,9	11,0	8,5	10,2
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Женщины						
0—7	18,3	17,8	18,0	17,2	15,8	14,9
8—13	12,4	12,8	12,0	12,5	13,5	13,7
14—15	6,1	6,3	5,6	5,9	5,4	5,7
16—54	50,5	48,9	49,7	48,0	50,5	49,3
55 и старше	12,7	14,2	14,7	16,4	14,8	16,4
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Всего мужчин и женщин, тыс. чел.	974,3	508,1	866,5	456,1	795,0	427,2

* Составлено по: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 863. Л. 1, 6, 10.

Возможность проследить изменения качественного состава сельского населения позволяют данные единовременного сельсоветского учета, которые составлялись на основе похозяйственных книг и списков с 1 января 1943 г. В научный оборот они до сих пор не введены. Мы располагаем материалами только по Свердловской области, так как в других местах на Урале они или не сохранились, или закрыты для исследователей. Из сопоставимых данных по 663 сельским Советам Среднего Урала явствует, что сельское население с 1 января 1943 г. по 1 января 1945 г. сократилось на 10,6 %, а наличное — на 19,5 % (см. табл. 1.8).

Основные факторы убыли сельского населения области:

1) некоторые сельсоветы по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР были преобразованы в рабочие поселки. За 2 года население этих сельсоветов, перешедших в категорию городского населения, составило 31,3 тыс. чел.;

2) мобилизация селян на постоянную работу в промышленность и строительство, призыв сельской молодежи в ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения (за 2 года 29,8 тыс. чел.);

3) естественная убыль населения (превышение смертности над рождаемостью) — за 2 года — 16 тыс. чел.;

4) эвакуация населения, размещенного в сельской местности (за 2 года — 54 тыс. чел.).

Кроме того, значительное количество населения выбыло в связи с призывом в Советскую Армию, а также перешло на работу в городскую местность. Из года в год росло отсутствующее сельское население — на 1 января 1943 г. оно составляло 14,1 %, на 1 января 1944 г. — 15,9 %, на 1 января 1945 г. — 16,7 %.

Среди всего наличного сельского населения области колхозники составляли в 1943 г. 52,1 %, в 1945 г. — 53,7 %; рабочие и служащие — соответственно 36,8 и 40,3 %; единоличники и неорганизованные кустари — 0,8 и 0,5 %; временно проживающие, включая эвакуированных — 10,2 и 5,5 %. За два года все группы сельского населения уменьшились. Наибольшему сокращению подверглись группы временно проживающих (на 55,7 %) и единоличников (на 53,5 %). Количество колхозников уменьшилось на 15,9 %, а рабочих и служащих — на 10,8 %, поэтому и увеличилась их доля среди сельского населения. До войны, по материалам переписи 1939 г., колхозники составляли среди сельского населения области 47,0 %, а рабочие, служащие и организованные кустари — 49,9 %, единоличники и неорганизованные кустари — 3,1 %. К началу 1945 г. картина меняется: доля колхозников увеличивается до 56,9 % а рабочих и служащих уменьшается до 42,6 %, единоличников до 0,5 % (рассчитано после вычета временно проживающего населения).

Этот источник позволяет проанализировать и сильное деформирующее влияние войны на половой состав сельского населения. Если до войны мужское сельское население в Свердловской области составляло 46,7 %, а женское — 53,3 %, то в 1943 г. доля мужчин сократилась до 38,3 %, в 1945 г. — до 37,3 %, а женщин увеличилась до 61,7 % в 1943 г. и до 62,7 % в 1945 г. Среди населения колхозов мужчины составляли в 1943 г. 37,6 %, в 1945 г. — 35,9 %, женщины — 62,4 и 64,1 %. В абсолютных величинах число мужчин среди всего сельского населения области уменьшилось за два года на 20,4 %, женщин — на 17,1 %, среди населения колхозов — мужчин на 19,7, женщин — на 13,7 %. По возрастным группам наибольшему сокращению подверглись среди мужского пола 60 лет и старше — на 42,8 %, от 0 до 8 лет — на 29,6 %, 14—15 лет — на 26,7 %. Группа мужчин в трудоспособном возрасте уменьшилась на 8,9 %. Среди женского пола более всего сократилась младшая группа от 0 до 8 лет — на 28,5 % и 14—15 лет — на 26,0 %. Женщин в трудоспособном возрасте стало меньше на 17,2 %, а 55 лет и старше — на 3,6 %.

Сокращение удельного веса населения в младшей группе до 8 лет было вызвано резким уменьшением рождаемости. Незначительно выросла доля мужского и женского пола в возрасте 8—13 лет, группа в возрасте 14—15 лет уменьшилась в силу того, что подростки активно вовлекались в производство и призывались в систему трудовых резервов. В целом же доля детей в возрасте до 8 лет составляла среди всего сельского населения 22,6 % в 1943 г. и 19,6 % в 1945 г., среди населения колхозов — 22,2 и 19,0 %. В то же время детей 8—15 лет среди сельского населения было в 1943 г. 22,1 %, в 1945 г. — 22,9 %, среди колхозников — 23,3 и 24,1 %.

Удельный вес населения в трудоспособном возрасте в деревне среди мужчин (16—59 лет) составлял примерно одну треть всего мужского населения, женщин (16—54 лет) — примерно половину, изменения в общей структуре незначительны. Однако доля мужчин 16—59 лет во всем сельском населении составила в 1943 г. — 11,8 %, в 1944 г. — 12,8 %, в 1945 г. — 13,4 % (рост был обусловлен возвращением в деревню раненных бойцов и инвалидов войны). 31 % среди всего сельского населения области составляли женщины 16—54 лет. В колхозах наблюдалась подобная картина, только мужчин было 10—11 %, а женщин — 30—31 % от всех колхозников. Доля мужчин и женщин в наиболее жизнедеятельном возрасте 25—29 лет была крайне низкой. Мужчин этой группы было 5,8—6,4 % среди всего сельского населения, среди колхозников еще меньше — 3,9—4,1, женщин — соответственно — 18,3—19,1 и 17,4—17,8 %. На них в первую очередь лежали все тяготы сельскохозяйственного производства.

Значительная доля людей в нетрудоспособном возрасте (мужчин 60 лет и старше и женщин 55 лет и старше) — 12,4 % среди всего сельского населения и 13,9—14,2 % среди населения колхозов свидетельствовала о старении деревенского населения. Определяющей в демографической нагрузке на сельских жителей была тенденция увеличения числа детей, иждивенцев и престарелых на одного трудоспособного. Это обстоятельство затрудняло привлечение женщин в общественное производство.

Такая перегруппировка в соотношении половозрастных групп сельского населения, происшедшая на протяжении кратчайшего времени, существенным образом отразилась на производственной деятельности колхозов, МТС и совхозов и трудовой активности населения.

Значительные изменения в годы войны произошли в численности и составе колхозного крестьянства Урала. В целом по стране население колхозов уменьшилось на 18 %. Ю. В. Арутюнян объясняет этот процесс не только мобилизацией в армию, но и бурным развитием промышленности в восточных районах⁵⁸. Строительство новых заводов, размещение эвакуированных предприятий на Урале вызвали большой отток населения деревни. По данным годовых отчетов, с 1940 по 1944 г. наличное население колхозов региона стало меньше на 21,7 %, а наличное трудоспособное — на 40 % (см. табл. 1.9). По Пермской области и Удмуртской АССР сокращение количества трудоспособных колхозников составило более 43 %. По размерам этот процесс на Урале опережал другие регионы страны⁵⁹.

Данные таблицы 1.9 показывают, что наибольшему сокращению подверглась группа трудоспособных мужчин-колхозников. С конца 1939 и до конца 1944 г. число мужчин в колхозах Урала уменьшилось на 76,9 %, а в Удмуртии — на 79,0 %. В 1945 г. впервые за годы войны количество мужчин выросло по сравнению с 1944 г. на 130,2 тыс. чел. (почти в 1,5 раза). Это было связано с демобилизацией из рядов Советской Армии.

Сокращалась численность и других групп населения: женщин к 1945 г. стало меньше на 13,6 % (по сравнению с 1939 г.), подростков — на 8,4 % (по сравнению с 1940 г.). Огромное сокращение численности трудоспособных колхозников по сравнению с другими группами (подростки, нетрудоспособные) существенно изменило структуру населения колхозов Урала (% ко всему населению):

	1940 г.	1944 г.
Трудоспособные	44,2	33,9
Подростки	10,3	12,1
Нетрудоспособные	45,5	54,0

Доля трудоспособных на селе и до войны была низкой, что связано с преобладанием детей и перемещением части трудоспособных в город. Если в 1940 г. среди населения колхозов было трудоспособных лиц 44,2 %, то в 1944 г. — только 33,9. Уменьшение произошло в результате мобилизации колхозников в армию и промышленность.

Т а б л и ц а 1.9

**Трудовые ресурсы колхозов Урала
в годы Великой Отечественной войны (на конец года)***

Год	Башкир- ская АССР	Курган- ская обл.	Оренбург- ская обл.	Перм- ская обл.	Свердлов- ская обл.	Удмурт- ская АССР	Челябин- ская обл.	Урал
Число колхозов (вошло в разработку)								
1940	3980	—	2075	3340	2163	3445	2818	17821
1941	3980	—	2049	3237	2118	3418	2712	17514
1942	3986	2011	2048	3206	2191	3414	888	17744
1943	4026	1970	2046	3147	2181	3418	882	17670
1944	4089	1772	2051	3093	2177	3439	885	17506
1945	4143	1767	2054	3073	2168	3470	876	17551
В них наличных колхозных дворов (тыс.)								
1940	435,6	—	184,5	217,6	139,7	145,7	245,4	1368,5
1941	402,6	—	181,1	208,4	139,5	142,8	201,0	1275,4
1942	414,5	155,4	184,8	214,5	151,2	143,3	79,0	1342,7
1943	412,5	155,6	181,7	208,9	146,2	139,0	76,6	1320,5
1944	405,7	134,3	178,9	201,0	139,1	136,4	73,3	1268,7
1945	413,6	129,8	177,0	197,6	135,3	135,7	72,0	1261,0
Наличное население (тыс. чел.)								
1940	1834,2	—	769,7	795,5	519,5	647,8	925,8	5492,5
1941	1695,0	—	718,8	713,4	476,6	595,3	739,9	4939,0
1942	1642,7	504,4	684,6	692,0	481,6	532,3	266,8	4804,4
1943	1597,5	481,0	654,2	630,6	435,7	502,2	241,7	4542,9
1944	1529,4	407,2	626,1	624,7	404,4	476,6	230,6	4299,0
1945	1577,3	404,9	645,9	603,9	410,7	488,8	235,0	4366,2
Число наличных трудоспособных (тыс. чел.)								
1940	713,8	—	350,3	385,4	237,0	298,9	443,8	2429,2
1941	619,8	—	285,4	291,4	183,1	225,1	290,7	1895,5
1942	548,9	195,1	253,5	257,1	180,2	191,9	100,5	1727,2
1943	483,0	164,1	231,6	236,3	160,2	180,7	89,3	1545,2
1944	472,9	139,9	231,4	217,0	152,9	168,5	85,2	1457,8
1945	527,7	151,6	246,9	225,1	160,6	180,2	94,0	1586,0

Год	Башкир- ская АССР	Курган- ская обл.	Оренбург- ская обл.	Перм- ская обл.	Свердлов- ская обл.	Удмурт- ская АССР	Челябин- ская обл.	Урал
Число наличных трудоспособных мужчин (тыс. чел.)								
1939	387,8	—	173,3	170,2	113,2	133,2	206,6	1178,3
1941	210,0	—	89,6	89,6	53,8	66,1	91,2	601,2
1942	130,0	44,3	57,5	52,7	40,2	36,9	25,4	387,0
1943	95,0	25,6	45,8	38,8	29,9	33,1	18,2	286,4
1944	91,2	22,4	43,5	39,1	29,6	28,0	18,6	272,4
1945	141,1	36,3	68,0	49,5	40,2	40,3	27,2	402,6
Число наличных трудоспособных женщин (тыс. чел.)								
1939	437,7	—	192,6	218,1	129,6	162,0	231,7	1371,7
1941	408,9	—	195,8	201,8	129,3	159,0	199,5	1294,3
1942	418,9	150,8	196,8	214,4	140,0	155,0	75,1	1340,2
1943	388,0	138,5	185,8	197,5	130,3	147,6	71,1	1258,8
1944	381,7	117,5	177,9	177,9	123,3	140,5	66,6	1185,4
1945	386,6	115,3	178,9	175,6	120,3	139,9	66,8	1183,4
Число наличных подростков (12—16 лет, тыс. чел.)								
1940	182,8	—	85,9	73,5	55,1	64,4	104,8	566,5
1941	183,3	—	85,3	77,1	55,7	67,9	86,2	555,5
1942	194,3	64,9	90,6	82,7	59,7	68,1	33,9	594,2
1943	176,3	59,6	83,8	77,0	53,7	66,5	30,6	547,5
1944	179,8	49,1	75,4	72,6	49,3	65,9	26,9	519,0
1945	184,4	43,4	68,1	67,6	46,0	67,9	26,1	503,5
Число наличных престарелых и нетрудоспособных (тыс. чел.)								
1940	нет сведений							
1941	269,1	—	102,2	154,0	94,5	107,0	124,3	851,1
1942	107,2	42,1	41,7	77,1	45,4	42,0	17,2	372,7
1943	106,2	45,2	42,6	81,9	46,2	41,4	18,1	381,6
1944	107,1	37,6	42,6	80,1	45,4	43,9	17,8	374,5
1945	98,9	35,1	38,4	78,7	43,6	45,0	17,2	356,9

* Составлено по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 415. Л. 1; Ф. 7486. Оп. 3. Д. 3995. Л. 54; ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3443. Л. 9, 10, 12, 13; Д. 3449. Л. 8—10, 12—14; Д. 3456. Л. 8—10, 12—14; Д. 3466. Л. 7—9, 11—13; Д. 3474. Л. 5—7, 13—15; Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М., 1960. С. 56—57.

Качественные изменения произошли за годы войны в группе трудоспособных. До войны мужчины в составе трудоспособных составляли 46,2 %, женщины — 53,8 %, в 1944 г. — соответственно 18,7 и 81,3 %. Главной силой в колхозах в годы войны были женщины. Массовой формой привлечения подростков и женщин в про-

мышленность явились мобилизации и призыв сельской молодежи в трудовые резервы. Среди обучавшихся в школах ФЗО, РУ и ЖДУ Урала в 1940—1945 гг. 69 % были выходцы из села⁶⁰.

В годы войны убыль крестьянского населения в регионе значительно опережала сокращение колхозных дворов, что вело к их обезлюдению. Об этом свидетельствуют данные о численности колхозного населения на Урале в расчете на 10 колхозных дворов, чел.:

	1940	1944	1945
Все наличное население	40	34	35
Трудоспособные	18	11	12
в том числе: мужчины	8	2	3
женщины	10	9	9
Подростки	4	4	4

До войны в одном дворе на Урале проживало в среднем 4 человека. Почти в каждом хозяйстве был трудоспособный мужчина. В 1944 г. один трудоспособный мужчина приходился на пять дворов, в 1945 г. — на три-четыре двора. В эти годы в девяти из десяти дворов на Урале имелась трудоспособная женщина. Следовательно, за годы войны на Урале увеличилось число колхозных дворов, которые велись престарелыми колхозниками. Это подтверждает вывод о том, что хозяйства колхозников по сравнению с довоенным периодом существенно ослабли.

Отмеченные процессы — резкое уменьшение численности населения, изменение структуры колхозного крестьянства — были характерны для всех тыловых районов страны. Однако на Урале они проявились в больших, чем в других регионах, размерах. Приведенные факты свидетельствуют о том, что деревня в годы войны была основным источником пополнения армии и рабочих кадров промышленности. Сельское население в военный период характеризовалось большой подвижностью.

Значительная убыль населения деревни выдвигала в число первоочередных проблему дефицита рабочей силы колхозов и совхозов края. Особенно остро она проявлялась в период важнейших сельскохозяйственных кампаний. Так, на уборке урожая 1942 г. в колхозах Пермской области недостаток рабочей силы составлял 44,6 %⁶¹. Кроме того, одновременное сокращение трудоспособного населения и ослабление материально-технической базы сельского хозяйства привели к росту нагрузки на единицу рабочей силы.

В годы войны число трудоспособных и размеры уральских колхозов были меньше, чем по стране, а площадь посева и поголовье

скота больше. Об этом свидетельствуют следующие данные (в среднем на 1 колхоз)⁶²:

	1940		1944		1945	
	Урал	СССР	Урал	СССР	Урал	СССР
Количество дворов	77	80	73	83	72	82
Количество трудоспособных лиц, чел.	139	150	83	101	91	109
Площадь посева, га	700	499	487	377	476	382
Количество крупного рогатого скота, голов	89	85	69	69	70	71

Руководствуясь ленинским указанием о том, что в условиях войны «на трудовой фронт должны быть брошены все трудоспособные силы страны, и мужчины, и женщины, и даже подростки»⁶³, партийные и советские органы Урала приняли ряд мер по обеспечению сельского хозяйства рабочей силой. Характер этих мер был одинаков для всех областей и республик региона — вовлечение в общественное производство всех имеющихся в деревне людских ресурсов, улучшение организации труда, устранение непроизводительных потерь рабочего времени, повышение интенсивности труда.

Местные органы с первых дней войны проводили большую работу по привлечению в производство неработающих трудоспособных женщин. Это и широкая разъяснительная работа, и забота о создании условий для участия в сельскохозяйственном производстве. В общем балансе трудоспособной рабочей силы уральских колхозов женщины составляли, %: в 1941 г. — 69,7, в 1942 г. — 77,6, в 1943 г. — 81,5, в 1944 г. — 81,3 (см. табл. 1.9). Среди постоянных рабочих совхозов и подсобных сельскохозяйственных предприятий Урала удельный вес женщин возрос с 45 % в 1941 до 64 % в 1945 г.⁶⁴

В годы войны выросла доля женщин и в количестве выработанных трудодней. Если в 1941 г. они выработали 43,1 % начисленных в колхозах трудодней, то в 1942 г. — 45,8, в 1943 г. — 49,8, в 1944 г. — 52,4 в 1945 г. — 52,2 %⁶⁵.

Свой вклад в победу над врагом внесли тысячи престарелых и нетрудоспособных колхозников. В колхозах Урала среди всех принимавших участие в работе они составляли, %: в 1942 г. — 13,5, в 1943 г. — 15,3, в 1944 г. — 15,9, в 1945 г. — 14,6⁶⁶. Трудились на полях и сотни тысяч подростков.

Вовлечение в производство всех слоев сельского населения позволило лишь частично возместить убыль трудоспособного населения. Если в 1941 г. убыль рабочей силы из колхозов Оренбургской

и Свердловской областей удалось компенсировать на 35,9 %, то в 1942 г. — на 24,2, в 1943 г. — на 4,7, а в 1944 г. — всего лишь на 0,4 %⁶⁷. Следовательно, если в 1941—1942 гг. убыль рабочей силы из колхозов была частично восполнена за счет женщин-домохозяек, престарелых и подростков, то в 1943—1944 гг. дефицит работников практически не возмещался.

В годы войны претерпела изменения структура совхозных кадров региона. Сокращение механизаций потребовало более широкого применения ручного труда. Однако среднегодовое число работников в совхозах Урала сократилось с 115,3 тыс. чел. в 1941 г. до 83,2 тыс. в 1945 г. (в среднем на совхоз — с 357 до 328). На одном уровне остался лишь удельный вес рабочих — 87—88 %⁶⁸.

Данные таблицы 1.10 показывают, что число работников в совхозах Челябинского зернотреста (количество совхозов в тресте не изменилось) уменьшилось на 33,2 %. В связи с мобилизацией в Красную Армию резко сократился удельный вес постоянных рабочих — с 65 % в 1940 до 44,6 % в 1942 г., но с 1943 г. эта категория работников постепенно увеличилась и составила в 1945 г. 53,7 %. Доля сезонных и временных рабочих в 1942 г. резко выросла до 43,1 %, в последующие годы постепенно сокращалась до 32,8 % в 1945 г. Абсолютно и относительно уменьшилось число инженерно-технических работников. ИТР в 1940 г. составляли 5,5 % от всех работников совхозов, в конце войны — 3,8 %. Удельный вес младшего обслуживающего персонала и учеников остался практически на одном уровне.

Т а б л и ц а 1.10

**Структура кадров совхозов Челябинского зернотреста
Наркомата совхозов СССР (на конец года, тыс. чел.)***

Категория работников	1940	1942	1943	1944	1945
Постоянные рабочие	7,21	5,05	3,38	4,05	4,02
Сезонные и временные	2,03	4,89	2,57	2,54	2,45
ИТР	0,61	0,47	0,3	0,3	0,28
Служащие	0,55	0,28	0,27	0,29	0,29
Мл. обслуж. персонал	0,59	0,45	0,34	0,35	0,35
Ученики	0,1	0,15	0,18	0,12	0,08
Итого	11,19	11,33	7,05	7,65	7,48

* Подсчитано по: ЦГАНХ СССР. Ф. 7802. Оп. 1. Д. 2236. Л. 8; Д. 2272. Л. 6; Д. 2293. Л. 7; Д. 2314. Л. 7; Д. 2342. Л. 7.

Около 70 % сезонных и временных рабочих набиралось из женщин. Женщины в годы войны заменили ушедших на фронт, овладели всеми необходимыми специальностями. Основными источни-

ками пополнения работников совхозов региона были неработающие ранее трудоспособные члены семей.

Пополнение сельского хозяйства рабочей силой не восполняло в целом по Уралу убыль трудоспособных лиц не только в количественном, но и в качественном отношении. Во-первых, изменился состав трудоспособных, доля мужчин уменьшилась в несколько раз. Во-вторых, нарушилось соотношение между трудоспособными, с одной стороны, и престарелыми и подростками — с другой. Удельный вес последних в составе рабочей силы увеличился. Однако среднегодовая выработка мужчин была выше, чем у пришедших на замену. Поэтому основным источником возмещения рабочей силы было увеличение производственной нагрузки на каждого колхозника.

Вовлечение в производство всех слоев деревни, увеличение их трудовой активности хотя и облегчали, но не компенсировали полностью убыль трудоспособных колхозников. Выход частично состоял в привлечении к сельскохозяйственным работам городского населения и размещенных в сельской местности эвакуированных граждан.

В сентябре 1941 г. партийные и советские органы получили право привлекать к уборочным работам в порядке трудовой повинности все трудоспособное население, учащиеся, а также жителей городов и поселков городского типа, однако не в ущерб государственным учреждениям и предприятиям⁶⁹. В промышленных областях Урала в связи с острой нехваткой рабочей силы мобилизация на сельхозработы началась уже в июле — августе 1941 г. На уборке урожая 1941 г. на полях Челябинской области трудились 110 тыс. горожан⁷⁰.

Привлечение горожан на сельхозработы увеличилось после принятия в апреле 1942 г. постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей»⁷¹. В то же время 15 апреля 1942 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы или самовольный уход мобилизованных с работы», по которому нарушители привлекались к уголовной ответственности и подвергались по приговору Народного суда к принудительным работам по месту жительства на срок до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25 %⁷². Посылка мобилизованных на село проводилась плановым порядком. В результате уже в 1942 г. на Урале в сельхозработах приняли участие более 363 тыс. мобилизованных, в том числе более 162 тыс. учащихся⁷³.

Ежегодно в колхозах трудились сотни тысяч мобилизованных горожан. Количество трудовых, начисленных за работу в колхо-

зах Урала горожанам, составило, % от всех трудодней: в 1942 г. — 5,5, в 1943 г. — 4,6, в 1944 г. — 3,4, в 1945 г. — 2,7. Самый высокий уровень выработанных горожанами трудодней наблюдался в Свердловской области — соответственно 8,1; 7,8; 6,3; 5,9, наименьший — в Башкирии — 1,9; 2,3; 1,1 и 1,0⁷⁴.

Помощь сельскому хозяйству, населению региона оказывали воины Уральского военного округа. В Челябинской области с 1942 г. военнослужащие шефствовали над сельскохозяйственными районами. Шефы посылали в колхозы, совхозы и МТС комбайнеров до конца уборочной⁷⁵.

Таким образом, с первых дней войны на работу в колхозы, совхозы и МТС вышли практически все сельские жители, вместе с ними самоотверженно трудились эвакуированные граждане, мобилизованные горожане. Однако полностью заменить выбывших трудоспособных не удалось. Общее количество трудодней, начисленных в колхозах в годы войны, уменьшилось: в 1941 г. — 691,2 млн, в 1942 г. — 720,7 млн, в 1943 г. — 634,3 млн, в 1944 г. — 586,7 млн, в 1945 г. — 579,7 млн⁷⁶.

На фоне постоянного сокращения сельского населения обострилась проблема квалифицированных кадров. Она характеризовалась в первую очередь текучестью руководящих кадров и нехваткой специалистов сельского хозяйства. Значительной была ротация руководящих кадров районного звена. В Пермской области к лету 1944 г. из 47 заведующих районными земельными отделами (райзо) работали в должности менее 3 лет 29 (или 62 %), из 47 районных уполномоченных Наркомата заготовок СССР — 23 (50 %), из 85 директоров МТС — 50 (59 %). Их отличал низкий образовательный уровень, отсутствие специальной подготовки. 55 % директоров МТС, 60 % заведующих райзо и 87 % райуполнаркомзагов имели образование в объеме начальной школы⁷⁷.

Только за второе полугодие 1941 г. в Оренбургской области сменилось 95 % председателей колхозов, в Пермской — 63, в Удмуртии к лету 1942 г. — 83. В Башкирии замене подверглись 3022 председателя, в 1943 г. — 1959, в 1944 г. — 1300, в 1945 г. — 818, в Оренбуржье соответственно 1421, 884, 533, 601⁷⁸.

Одной из главных причин текучести была мобилизация в Красную Армию. Другой — продолжавшиеся репрессивные меры за невыполнение планов, особенно хлебозаготовок. Пропагандистский аппарат ввел в обиход моральную норму — кто плохо трудится (а значит, не выполняет плана) — способствует врагу. А далее следовал суд. В ноябре 1941 г. в газете «Уральский рабочий» появились заметки под заголовками «Недопустимое промедление!», «Повысить требовательность», «Нарушитель закона», «Завершение обмолота и хлебопоставок — оборонная задача» и т. п. В них клеймили председателей колхозов, в которых не выполнялись хле-

бозаготовки, сообщали, что они привлечены к уголовной ответственности. В одной из передовиц содержался призыв: «Нужно беспощадно искоренить безответственность и расхлябанность, привлекать, невзирая на лица, к строгой ответственности людей, которые срывают обмолот и хлебопоставки, не дорожат народным добром»⁷⁹. Подобные статьи, как под копирку написанные, появлялись во всех областных и республиканских газетах.

Репрессивные меры по отношению к руководителям хозяйств были широко распространены в первый период войны, прибавляли горе и страдания. В Челябинской области за военные 1941—1943 гг. сменилось 1600 председателей. Из них 53 % были мобилизованы в армию, 22 % — сняты как необеспечившие руководство, 10 % — отданы под суд, остальные (15 %) или ушли по состоянию здоровья, или выдвинуты на более высокую должность. В последующие годы репрессии к руководителям сохранялись, но уже не имели повсеместного распространения. В 1944 г. в области из 168 сменившихся председателей 885 колхозов 87 были сняты как несправившиеся, а 12 — осуждены судом⁸⁰.

При массовой смене руководителей хозяйств допускалась поспешность, хотя кандидатуры согласовывались в различных инстанциях, при выдвижении не всегда учитывались их деловые и организаторские качества. При этом происходила подмена вопроса об экономических отношениях, о причинах невыполнения планов вопросом о кадрах. Логика была такова: стоит подобрать нового, беспрекословно подчинявшегося руководителя, и проблемы будут быстро решены.

Попыткой изменить ситуацию было постановление ЦК ВКП(б) от 11 февраля 1942 г. «О неправильном отношении Кировского обкома ВКП(б) к подбору руководящих кадров в колхозах»⁸¹. В нем осуждалась массовая смена председателей колхозов, устранение партийных органов от подбора и воспитания руководителей хозяйств, партийным комитетам, политотделам МТС предписывалось освободиться от случайных и ненадежных лиц, заменять их, активнее выдвигать на руководящую работу передовых колхозников, особенно женщин. Однако положение коренным образом не изменилось. Хотя в ряде мест были организованы курсы и семинары для председателей, осуществлялась посылка в колхозы председателей из горожан, вводился персональный учет. Уже к весеннему севу 1942 г. в Пермской области их окончили 220 человек, в Башкирии — 636 человек. Правда, первостепенное внимание на них уделялось изучению докладов и приказов Сталина, прослушиванию лекций по международному и внутреннему положению, читались доклады по агротехнике, учету труда, подготовке к севу⁸².

Зимой 1943/1944 г. была организована подготовка председателей на месячных курсах. Ее прошли 9,2 тыс. чел., на следующий

год — еще 6,6 тыс.⁸³. Это, безусловно, было необходимо, поскольку почти все председатели колхозов имели начальное образование или не имели его совсем.

Одним из них был Николай Иванович Чашин. Он родился в 1901 г., начал работать с 11 лет. Участвовал в гражданской войне. В 1929 г. вступил в колхоз, а с марта 1932 г. работал председателем в одном из передовых колхозов «Объединение» Красноуфимского района Свердловской области. Член ВКП(б) с 1937 г. С июля 1941 по февраль 1944 г. воевал на фронте, трижды был тяжело ранен. После лечения в госпитале был назначен председателем колхоза «Первое мая» Красноуфимского района. Под его руководством колхоз выполнял все планы государственных заготовок сельскохозяйственной продукции, только в 1944 и 1945 гг. сверх плана было сдано 3,4 тыс. ц зерна, 3,1 тыс. ц картофеля и овощей, была осуществлена электрификация и радиофикация села. Колхоз выходил победителем областного соревнования. Урожайность зерновых в колхозе составляла 14,2 ц с га. В 1945 г. колхоз получил доход 1,55 млн. рублей. Николай Иванович был награжден за боевые заслуги орденом Славы III степени и медалями, а вскоре после войны — за трудовые дела орденом Трудового Красного Знамени. Его отличали неутомимое желание сделать как можно больше для фронта, неистощаемое трудолюбие, честность, четкость в организации работы сельхозартели⁸⁴.

Партийные органы приветствовали и поощряли выдвижение на руководящую работу в колхозах женщин. Их удельный вес среди председателей колхозов Урала поднялся с 0,8 % в 1940 г. до 9,0 % в 1943, среди бухгалтеров и счетоводов с 7,6 до 55,6, среди бригадиров — растениеводов — с 4,6 до 45,4, среди заведующих животноводческими фермами — с 16,2 до 62,0 %. В целом доля женщин среди руководящих кадров в 1943 г. составляла 44,4 %, по сравнению с довоенным периодом она увеличилась более чем в 6 раз. Уход на фронт мужчин вынуждал брать в женские руки управление колхозными делами. Наиболее активно этот процесс шел в Удмуртии; в 1943 г. здесь 18,8 %, а в 1944 г. — 19,5 % среди председателей колхозов составляли женщины. Передовые колхозы республики в годы войны возглавляли Л. М. Кириянова (сельхозартель «Третий год пятилетки» Саранульского района), В. И. Вострикова («Водзимонье» Вавожского района), А. А. Измestyева («Красный Октябрь» Селтинского района) и др.⁸⁵ Т. П. Дымшанкова, в военную пору председатель колхоза «Ганино» Шатровского района Курганской области, вспоминала: «Фронту нужен был хлеб. Себе оставили отходы. Пополам с травой мешали... Злее становились! Себя не жалели — только бы разбить черную гадину. После похоронной мужа я вступила в партию»⁸⁶.

Значительное изменение состава руководящих кадров уральских колхозов показывают следующие данные (на начало года)⁸⁷:

Должность	Всего	Из них работали в данном колхозе		
		до 1 года	1—3 года	свыше 3-х лет
Председатели				
1941	17886	7791	6456	3639
1943	17705	7140	7260	2945
1945	17551	5372	7738	4441
Бухгалтеры и счетоводы				
1941	19137	6420	6234	6483
1943	19267	8307	8221	2759
1945	19731	6293	7837	5601
Заведующие фермами				
1941	21929	10169	7490	4270
1943	21213	8889	8437	3887
1945	20260	6790	8147	5323

К 1943 г. 81,4 % председателей колхозов, 85,7 % бухгалтеров и счетоводов, 85,8 % бригадиров и 81,7 % заведующих фермами пришли к руководству в период войны. Усилиями партийных организаций костяк руководителей военного времени закрепился на местах. В 1943 г. стаж руководящей работы до одного года имели 40,4 % председателей, в 1945 г. — 30,6, бухгалтеры и счетоводы соответственно 43,0 и 31,9 %, бригадиры — 49,0 и 41,0 %, заведующие фермами — 41,9 и 33,5 %. В то же время выросла доля руководителей, проработавших в данном колхозе свыше 3 лет: среди председателей с 16,6 % в 1943 г. до 25,3 в 1945 г., среди бухгалтеров и счетоводов — с 14,3 до 28,4 %, среди бригадиров — с 14,2 до 23,5 %, среди заведующих фермами — с 18,3 до 26,3. Однако постоянное движение руководителей не могло не отразиться на хозяйственной жизни деревни. Неустойчивое положение не позволяло им глубоко вникнуть в работу хозяйства, разработать план действий. При назначении они нацеливались на выполнение главной заповеди колхозов — безусловное выполнение государственных поставок сельскохозяйственных продуктов.

В военные годы при нехватке людских ресурсов, сокращении количества рабочего скота особое значение приобрело использование всей имевшейся сельскохозяйственной техники, чтобы экономить ручной труд. Положение усугублялось нехваткой кадров механизаторов. За первые полгода войны только из МТС Челябинской области на фронт было мобилизовано 24,5 тыс. трактористов, 5,5 тыс. комбайнеров, 24 тыс. бригадиров тракторных бригад⁸⁸.

Для подготовки замены выбывших в армию механизаторов организовывали краткосрочные курсы при МТС и крупных совхозах, возвращались к работе бывшие трактористы и комбайнеры, обучение управлением техникой проводилось непосредственно в поле. Труднейшая кадровая проблема решалась в основном за счет женщин. На Урале до войны их удельный вес среди трактористов составлял 6,5 %, среди комбайнеров — 8,2 %, а в 1943 г. он поднялся соответственно — до 63,5 и 58,3⁸⁹. В последующие годы в связи с возвращением мужчин с фронта доля женщин среди механизаторов уменьшилась и составила в 1945 г. 46,0 % среди трактористов и 42,8 % среди комбайнеров⁹⁰.

С 1943 г. в систему подготовки механизаторов были внесены изменения. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О подготовке трактористов, комбайнеров, механиков и бригадиров тракторных бригад для МТС и совхозов» (январь 1943 г.) местным партийным и советским органам предоставлялось право призыва молодежи на курсы и в школы механизации⁹¹. Связано это было с тем, что на механизаторские курсы молодежь шла плохо. С 1 июля 1942 г. постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об экономии и ликвидации разбазаривания горючего в МТС и совхозах» устанавливало за перерасход нефтепродуктов против установленных норм удержание с тракториста в размере пятикратной стоимости горючего, а с бригадира, помощника бригадира и учетчика-заправщика тракторной бригады с каждого в размере стоимости горючего, перерасходованного в тракторной бригаде⁹². А штрафы за перерасход горючего и без того были большими. В 1941 г. трактористы МТС Свердловской области уплатили их в размере 26 % заработной платы, в 1943 г. — 33,6, в 1944 г. — 19,1, в 1945 г. — 17,2 %. Штрафы за пережог горючего по МТС Оренбургской области были больше, чем на Среднем Урале, и росли: за 1941 г. они составили 1,7 млн руб., за 1943 г. — 2,2 млн, за 1945 г. — 2,5 млн. На пленуме Челябинского обкома партии, состоявшемся в марте 1946 г., отмечалось: в МТС «серьезно злоупотребляют с удержанием из зарплаты на полевых работах за пережог горючего» и приводился пример, что в Кунашакской МТС в среднем каждый тракторист заработал в 1943 г. 239 рублей, а удержание за пережог горючего составило 99 руб. (41 %), в 1944 г. — соответственно: 323 руб. и 108 руб. (33 %), в 1945 г. — 345 руб. и 227 руб. (66 %)⁹³. В этих условиях и вводилась мобилизация на механизаторские курсы мужчин и женщин в возрасте не ниже 16 лет.

Курсантам теперь начисляли по одному трудоводню за каждый день обучения. При школах механизации создавались подсобные хозяйства, что улучшало материальные условия курсантов. Окончившие курсы и школы обязаны были проработать в МТС или совхозе не менее двух лет. Кроме того, лица, оставившие учебу без

уважительных причин, привлекались к уголовной ответственности, как за самовольный уход с работы.

До 1943 г. почти вся подготовка механизаторов велась на курсах, в 1943—1944 г. была расширена сеть школ механизации. В Челябинской области работало 7 школ, 3 из них организованы в 1944 г. В них обучались трактористы гусеничных тракторов, бригадиры и механики. Предпринятые меры по улучшению материально-бытовых условий учащихся, более регулярное снабжение учебной литературой, бумагой, письменными принадлежностями, правовое воздействие способствовали резкому снижению отсева. В 1943 г. по области он составлял более 30 %, в 1944—1945 г. — 4—5 %⁹⁴.

В заключительный период войны большое внимание уделялось переподготовке механизаторов. Повторно обучались те, кто окончил курсы в начале войны. За 1943/44 учебный год на Урале прошли переподготовку 16618 человек (это 27,4 % от всего числа обученных механизаторов), в 1944/45 г. — 20759 (35,9 %). В Башкирии повторное обучение в 1944 г. прошли 30,3 % трактористов, в 1945 г. — 18,5 и соответственно комбайнеров — 25,1 и 9,1; в Пермской области — 35,6 и 23,2 трактористов и 19,4 и 5,5 комбайнеров; в Челябинской — 57,2 и 80,5 трактористов и 72,7 и 100 % комбайнеров⁹⁵. Всего по стране за 1943—1945 гг. было переподготовлено 275 тыс. трактористов и комбайнеров. Эти меры позволяли повысить квалификацию механизаторов.

Т а б л и ц а 1.11

Подготовка механизаторов на Урале в 1941—1945 гг.*

Область, республика	1941/42	1942/43	1943/44	1944/45	1945 до конца года
Башкирская-АССР	10421	13477	1559	8275	8339
Курганская обл.	—	11073	8179	10101	8561
Оренбургская обл.	15890	21714	16298	12628	11732
Пермская обл.	9134	9497	7956	6962	5716
Свердловская обл.	6321	5434	4853	5949	6049
Удмуртская АССР	4952	5772	5273	4795	3704
Челябинская обл.	20965	6428	6506	9040	8924
Всего по Уралу	67683	73400	60624	57750	53024

* Рассчитано по: ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 653. Л. 1, 7; Д. 777. Л. 7, 16; Д. 846. Л. 4, 5, 7, 8, 138—145; ПАБО. Ф. 122. Оп. 23. Д. 89. Л. 24; ПАОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 598. Л. 19; Оп. 7. Д. 528. Л. 36; Ф. 105. Оп. 11. Д. 176. Л. 5; ПАСО. Ф. 4. Оп. 23. Д. 126. Л. 138; ПАУО. Ф. 16. Оп. 21. Д. 1129. Л. 29; Оп. 22. Д. 217. Л. 13; ПАЧО. Ф. 288. Оп. 14. Д. 36. Л. 104; Д. 232. Л. 131; ГАКО. Ф. 895. Оп. 7. Д. 212. Л. 9.

В годы войны в отряд механизаторов влилось по стране 1547 тыс. трактористов и 332 тыс. комбайнеров и механиков⁹⁶. На Урале состояние подготовки кадров механизаторов отражено в таблице 1.11. За годы войны на Урале прошли обучение на курсах при МТС и совхозах, в школах механизации сельского хозяйства 312,5 тыс. человек.

Механизаторов готовили больше, чем до войны, но потребности МТС и совхозов не были полностью удовлетворены. За 1941 — 1945 гг. в Свердловской области было подготовлено 28,6 тыс. механизаторов и призвано в армию 11 тыс. МТС испытывали их постоянную нехватку. Если за индекс обеспеченности принять отношение численности трактористов к наличному тракторному парку, а индекс 1940 г. условно принять за 100 %, то обеспеченность трактористами МТС Свердловской области составляла, %: в 1941 г. — 58,1, в 1942 г. — 83,8, в 1943 г. — 86,3, в 1944 г. — 91,7, в 1945 г. — 97,0; обеспеченность комбайнерами в 1941 г. — 66,7, в 1943 г. — 77,4, в 1945 г. — 84,6⁹⁷. Подобное положение было характерно для всего Урала. Лишь в 1945 г. обеспеченность механизаторами практически достигла довоенного уровня, состав механизаторов стабилизировался.

В годы войны продолжалась подготовка кадров массовых профессий. Она осуществлялась в межрайонных колхозных школах (МРКШ). В первый период войны количество этих школ и учащихся в них резко сократилось. В Башкирии до войны было 42 МРКШ, в которых обучалось 7,3 тыс. чел., к 1943 г. в республике осталось 8 школ с 1,4 тыс. слушателей. К 1943 г. на Урале осталась 31 МРКШ по подготовке кадров массовых профессий, а в Курганской и Пермской областях их не было. В 1944 г. вновь открыты 80 школ, а к концу войны уже работало 145 МРКШ⁹⁸.

Из-за резкого сокращения бюджетных ассигнований на подготовку кадров колхозы сами развернули необходимую для них сеть школ, курсов и семинаров. В Курганском районе Челябинской области зимой 1941/42 г. функционировали шесть вечерних школ, где обучались заведующие фермами, старшие доярки, свиноводы и телятницы. Всего в области работали 97 школ зоотехминимума⁹⁹.

В 1943 г. кружки по изучению агро- и зоотехники широкой сетью охватили колхозы Урала. В Башкирии работало 1346 кружков, в Удмуртии — 668, в Пермской области — 975, в Свердловской — 850. В 1943 г. на Урале (без Оренбургской области) обучалось 124,8 тыс. колхозников (не только рядовые колхозники, но и бригадиры-полеводы, звеньевые, заведующие фермами; по архивным материалам данные сведены вместе)¹⁰⁰.

Основной формой обучения рядовых колхозников стала курсовая подготовка, но продолжали работать семинары, различные

кружки. С 1944 г. расширяется сеть колхозных школ, а к 1945 г. она охватила почти все районы региона. Школы готовили счетоводов, бригадиров полеводческих бригад, заведующих колхозными фермами, ветсанитаров, пчеловодов и др. В заключительный период войны начали действовать одногодичные школы сельского хозяйства.

В соответствии с ориентацией колхозов промышленных областей Урала на картофелеводство и овощеводство было развернуто массовое обучение колхозников. В Свердловской области по специально разработанным программам обучались агротехминимуму бригадиры и звеньевые по выращиванию картофеля и овощей. Зимой 1944/1945 г. на курсах получили подготовку 11,2 тыс. бригадиров и 1,8 тыс. звеньевых¹⁰¹. По неполным данным, в 1944 г. профессиональные знания и навыки приобрели 299 тыс., а в 1945 г. — 180 тыс. колхозников Урала¹⁰².

Таким образом, факты свидетельствуют о том, что война замедлила рост профессиональной подготовки тружеников села, но она не остановила его. В период войны тысячи колхозников овладели профессией механизатора, прошли подготовку по другим массовым профессиям.

Значительно сложнее решалась задача подготовки и замены кадров специалистов сельского хозяйства — агрономов, ветврачей, зоотехников. Трудности усугублялись тем, что в военные годы резко сократился выпуск из сельхозвузов и сельхозтехникумов, а подготовка специалистов требовала продолжительного времени. За годы войны Свердловский сельскохозяйственный институт, приняв эвакуированный Киевский ветеринарный институт, подготовил 230 агрономов и ветврачей. Это не могло удовлетворить потребностей области, тем более, что часть выпускников была призвана в армию и направлена в освобожденные районы.

Количество сельскохозяйственных учебных заведений в стране и контингент студентов значительно сократились в первый период войны. Из 63 вузов системы Наркомзема СССР к 1942 г. остался лишь 41. На Урале число сельхозвузов выросло до 7, здесь были размещены эвакуированные институты¹⁰³. Полтавский сельхозинститут стал основой образования сельхозинститута в Кургане. В первый год войны резко сократилось число сельскохозяйственных техникумов на Урале — с 47 до 11. В Башкирии в начале войны подготовка кадров специалистов сельского хозяйства средней квалификации в 10 техникумах была прекращена, только в 1943 г. была возобновлена работа 6 техникумов; 11 сельхозтехникумов Урала системы Наркомзема РСФСР (из них 7 финансировались из местного бюджета) выпустили в 1942 г. 420 специалистов, в 1943 г. — 273, в 1944 г. — 516. В 1944 г. на Урале работали 25 сельскохозяйственных техникумов¹⁰⁴. Однако ни выпуск специалис-

тов из вузов и техникумов, ни использование эвакуированных не восполнили ушедших на фронт.

Перед партийными организациями, земельными органами стояла задача обеспечения состава специалистов, необходимого для поддержания сельского хозяйства на нужном уровне. Уже в первые месяцы войны были выявлены, взяты на учет специалисты сельского хозяйства, работавшие не по назначению, осуществлялось передвижение специалистов с менее на более ответственные участки работы, выдвижение на руководящие должности в колхозах, МТС, райзо рядовых работников, имевших большой опыт работы. В ряде мест было осуществлено перемещение специалистов из городов в сельские местности¹⁰⁵.

Немаловажным источником компенсации недостающего количества кадров стало командирование ученых сельскохозяйственных вузов и сотрудников аппарата земорганов в деревню. Летом 1941 г. специалисты вузов, опытных и научных учреждений, земельных органов были направлены в хозяйства для оказания помощи в составлении планов уборочных работ, налаживании работы звеньев и бригад, начислении оплаты труда, а осенью — для качественной подготовки зимовки скота. Вошли в систему выезды высококвалифицированных кадров на места для диагностики и ликвидации очагов эпизоотий. Сотрудники ветеринарного факультета Свердловского сельскохозяйственного института по графику в 1941—1942 гг. выезжали в Зайковский, Ирбитский и Камышловский районы на ликвидацию инфекционной анемии и кровопаразитарных заболеваний. Они обучали местные кадры методам распознавания, профилактики и лечения этих заболеваний¹⁰⁶.

Положительную роль в решении кадровой проблемы играла и такая мера, как использование студентов в качестве практикантов и исполняющих обязанности специалистов сельского хозяйства. Одновременно с производственной помощью хозяйствам студенты проводили эксперименты по внедрению научных достижений. Студентка агрономического факультета Свердловского сельскохозяйственного института в годы войны, ныне кандидат биологических наук доцент В. И. Богачева, вспоминала: «В связи с острой нехваткой агрономов, нас, студентов 3 курса, посылали в колхозы в качестве агрономов-практикантов. Мне пришлось работать в Ачитском районе по борьбе с озимой совкой, которая выкашивала за одну ночь по несколько гектаров озимой ржи, подъедая ее корни. Пришлось кочевать из колхоза в колхоз, организуя борьбу с этим вредителем. Участки, зараженные озимой совкой, окапывали канавками, в которые раскладывали отравленную приманку из листьев сорняка. Посевы озимых были спасены. На следующий сезон я работала в райсемехозе Ачитского района. В мою обязанность входила апробация семенных участков и прочистка их от примесей других сортов».

Наряду с перечисленными мерами большое место заняли вопросы рационального использования имевшихся кадров. Решением Свердловского обкома партии и облисполкома на время уборочных работ 1941 г. было мобилизовано 90 агрономов, за каждым из них закреплялось по 5—6 хозяйств¹⁰⁷.

Дефицит специалистов сохранялся. В 1942 г. в Пермской области потребность в агрономических кадрах была удовлетворена на 52 %, в 1944 г. — на 51 %, зоотехников — на 53 и 51 %, землеустроителей — на 50 и 55 %, ветработников — на 60 и 47 %. В числе работавших специалистов МТС, совхозов и колхозов почти половина (48 %) были практиками, не имевшими специального образования. Острая нехватка специалистов ощущалась в Челябинской области: обеспеченность агрономами в 1944 г. составляла 45 %, зоотехниками — 29, ветеринарными работниками — 72, бухгалтерами — 52 %¹⁰⁸. Вакантные должности занимались кадрами полеводов, животноводов, садоводов, подготовленными через курсовую сеть.

В 1944 г. состав старших специалистов МТС Курганской области был следующим (в %) ¹⁰⁹:

	агрономы	механики	бухгалтеры
Со стажем:			
до 1 года	41,7	33,7	3,2
от 1 до 3 лет	33,4	42,9	21,2
от 3 до 5 лет	5,5	5,1	15,8
более 5 лет	19,4	18,4	60,0
С образованием:			
высшим	23,6	7,4	1,1
средним	76,4	12,2	22,1
начальным	—	80,2	76,8

Среди старших агрономов МТС только одна четвертая часть работала до войны и имела высшее образование. Сменяемость старших механиков была такой же, однако уровень их образования был значительно ниже — четыре из пяти не имели даже среднего образования. Старшие бухгалтеры по уровню образования не отличались от механиков, разве что среди них было больше людей со средним образованием, однако более 75 % имели стаж более трех лет. На должностях рядовых специалистов работали в основном практики, не имевшие специальной подготовки. Да и руководители — директора МТС Урала — в годы войны не отличались ни специальной подготовкой, ни продолжительным стажем работы. В составе 646 директоров МТС Урала высшее образование имели 30 человек (4,6 %), среднее — 108 (16,7 %), остальные — начальное (78,7 %), из них 28,9 % прошли обучение на курсах. За

1943 г. 245 были освобождены от работы (4,9 % выбыли в РККА, 30,2 % — как не обеспечившие руководство, 20,8 % переведены в освобожденные районы, 24,1 % переведены на другую работу, 8,9 % — прочие причины).¹¹⁰

В связи с непрерывными мобилизациями, постоянным передвижением кадров и большими трудностями в системе их подготовки потребности сельского хозяйства региона в специалистах удовлетворены не были. Многие должностные места или пустовали, или были заняты людьми, имевшими недостаточный опыт практической работы в сельском хозяйстве. Это обстоятельство не могло не сказаться на результатах развития сельскохозяйственного производства в военные годы.

Таким образом, война оказала сильное разрушительное воздействие на состояние производительных сил деревни. Истощение материально-технических средств колхозов, совхозов и МТС региона вынудило тружеников села использовать в более широких размерах рабочий скот, применять простейшие механизмы и орудия ручного труда. А это в свою очередь вело к упрощенным приемам земледелия — мелкой пахоте, посеву по стерне, прекращению системы севооборота, сокращению ухода за посевами, что негативно отразилось на колхозно-совхозном производстве.

Огромные размеры убыли трудоспособного населения деревни деформировали социально-демографическую структуру, обострили проблему трудовых ресурсов села. При этом командно-бюрократическая система, действовавшая военными методами и регулирующая все «от и до», вынуждена была в военных условиях приспосабливаться к объективным изменениям и вносить коррективы в состояние производительных сил села. Попытки восполнения убыли рабочей силы за счет городского, эвакуированного населения, организации помощи воинских частей не смогли решить проблему, хотя и имели определенное воздействие. Постоянная перестановка руководящих кадров, специалистов сельского хозяйства также не дала положительных результатов. Главной силой на селе стали женщины. Все это привело к тому, что сохранить производство в довоенных размерах оказалось невозможно. Да и то, что удалось добывать в уральской деревне в годы войны, было достигнуто благодаря самоотверженности, самопожертвованиям и самоотдаче уральского крестьянства.

ГЛАВА 2 ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УРАЛЬСКОГО СЕЛА В ВОЕННЫЕ ГОДЫ

§ 1. Организация сельскохозяйственного производства

Нападение фашистской Германии потребовало принятия чрезвычайных мер по мобилизации всех ресурсов государства для отражения агрессии, превращения страны в единый военный лагерь. При этом было необходимо сохранить объем сельскохозяйственного производства, достаточный для снабжения фронта и тыла продовольствием и сырьем.

Учитывая резкое сокращение трудовых ресурсов села и материально-технических средств, сельское хозяйство встало перед необходимостью искать пути более эффективного функционирования в рамках единой военной экономики. В предыдущей главе мы рассмотрели состояние материальных и трудовых ресурсов уральского села. В связи с их отвлечением в Красную Армию, оборонную промышленность, а также в другие отрасли народного хозяйства, проблемы развития сельского хозяйства региона решались сложнее. Кроме того, восточные районы, в том числе и Урал, должны были восполнить потерю важных сельскохозяйственных зон, оккупированных врагом.

Исследуя вопрос о перестройке сельского хозяйства тыловых районов страны, которая длилась в течение первого периода войны, историки обычно отмечают, что она проводилась планово, целенаправленно, при резком сокращении финансирования. Важнейшими ее мерами были: расширение посевных площадей на востоке страны, изменение структуры посевов (за счет освоения новых культур), развитие индивидуального огородничества и подсобных хозяйств предприятий и учреждений¹. Однако совершенно не были затронуты принципы управления сельским хозяйством, отношений между государством и колхозами, которые строились по схеме приказ — кампания — исполнение. Эти отношения оставались прежними, сложившимися еще во времена сплошной коллективизации. Собственно перестройки сельскохозяйственного производ-

ва не было. Система экономических отношений и хозяйственный механизм оставались прежними. Практически все мероприятия начали осуществляться еще в мирные годы третьей пятилетки.

Для подтверждения этого тезиса приведем некоторые примеры. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 апреля 1940 г. было запланировано расширение посевных площадей в колхозах и совхозах восточных районов к концу 1942 г. на 4,3 млн. га за счет целинных и залежных земель². Следовательно, курс на расширение посевных площадей на востоке не разрабатывался вновь в начале войны, а был лишь конкретизирован. До войны было принято и решение о создании вокруг индустриальных центров страны продовольственных баз, в которые включались совхозы пригородных трестов и часть колхозов, где производство ориентировалось на выращивание картофеля и овощей, животноводческой продукции³.

Исследователи по-разному оценивают мероприятия, проведенные в сельском хозяйстве в первый период войны. Одна из дискутируемых по-прежнему проблем — курс на расширение посевных площадей. Ю. В. Арутюнян первым отметил нецелесообразность его проведения, так как рост посевов усилил и без того максимальную напряженность материальных и трудовых ресурсов в восточных районах страны, привел к ухудшению агротехники и резкому падению урожайности⁴. В. Т. Анисков, Н. Н. Шушкин и другие утверждают, что расширение посевов явилось подтверждением огромных мобилизационных возможностей колхозного строя, поскольку осуществлялось за счет внутренних резервов, это был единственно возможный путь восполнения и приостановки дальнейшего сокращения сельскохозяйственного производства⁵.

На наш взгляд, разногласия исследователей отражают действительно противоречивые итоги выполнения постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О военно-хозяйственном плане на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии»⁶. Увеличение озимого клина в 1941 г., как рассчитывали, должно было ослабить напряженность на весенней посевной — сократить сроки сева, увеличить посевные площади. Озимые на Урале были расширены на 438,3 тыс. га, в том числе в Челябинской области на 219,5 тыс. га⁷. Однако из-за неблагоприятных погодных условий, нехватки людей и техники озимый сев в ряде районов затянулся, а часть посевов зимой вымерзла⁸.

На весеннем севе 1942 г. темпы полевых работ были выше, чем в 1941 г., что и предусматривалось постановлением: Посевные площади выросли в колхозах Урала на 260,1 тыс. га (на 2,1 %), при этом наибольший прирост наблюдался в Свердловской области (на 159,5 тыс. га, или на 16,9 %), наименьший — в Челябинской

(на 1,4 тыс. га) и Удмуртской АССР (на 0,8 тыс. га), а в Оренбургской области произошло сокращение посевов на 16,8 тыс. га (на 0,6%)⁹.

Данные колхозного производства на Урале показывают, что установка на расширение посевов была правомерна. Однако внутри региона и по отдельным культурам (постановление касалось сахарной свеклы, овощей, картофеля и пшеницы — на это исследователи не обращают внимания) достигнутые результаты оказались неодинаковыми. Увеличение посевов картофеля в колхозах и совхозах Урала позволило в 1942 г. собрать его на 64,9 % больше, чем в 1940 г., что, в свою очередь, дало возможность лучше снабжать растущее население городов «вторым хлебом». Валовый сбор овощей вырос на 31,8 %, что было также результатом расширения их посевов в промышленно развитых областях региона.

Однако из-за нехватки рабочей силы, снижения уровня механизации сельхозработ, больших потерь при уборке валовый сбор хлеба не только не увеличился, но и уменьшился в 1942 г. более чем в два раза. При этом, если в Пермской, Свердловской областях и Удмуртской АССР он сократился на 42,8 %, то в основных зерновых районах — Оренбургской и Челябинской областях и Башкирской АССР — на 60,7 %.

Засеянные площади убирать не успевали, и, начиная с 1943 г., посевы в колхозах и совхозах региона стали сокращаться. Пик сокращения посевов всех культур и падения валовых сборов приходится на 1943 г., что было связано с сильной засухой, охватившей Южный Урал и прилегающие к нему районы. Урожайность зернобобовых культур составила 2—3 ц с га (практически сколько посеяли, столько и собрали). Трудности в развитии сельского хозяйства накапливались из года в год.

Перестройка сельского хозяйства, которая предусматривала, как утверждают авторы книги «Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны»¹⁰, обеспечение армии и населения продуктами питания, практически ставила те же задачи, что и в мирное время. Другие авторы, в том числе и уральские (напр., В. П. Мотревич) сводят перестройку сельского хозяйства к борьбе с трудностями, возникшими в условиях войны¹¹. Несомненно, война отразилась на всех отраслях экономики, особенно промышленности, транспорта, строительства. Но на сельское хозяйство тыловых районов, она оказала опосредованное влияние. В 30-е годы сельское хозяйство занимало подчиненное положение в экономике страны, следовательно, оно уже было приспособлено к самым жесточайшим условиям, близким к экстремальным. Поэтому неправильно говорить о его перестройке, тем более, что объективные причины и субъективные просчеты в руководстве в первый период войны привели к тому, что сельскохозяйственное производство бы-

до доведено до низшей точки. Дальнейшее его падение могло крайне негативно отразиться на военной экономике.

Война внесла коррективы в организационные формы сельскохозяйственного производства. Число колхозов за 1941—1942 гг. в связи с укрупнением уменьшилось незначительно — с 17887 до 17744 (на 0,8%). Нельзя согласиться с мнением Т. Х. Ахмадиева, который утверждает, что число сельхозартелей в Башкирии увеличилось за счет преобразования совхозов в колхозы¹². По данным архивов такого уникального явления не было не только в автономной республике, но и в регионе. Количество МТС в регионе за эти годы выросло незначительно за счет разукрупнения (с 633 до 640).

Существенные изменения произошли в сети государственных хозяйств Урала. Приводя данные о сокращении количества совхозов в регионе почти в два раза, авторы «Истории народного хозяйства Урала» преувеличивают этот процесс¹³. В 1941—1942 гг. число совхозов сократилось на одну треть — с 323 до 218. Более 100 из них были переданы промышленным предприятиям в качестве подсобных хозяйств. В их числе были все хозяйства, входившие в пригородные тресты сельского хозяйства, часть овощных и мясомолочных совхозов системы Наркомата совхозов СССР. Советские хозяйства передавались полностью или частично (отделениями, фермами). Создание подсобных хозяйств промышленных предприятий и учреждений преследовало цель улучшить снабжение продуктами питания своих работников. В большинстве случаев речь шла о предприятиях оборонного значения.

Руководство сельским хозяйством было жестко централизовано и определялось постановлениями ГКО, ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Они шли в русле с довоенными решениями. И в этом смысле аграрная политика военного времени была прямым продолжением политики 30-х годов в области сельского хозяйства. Хотя в ее проведении четко выделялись особенности, связанные с военными условиями функционирования сельского хозяйства и проявлявшиеся в ужесточении, расширении репрессивных мер по отношению к кадрам руководителей.

Осуществление этой политики и контроль за исполнением лежали на специальных сельскохозяйственных, местных партийных и советских органах. В обкомах партии имелись сельскохозяйственные отделы, а в Башкирском, Оренбургском, Челябинском и Курганском обкомах — еще и совхозные отделы. В конце войны были созданы секторы электрификации сельского хозяйства. При горкомах партии крупных городов создавались сельскохозяйственные отделы или секторы для руководства подсобными хозяйствами. Они несли ответственность за развитие индивидуального и коллективного огородничества, а также шефскую помощь деревне.

Управление сельским хозяйством представляло собой довольно сложную и громоздкую систему, сложившуюся еще до войны. Она строилась по территориально-производственному принципу, имела пять ступеней — предприятие (колхоз, а к ним относились как к государственным предприятиям, МТС), районный земельный отдел, областной земельный отдел (в автономных республиках — Наркомзем республики), Наркомзем РСФСР и Наркомзем СССР. Подчинение совхозов шло по линии совхоз — трест — наркомат. Часть совхозов относилась к системе Наркомата совхозов (НКСХ) РСФСР, часть — непосредственно НКСХ СССР, и небольшое количество совхозов региона находилось в ведомствах Наркоматов пищевой, мясомолочной промышленности, внешней торговли и др. Мы обозначили пирамиду с низших ступеней, тогда как управленческий импульс шел только сверху.

Наиболее важные вопросы развития сельского хозяйства по предложениям НКЗема, НКсовхозов, областных и республиканских партийных и советских органов обсуждались в сельскохозяйственном отделе ЦК ВКП(б), на заседаниях ЦК ВКП(б) и ГКО.

Местные сельскохозяйственные органы в годы войны не претерпели существенных изменений, кроме некоторого сокращения штатных работников. В 1940 г. при реорганизации органов управления сельским хозяйством вместо отраслевого принципа построения областных земельных отделов (облзо) при исполкомах Советов депутатов трудящихся и Наркомземов при СНК автономных республик был применен производственно-территориальный принцип. Эти органы руководили деятельностью колхозов и МТС на определенных территориях через районные земельные отделы (райзо). Структура облзо, сохранявшаяся с 1940 до 1947 г., включала приемную, управление животноводства, ветеринарное управление, землеустройства, плановый отдел, отдел подготовки кадров (в 1941 г. сокращен и восстановлен в 1944 г.), оргколхозный отдел, финансовый отдел и главную бухгалтерию, сортовой отдел (ликвидирован в 1941 г.). В земельных отделах до войны работали специалисты сельского хозяйства. В годы войны в ряде мест, особенно в райзо, их число резко сократилось, и должности занимали лица, не имевшие специального сельскохозяйственного образования. А это существенным образом влияло на стиль работы, приводило к принятию необдуманных, часто меняющихся противоречивых указаний, бюрократической волоките.

С конца 1941 по май 1943 г. при областных земельных отделах, НКЗемах автономных республик и совхозных трестах функционировали политические секторы, созданные для руководства работой политотделов МТС и совхозов. Они были организованы в соответствии с Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1941 г.¹⁴. Начальник политсектора являлся заместителем на-

начальника облзо, заместителем наркома земледелия автономных республик или заместителем директора совхозного треста¹⁵.

Политотделы МТС и совхозов имели большие права. Они согласовывали свою деятельность с сельскими райкомами ВКП(б), но подотчетны им не были. Начальники политотделов назначались и смещались ЦК ВКП(б) по представлению первых секретарей обкомов партий. Начальник политотдела одновременно являлся заместителем директора МТС или совхоза и вместе с ним нес ответственность за выполнение хозяйственных планов. В состав политотдела, кроме начальника, входили заместитель начальника и помощник по комсомольской работе.

В политотделы направлялись опытные партийные работники. В Оренбургской области все начальники политотделов были подобраны и утверждены к 1 января 1942 г. 49% из числа утвержденных — работники партийного аппарата: работников ЦК Компартий союзных республик — 8 человек, обкомов ВКП(б) — 16, горкомов и райкомов — 73, советских, хозяйственных и комсомольских работников — 84. Среди работников политотделов были 4 депутата Верховного Совета СССР, 3 члена Верховного Суда СССР. Из 198 начальников политотделов области 30 были работниками политотделов 30-х годов. В составе политотдельцев Свердловской области были 2 депутата Верховного Совета республики, 7 орденосцев, 49% имели высшее и среднее образование¹⁶.

Основной задачей политотделов МТС и совхозов являлись улучшение и активизация политической работы среди работников МТС и совхозов и колхозников. Однако с первых дней существования политотделов их сотрудники подменяли или оттесняли руководителей МТС, совхозов и председателей колхозов. Но их указаниям смещались или отдавались под суд руководители тех хозяйств, которые не могли справиться с плановым заданием. Таким образом, политотделы МТС и совхозов в наиболее сложный период войны выполняли роль одного из репрессивных орудий системы.

Центральным звеном государственного руководства сельским хозяйством явилось планирование. Государственное планирование совхозного и колхозного производства в годы войны отличалось большой степенью централизации. Сложное экономическое положение вынуждало иметь гарантированный минимум сельскохозяйственной продукции, необходимой для удовлетворения потребности населения в продуктах, а промышленности — в сырье.

В первый период войны планирующие органы на местах исходили из установок 3-го пятилетнего плана. Заместитель наркома Наркомзема РСФСР Лялин в письме в Челябинский обком партии в июле 1942 г. отметил, что в 1941 г. задания колхозам области по поголовью скота были определены механически, исходя из установленного минимума маточного поголовья, без учета реальных возмож-

постей каждого колхоза. В результате колхозы не выполнили не-
посильные задания по увеличению поголовья скота. В 1942 г. по-
вторилось то же самое¹⁷.

Планирование сельского хозяйства областей и республик Ура-
ла осуществлялось на основе военно-хозяйственных планов разви-
тия народного хозяйства страны, которые принимались ЦК
ВКП(б) и СНК СССР. Ежегодно выходили постановления партии
и правительства о государственном плане развития сельского хо-
зяйства (3 марта 1942 г., 19 марта 1943 г., 15 марта 1944 г., 24
февраля 1945 г.), об уборке урожая и заготовках сельскохозяйст-
венных продуктов (11 июля 1942 г., 18 июля 1943 г., 20 июля
1944 г., 13 июля 1945 г.), о развитии животноводства (13 апреля и
13 мая 1943 г., 6 апреля 1945 г.). На их основе обкомы партии и
облисполкомы, СНК автономных республик принимали подобные
постановления, расписывая планы применительно к каждому рай-
ону. В районах принимались соответствующие совместные поста-
новления райкомов ВКП(б) и райисполкомов, касающиеся планов
колхозов.

Исходя из основных показателей производства, заданий, опре-
деленных сверху, колхоз намечал годовой производственный план,
который должен был утверждаться колхозным собранием и район-
ным земельным отделом. На каждую сельскохозяйственную кам-
панию составлялся рабочий план, где главное внимание уделялось
распределению людей, видам и срокам работ.

В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об уборке уро-
жая и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1942 году»¹⁸
подробно перечислены меры по подготовке к уборке (ремонт и
подготовка комбайнов, тракторов и других сельскохозяйственных
машин и инвентаря, организация передвижных мастерских, состав-
ление рабочих планов по каждому колхозу), по проведению убор-
ки, по молотье и вывозке урожая (мобилизация 50% автотранс-
порта городских учреждений, использование малопродуктивных
коров на работах в период уборки и вывозки сельскохозяйствен-
ных продуктов и др.), по оплате труда в колхозах на уборке уро-
жая (на время уборки и до выполнения плана заготовок устанав-
ливались отчисления зерна и другой продукции для выдачи аван-
са колхозникам и внутрихозяйственные нужды), мероприятия по
заготовкам сельскохозяйственных продуктов. Такая строжайшая
регламентация не оставляла места любой инициативе. Активно и
постоянно вмешивались в производственную деятельность хозяйств
сельскохозяйственные, местные партийные и советские органы, по-
литотделы МТС. При незначительных материальных стимулах в
развитии колхозно-совхозного производства, мизерных заготови-
тельных ценах на сельскохозяйственную продукцию, высоком на-
логообложении господство военно-командных, административных

методов руководства в годы войны было неизбежным и заменяло собой экономические стимулы в развитии сельского хозяйства.

В докладной записке в Пермский обком партии о готовности Еловского района к уборке урожая 1944 г. сообщалось, что постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об уборке урожая и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1944 г.» обсуждено на райпартактиве. После заседания каждому колхозу было вручено Сталинское фронтовое задание по уборке, обмолоту, сдаче зерна государству и посеву озимых. Отчетность шла по пятидневкам. С каждым председателем фронтовое задание было детально разобрано. И далее в докладной говорится, что этот опыт заслуживает внимания, так как позволяет значительно быстрее довести задание до колхозов, поднимает ответственность за их выполнение и упрощает контроль за ходом сельхозработ по колхозам¹⁹. Да и кадры руководителей были способны в основном на исполнение указаний, директив, инструкций. Главное — выполнить очередную кампанию: сев, прополка, уборка, государственные поставки. За срыв планов обычно следовало снятие с работы.

Вот типичный для того времени пример. Заведующим Свердловского облзо с июня 1940 г. до июля 1943 г. работал Николай Федорович Бабенко. Родился в 1903 г. в бедной семье. В 1927 г. вступил в ряды партии. В 1932—1933 гг. обучался в комвузе. С апреля 1939 г. работал председателем Красноуфимского райисполкома. За хорошие показатели в развитии сельского хозяйства района в 1939—1940 гг. Н. Ф. Бабенко был выдвинут заведующим облзо. Однако, как отмечалось, в характеристике, низкая общеобразовательная подготовка помешала ему правильно организовать работу в областном масштабе. В 1943 г. он был снят с занимаемой должности и назначен председателем Белоярского райисполкома, где проработал до 1946 г. За досрочное выполнение районом плана хлебозаготовок в 1944 г. Н. Ф. Бабенко был награжден орденом Отечественной войны II степени²⁰.

Сокращение сельскохозяйственного производства в военные годы нельзя объяснить только экономическими и технологическими причинами, они имелись и в системе руководства сельским хозяйством. Одна из них состояла в том, что деятельность колхозов, совхозов и МТС и их руководителей была подчинена получению высоких сводных процентов. За низкие проценты на руководителя налагались взыскания или они снимались с работы. Но трудно найти в архивах документы, в которых бы руководители наказывались за конечные результаты хозяйственной деятельности, за позднюю уборку семенных участков, за невыполнение мероприятий, обеспечивающих подъем хозяйства в перспективе. Высокие проценты в сводках превращались в самоцель. Абсолютизация количественных показателей в ущерб качественным (косьба без вязки,

вспашка пара без обработки и т. п.) были основной причиной и низких урожаев, и низкой продуктивности.

Колхозы в начале каждого года заключали договор с МТС, имевший силу закона. Однако в годы войны он утратил всякое значение. Начальник Челябинского облзо Н. П. Пахомов отмечал на пленуме обкома в июле 1944 г., что эти договоры призваны были играть большую роль. «Этот рычаг позволяет нам, наряду с контролем и нажимом сверху, подтягивать работу МТС экономическими санкциями снизу, со стороны колхозов. И, наоборот, МТС на основе договора имеют право и обязаны требовать и добиваться, вплоть до применения судебных мер, лучшей работы колхозников»²¹. Сложилась ситуация, при которой МТС практически не могли выполнять договорных обязательств по объему работ в колхозах, а колхозы, несмотря на это, все же должны были полностью выплачивать натуроплату МТС.

В военное время действие устава сельхозартели, предусматривающего хотя бы в урезанном виде колхозную демократию, было ограничено или прекращалось совсем. Нарушались сроки проведения отчетно-выборных собраний, все вопросы колхозной жизни, требовавшие согласия коллектива, решались районным начальством. Районные организации по своему усмотрению смещали и назначали председателей колхозов. Для периода войны характерна практика мобилизации коммунистов-уполномоченных в колхозы. Осенью 1941 г. Свердловский обком партии послал в районы 25 человек. В Оренбургской области для организации уборки и заготовок сельхозпродукции направлялись секретари и члены обкома, партийные активисты²².

Осенью 1942 г. сложилась трудная ситуация с выполнением плана хлебозаготовок в Оренбургской области. ЦК ВКП(б) направил туда в октябре 1942 г. бригаду партруботников. По приезде в область члены бригады ознакомились с положением заготовок зерна, выезжали в 15 районов для проверки на месте. По предложению бригады был установлен строгий контроль за работой всех уполномоченных, за ежедневным выполнением графика хлебозаготовок в колхозах и совхозах. Обком и облисполком мобилизовал дополнительно 750 человек партийных активистов и послал их в колхозы на хлебозаготовки. Раз в пятидневку устраивалась радиоперекличка, секретари райкомов и председатели райисполкомов отчитывались о ходе хлебозаготовок на бюро обкома. Однако к концу декабря область смогла выполнить план заготовок зерна только на 35,5%, из 2048 колхозов план выполнили 142 колхоза и один Буранный район²³. Налицо малая эффективность подобных методов работы.

Весной 1943 г. в колхозы Челябинской области были командированы 425 человек партийного и советского актива «для органи-

зационной помощи» председателям колхозов. Среди них только 186 человек имели некоторый опыт работы в сельском хозяйстве. Для ускорения темпов хлебозаготовок Курганский обком ВКП(б) командировал в 1943 г. в колхозы 632 коммуниста и комсомольца из городов²⁴. Как показывают документы, уполномоченные, вникая во все дела колхозов, контролируя и поучая председателей, изменить сложную ситуацию не смогли.

В заключительный период войны бюро Челябинского обкома ВКП(б), проявив полезную инициативу, отменило практику мобилизации уполномоченных в сельские районы. Сократили их число и в Оренбургской области²⁵. Однако эти примеры единичны, институт уполномоченных был распространен повсеместно и функционировал до 50-х годов.

Нарушение колхозной демократии было не только следствием недостатков в работе земельных и советских органов, партийных организаций, но и результатом неполного использования экономических рычагов в регулировании колхозного производства. Колхозная демократия прежде всего производственная демократия. Жесткая централизация планирования, нестабильность государственных поставок ограничивали инициативу колхозников, сказывались на управлении колхозными делами.

К началу 40-х годов колхозы имели незначительный опыт организации труда. Развитие колхозного производства в годы войны зависело от сочетания материального и морального стимулирования. Значительно поднялась роль моральных факторов труда, что выразилось в повышении производственной активности сельских тружеников. Она строилась на основе внеэкономического принуждения к труду. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. был повышен обязательный минимум трудодней для трудоспособных колхозников и подростков 12—16 лет и определены меры правового воздействия за невыполнение этого минимума²⁶. Специальное постановление разрешало облисполкомам и СНК автономных республик в наиболее напряженные периоды сельскохозяйственных работ привлекать на работы в колхозы, совхозы и МТС население городов и сельских местностей²⁷. В постановлении СНК СССР от 10 августа 1942 г. «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время» сельские труженики привлекались для работы на оборонных предприятиях, заготовках леса и торфа, на выполнение специальных строительных работ и т. д. сроком на два месяца. От мобилизации освобождались лишь женщины, имеющие грудных детей, детей до 4-летнего возраста, в случае отсутствия других членов семьи, обеспечивающих уход за ними²⁸.

Наряду с правовыми мерами в годы войны действовали в небольших объемах материальные стимулы труда колхозников —

— авансирование зерном в счет заработанных трудодней, дополнительная оплата труда за перевыполнение планов, сохранение приусадебных участков, общественное питание, натуральное премирование победителей социалистического соревнования и др.

В предвоенные годы основной производственной ячейкой в колхозе была бригада. Полеводческие бригады создавались на срок не менее полного севооборота, за ними закреплялись производственные площади, инвентарь и рабочий скот. Лучших показателей добивались коллективы с меньшим составом. Поэтому в годы войны появилась тенденция к разукрупнению бригад и созданию в них звеньев. Но из-за текучести кадров, нехватки рабочих рук звенья быстро распадались. В Пермской области из 6 тыс. звеньев, организованных весной 1941 г., к концу года осталось лишь 600²⁹. Толчком к повсеместному созданию звеньев послужила успешная работа комсомольско-молодежных звеньев высокого урожая, развернувшаяся с 1943 г. В Башкирии из организованных в начале 1944 г. 21794 звеньев до конца года сохранилось только 681. На пленуме Челябинского обкома партии отмечалось, что в начале 1945 г. в колхозах было образовано 2016 звеньев, в том числе 820 семеноводческих, но к концу года немногие из них сохранились. В Красноармейском районе из 85 организованных звеньев осталось только 5³⁰. Число бригад в колхозах Урала выросло с 33,4 тыс. в 1941 г. до 38,4 тыс. в 1945 г.³¹. Организация бригад и звеньев была формальной и не сказывалась на производственных показателях. Кроме того, колхозы на Урале были небольшими — 47,3 % их имели до 60 дворов, 27,7 % — до 100 и 25,0 % — свыше 100. В Удмуртии в 80,3 % сельхозартелей имелось до 60 дворов, причем в 11,0 % — до 15; в Пермской и Свердловской областях менее 60 дворов имели 56 % колхозов.

Сдельная оплата труда основывалась на нормах выработки, принятых в колхозе с оценкой затраченного труда в трудоднях. Их начисление производилось бригадирами, заведующими фермами. Примерные нормы выработки были утверждены Наркомземом СССР в 1933 г. и действовали до 1948 г. В трудодне выражались количество и качество труда, соответствующую определенной дневной норме. Тем самым определялась доля колхозника в распределяемых между членами сельхозартелей денежных и натуральных доходах.

Работы в колхозе оценивались в трудоднях в зависимости от квалификации работника, сложности и важности работы. Для оценки колхозных работ последние разбивались на 7 групп. 1-я группа работ с оценкой 0,50 трудодня за установленную норму выработки, 2-я — 0,75; 3-я — 1,00; 4-я — 1,25; 5-я — 1,50; 6-я — 1,75; 7-я — 2,00. К высшей седьмой группе относились работы, требующие наибольшей квалификации, например, работа маши-

ниста на сноповязалке, моториста на конно-моторном опрыскивателе, а также скидальщика на лобогрейке и скирдоправа. Работы, не требовавшие квалификации (сторож, уборщица), составляли 1-ю группу. Начисление трудодней на животноводческих фермах за количество и качество выполненной колхозником работы производилось по окончании определенного периода работы. Например, дояркам трудодней начислялись каждые 15 дней, в зависимости от количества надобного молока и числа обслуживаемых коров, скотнице — за откорм скота, после снятия скота с откорма (по результатам привеса).

В годы войны, несмотря на изменение условий труда, нормы выработки в колхозах остались прежними. В начислении трудодней сохранялась неразбериха. Поэтому повсеместно были введены книжки, в которых бригадиры обязывались записывать выработанные колхозниками трудодни (так называемые «палочки»). Некоторые председатели колхозов ставили вопрос об унификации норм выработки хотя бы в рамках района. Часто в соседних колхозах за одни и те же виды работ сохранялись разные нормы начисления трудодней. Получалось, что сторожить контору было выгоднее, чем работать в поле или на ферме.

Для полной мобилизации трудовых ресурсов и улучшения трудовой дисциплины применялись меры административно-правового воздействия. Упомянутое постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. обязывало вырабатывать каждого трудоспособного колхозника в течение года определенный минимум трудодней: до 100 — в Пермской и Свердловской областях (вторая группа), до 120 — для остальных районов Урала (третья группа). Каждый колхозник из обязательного минимума трудодней должен был выработать (в третьей группе): до 15 июня не менее 30; с 15 июня по 15 августа — 30; с 15 августа по 15 октября — 40; а остальные — после 15 октября.

Трудоспособные колхозники, не выработавшие в течение года без уважительных причин обязательный минимум трудодней, считались выбывшими из колхоза и лишались приусадебного участка. За невыработку трудодней по периодам работ по неуважительным причинам трудоспособные колхозники могли предаваться суду и наказываться исправительными трудовыми работами в самих же колхозах на срок до 6 месяцев. Обязательный минимум трудодней был установлен и для подростков — членов семей колхозников в размере не менее 50 трудодней в год.

Во многих сельхозартелях колхозники по собственной инициативе принимали решение о повышении на период войны обязательного минимума трудодней. Общее собрание колхоза «1 Мая» Мпасского района установило минимум в 150 трудодней, колхоз

им. Чапаева Каменского района Челябинской области — в 200 трудодней, колхоз «Восход социализма» Верхнемуллинского района Пермской области постановил увеличить минимум на 20 %³².

В ряде хозяйств на время войны принимались правила внутреннего распорядка. В колхозе «Новый ключ» Сосновского района Челябинской области 1942 г., на время уборки предусматривался строгий учет явки на работу и выполнения норм выработки. В колхозе «Урняк» Варненского района подобные правила вводились на весь год. Подобная «военная» жизни действовала во многих колхозах региона³³.

Сельскохозяйственное производство имеет четко выраженные региональные особенности, является наиболее сложным видом трудовой деятельности и не столько в связи с тяжелым физическим трудом, сколько с большим и умственным напряжением крестьянина, он связан с природой. Сталинское руководство сбросило со счетов особенности, традиции сельского хозяйства регионов. Пренебрежительное отношение к крестьянину (к «деревенщине») как к нежесткому, неграмотному и забитому, а к сельскохозяйственному труду — как к простому, вело на практике к различным постановлениям, указаниям и распоряжениям. Такая модель управления сельским хозяйством сохранялась и во время войны. Диктат в отношении колхозов и совхозов ужесточился. Принятие непредвиденных решений в конце концов еще более усугубляло обстановку в деревне.

§ 2. Сельскохозяйственное производство на Урале

Установившаяся в исторической литературе точка зрения связывает развитие всего народного хозяйства с общепринятой периодизацией истории Великой Отечественной войны на три этапа. Если по отношению к промышленности и транспорту, она, видимо, верна, то к сельскому хозяйству уральского экономического региона, да и страны, эта периодизация «подтянута». Неуклонный спад сельскохозяйственного производства, отмечаемый практически во всех тыловых районах страны, остановить не удалось не только в «период перестройки сельского хозяйства на военный лад», но и в следующий — второй период войны. Так правомерно ли особо выделять два периода в развитии сельского хозяйства, характеризующиеся одной и той же основной тенденцией и отсутствием особых отличительных черт. В развитии сельского хозяйства уральской деревни в годы Великой Отечественной войны, на наш взгляд, четко выделяются два этапа. И особенно это характеризуется состоянием сельскохозяйственного производства.

Общий земельный фонд на Урале в годы войны не изменился. Сокращение земельного фонда на 14,1 % произошло в совхозах, что было связано с передачей их промышленным наркоматам. На примере Свердловской области рассмотрим распределение земли по угодьям и землепользователям. Летом 1942 г. произошло изменение административных границ области, когда от Челябинской области сюда были переданы Каменский и Покровский районы.

Анализ данных таблицы 2.1 показывает, что общая площадь землепользования области увеличилась за годы войны на 1,2 %, почти на 4 % выросло количество пахотной земли, на 72,6 % — площади под огородами и в 4,4 раза — под садами. В то же время на 6,9 % сократились сенокосные и выгонно-пастбищные земли. Доля же сельскохозяйственных угодий уменьшилась незначительно — с 17,5 до 17,1 %. Одновременно удельный вес площади пашни (посев, пар) по всем землепользователям уменьшился с 7,1 до 6,4 %, или в абсолютных показателях на 118 тыс. га, и наоборот, доля перелогов и залежей выросла с 0,4 до 1,3 %, или почти в 3 раза.

Основным землепользователем были колхозы. Колхозный сектор включал общественные земли, участки, находившиеся в пользовании колхозников. Общий фонд земель колхозов области увеличился на 2,3 %, однако доля несельскохозяйственных угодий также выросла с 40,7 до 42,5 %. Площадь пашни уменьшилась на 135,4 тыс. га (с 29,5 до 25,6 %), соответственно на 176,6 тыс. га увеличились перелог и залежи (с 1,2 до 5,4 % в общем земельном балансе), на 77,9 тыс. га уменьшилась площадь лугов, пастбищ и выгонов. Подобные процессы шли и в других районах Урала.

Т а б л и ц а 2.1

Общий земельный баланс по Свердловской области
(тыс. га)*

Показатель	1941		1945	
	по области	в т. ч. по колхозному сектору	по области	в т. ч. по колхозному сектору
Общая площадь землепользования	19141,1	4131,1	19369,1	4228,5
Пахотной земли	1453,4	1271,6	1511,3	1312,9
В том числе пашни	1370,7	1226,4	1252,7	1085,0
перелогов и залежей	82,7	51,2	258,6	227,9
Сенокосной и пастбищной земли	1836,7	1141,9	1709,9	1064,0
Огороды	56,7	36,1	98,0	53,8
Сады	0,5	0,3	2,2	1,3

* Составлено по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, Оп. 323. Д. 28. Л. 16—18, 34—36; ГАСО. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 1355. Л. 1.

Еще большие изменения произошли в структуре земельного фонда совхозов Урала. За 1941—1945 гг. значительно сократился размер пашни (на 51,0 %), ее удельный вес уменьшился с 33,9 до 19,0 %. Доля переделов и залежей увеличилась с 12,2 до 21,0 %. Удельный вес лугов, пастбищ и выгонов остался практически на одном уровне. С 16,5 до 25,2 % увеличилась доля несельскохозяйственных угодий³⁴.

Ухудшение технического оснащения, сокращение трудовых ресурсов деревни во время войны привели к тому, что эффективно использовать имевшиеся земельные угодья не было возможности, тысячи гектаров земли вышли из обработки. Многоземельные колхозы, особенно Южного Урала, не успевали убирать даже засеянные площади, они уходили под снег. В 1942 г. разница между посевами зернобобовых и убранными площадями составляла по колхозам региона 1129,1 тыс. га, в 1943 г. — 721,6 тыс., в 1944 г. — 375,7 тыс., в 1945 г. — 203,5 тыс.³⁵. Этот факт лишний раз опровергает много лет бытовавшую в литературе идею о положительном значении расширения посевных площадей в восточных регионах страны в первый период войны.

В целом по Уралу доля колхозов в посевных площадях снизилась. Если в 1941 г. они имели 87,0 % всей площади посевов на Урале, то в 1945 г. — 82,2 % (см. табл. 2.2). Выросла доля государственных хозяйств — с 11,5 до 13,5, посадок колхозников на приусадебных участках — с 1,4 до 2,5, рабочих и служащих — с 0,1 до 1,8, единоличников — с 0,02 до 0,04 %³⁶.

Т а б л и ц а 2.2

Посевные площади на Урале в 1941—1945 гг.
(тыс. га)*

Категории хозяйств	1941	1942	1943	1944	1945
Все категории	14650,9	15313,9	12198,8	10348,5	10173,1
В том числе совхозы	1595,6	1463,2	971,9	701,2	672,0
колхозы	12501,4	12814,8	10314,9	8537,2	8357,6

* Составлено по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 326. Д. 493. Л. 5, 13—14.

В первый период войны посевы на Урале выросли на 4,5 %, а начиная с 1943 г. стали сокращаться. По сравнению с 1941 г. они уменьшились в 1943 г. на 16,8 % по всем категориям хозяйств (по колхозам — на 17,5), в 1944 г. — на 29,4 (по колхозам — на 31,7), в 1945 г. — на 30,6 (по колхозам — на 33,2). Процесс этот в регионе был большим по размерам, чем по стране, где посевные площади уменьшились на 29,0 %³⁷.

Размеры посевных площадей на Урале к концу войны уменьшились до уровня 1928 г., а посевы зернобобовых оказались меньше, чем в 1913 г., на 10 %, технических культур — на 19 % в сравнении с 1928 г. Лишь в 3 раза выросли посадки овощей и картофеля от уровня 1928 г.³⁸

Т а б л и ц а 2.3

Структура посевных площадей на Урале в 1941—1945 гг.
(тыс. га)*

Культура	1941		1945	
	все катего- рии хо- зяйств	колхозы	все катего- рии хо- зяйств	колхозы
Вся посевная площадь	14650,9	12504,4	10173,1	8357,6
Зернобобовые культуры	12341,5	10938,3	8360,8	7446,2
В том числе				
яровая пшеница	5107,2	4487,2	2330,3	2147,1
ячмень	369,4	279,9	282,1	208,5
овес	2688,6	2320,6	2011,9	1641,7
озимая рожь	3076,8	2814,4	2961,5	2760,5
Технические	426,7	445,3	261,7	250,2
Картофель и овощи	591,6	264,4	858,9	274,5
Кормовые	1255,1	856,4	691,7	386,7

* Составлено по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 326. Д. 8. Л. 1, 9, 37, 45, 58, 66, 71; Д. 14. Л. 11, 37, 81, 85, 89, 110, 124; Д. 723. Л. 6, 56, 59, 62, 80, 92, 155.

За годы войны произошли изменения и в структуре посевов (см. табл. 2.3). В посевных площадях всех категорий хозяйств уменьшилась доля зерновых культур — с 84,2 до 82,2 %, технических — с 3,2 до 2,6 % и кормовых — с 8,6 до 6,8 %, в то же время выросли площади под картофелем и овощами с 4,0 до 8,4 %. Площади под зернобобовыми сократились на 32,3 %, под техническими — на 43,5 %, под кормовыми — на 45 %. Посадка картофеля и овощей выросла за годы войны на 45,2 %. Иная картина наблюдалась в колхозах уменьшилась доля технических (с 3,6 до 2,9 %) и кормовых (с 6,8 до 4,6 %) культур, увеличилась — зернобобовых (с 87,5 до 89,1 %), картофеля и овощей (с 2,1 до 3,3 %). Удельный вес колхозных посевов составлял по зернобобовым в 1941 г. — 88,6 %, в 1945 г. — 89,1, по техническим культурам соответственно — 96,2 и 95,6, по картофелю и овощам — 44,7 и 32,0 %.

Посевные площади совхозов Урала за годы войны сократились на 57,9 %. Посевы в совхозах Оренбургской области (они составляли 38,2 % от всех посевов совхозов Урала в 1941 г., в 1945 г. — 42,8 %) уменьшились за годы войны на 52,8 %. Удельный вес зерновых культур в 1941—1942 гг. составлял 75—76 %. В 1944 г. их

доля в посевных площадях сократилась до 62 %. Доля картофеля, овощей и технических культур в структуре совхозов Урала оставалась незначительной (картофель и овощи занимали в 1941 г. 5 %, а в 1945 г. — 1,5 %, технические культуры — соответственно 1,6 и 0,6 %). Значительно выросла доля кормовых культур (с 21,7 до 32,3 %) ³⁹.

Удельный вес зерновых культур в посевах совхозов региона в начале войны составлял 75 %. В 1944 г. их доля в посевных площадях сократилась до 62 %. За годы войны так же, как и в колхозах, но в меньших размерах, выросла доля озимых посевов ржи (с 15,5 до 19,9 %), сократились посевы яровой пшеницы (с 36,0 до 22,5 %). В совхозах Оренбуржья посевы зернобобовых культур в военное время уменьшились на 66 %, яровой пшеницы — на 77 %, а их доля в общей структуре посевов уменьшилась с 77,0 до 57,6 %. Увеличился за это время удельный вес кормовых культур (с 21,1 до 41,1 %). В совхозах Свердловской области, имевших в основном животноводческое направление, в 1945 г. зерновые культуры занимали 62,9 % (из них 51,6 % — посевы овса, 21,5 % — озимой ржи), кормовые — 28,1, картофель и овощи — 8,8, технические — 0,2 % ⁴⁰.

Изменение структуры посевных площадей Урала было вызвано тем, что главное внимание уделялось производству хлеба. Труженики деревни стремились в целях обеспечения армии и населения продовольствием расширять посевы зерновых культур, картофеля и овощей. Рост удельного веса зерновых шел за счет увеличения посевов озимой ржи, он вырос за годы войны по всем категориям хозяйств с 24,9 до 35,4 % среди всех посевов зернобобовых культур, а по колхозам — с 25,7 до 37,1 %. Посевы озимой ржи сократились по Уралу с 3076,8 тыс. га до 2961,5 тыс. (на 3,8 %), в том числе по колхозам на 1,9 %, т. е. практически остались на одном уровне. Значительному сокращению подверглись посевы наиболее ценнейшей продовольственной культуры — яровой пшеницы. Ее посевы сократились по Уралу на 54,4 %, а по колхозам — на 52,2 %, т. е. больше, чем наполовину. Удельный вес пшеницы в посевах сократился с 41,4 % в 1941 г. до 27,9 % в 1945 г. В годы войны структура хлебного поля значительно ухудшилась. Как и до революции, на Урале «серыми хлебами» (рожь, ячмень, овес) было занято к концу войны более 60 % посевов зернобобовых. Достигнутая до войны структура зерновых во время войны была утеряна. Доля других зернобобовых культур осталась в годы войны практически на одном уровне.

К концу войны значительно сократились и практически исчезли посевы некоторых технических культур, которые выращивались в первый период войны — сахарной свеклы, кок-сагыза, махорки, так как их урожайность была крайне малой и никогда ранее здесь

они не культивировались. В то же время производство ряда технических культур, имевших давнюю традицию, сокращалось. До войны широко было развито льноводство в Пермской области и Удмуртской АССР. Пермский лен славился издавна высококачественным волокном. Здесь имелись возможности по его первичной обработке. За первые годы войны площади под льном были расширены, но достигнуть устойчивых урожаев не удалось. В процессе производства допускались потери, значительная часть льна оставалась невытеребленной, неразостланной, не выбранной со стелищ. Нехватка людей, большие потери урожая привели к резкому сокращению посевов льна — со 144,9 тыс. га до 31,8 тыс., т. е. в 4,5 раза. В Удмуртии его посевы уменьшились в 3,5 раза и составили в 1945 г. 19 тыс. га, Пермской области — в 6,4 раза и упали до 6,1 тыс. га. Почти в два раза сокращены были площади под коноплей (с 26,3 тыс. до 14,0 тыс. га), половина ее посевов была в Башкирии. На 44 % снизились площади под подсолнечником (с 254,7 тыс. до 143,1 тыс. га), он засевался в Башкирии и Оренбургской области.

Продовольственные трудности заставили население региона резко увеличить площади под картофель. Они выросли по всем категориям хозяйств на 49,8 % — с 459,8 тыс. до 689,0 тыс. га. Более высокие темпы роста его посадок наблюдались в промышленных районах Свердловской (на 76,7 %), Челябинской (на 75,6 %), Пермской (на 31,4 %) областей и в Башкирии (на 43,6 %). Рост картофельных посадок шел в основном за счет расширения индивидуальных посевов рабочих и служащих (они увеличились в 2,7 раза, а удельный вес — с 12,7 до 23,3 %), а также колхозников (их доля составляла 29,0 %). В колхозах площади под картофелем выросли на 10,1 % (удельный вес во всех посевах картофеля — 29,5 %). Расширение посадок картофеля сдерживалось рядом причин: нежеланием сокращать поступления зерновых, нехваткой семенного материала, подготовленных земель, опыта, отсутствием механизации картофелеводства, что в условиях уменьшения рабочих рук создавало дополнительные трудности.

Еще больше — на 64,4 % — выросли за годы войны посевные площади под овощами. Посадки у рабочих и служащих увеличились в 3,9 раза, в государственных хозяйствах — в 3 раза, в колхозах — на 25,9 %. Для развития овощеводства, также как и картофелеводства, потребовалось создать и была практически создана в заключительный период войны семенная база. Большую роль сыграли в этом опытные станции, передовые колхозы, Всесоюзный институт растениеводства, который был эвакуирован в г. Красноуфимск Свердловской области.

В годы войны сократились посевы кормовых культур (на 45 % по всем категориям хозяйств и на 55 % в колхозах), что отрицате-

льно повлияло на кормовую базу животноводства. Особенно резко уменьшились на Урале посевы однолетних трав (в 1,6 раза). Значительно упали посевы клевера — до 8,5 тыс. га; в том числе в Пермской области до 4,2 тыс. га.

Сократившаяся техническая оснащенность сельского хозяйства заставляла тружеников деревни проводить полевые работы вручную и с использованием рабочего скота. Не хватало квалифицированных специалистов и организаторов сельскохозяйственного производства. Все это приводило к нарушениям агротехники. Были нарушены севообороты, в ряде мест перешли на трехпольку, уменьшен объем таких агротехнических мероприятий, как подъем паров и зяби, междурядная обработка, прополка, внесенные удобрений. Суровые холодные зимы приводили к гибели посевов озимых культур (в 1943 г. — 351,1 тыс. га, в 1944 г. — 315,6 тыс. га, в 1945 г. — 343,3 тыс. га). Как показывают метеосводки, погода в 1942 г. была крайне неблагоприятной — затяжная холодная весна, дождливое лето и раннее наступление зимы. В следующем 1943 г. посевы зерновых на Урале почти повсеместно выгорали от засухи, а в других местах пострадали от летних заморозков (температура опускалась до -8°C) и от ливней с градом⁴¹.

Ухудшение агротехники, неблагоприятные погодные условия сказались на урожайности зерновых культур (ц/га):

	1941	1942	1943	1944	1945
Колхозы	6,8	3,5	3,4	4,6	5,5
Совхозы	6,5	3,0	2,5	5,5	7,3

В 1942 г. в регионе был получен низкий урожай зернобобовых — 3,5 ц с га в колхозах (по стране — 4,6) и 3,0 ц с га в совхозах. В 1943 г. на Южном Урале урожайность упала в 3—4 раза по сравнению с 1941 г. и составила в колхозах Башкирии 3,4 ц с га, в совхозах — 2,6; в Курганской области — соответственно — 2,4 и 3,0; в Оренбургской — 1,9 и 2,3; в Челябинской — 2,9 и 3,0. Несколько выше была урожайность на Среднем Урале и Приуралье, где сокращение техники и рабочего скота было несколько меньше, чем в южных районах. В заключительный период войны удалось поднять урожайность зернобобовых на Урале. А в 1945 г. она была даже выше, чем по стране. Сокращение производства зерна влекло ослабление кормовой базы, картофель шел на производственные нужды. Не обеспечивало потребности общественного стада производство сочных кормов и сена. В несколько раз были сокращены фуражные фонды⁴². Резко ухудшились условия содержания скота. Строительство животноводческих помещений прекратилось, имев-

шиеся ветшали и приходили в негодность. Даже сократившееся поголовье скота не было обеспечено помещениями⁴³.

Ослабление кормовой базы, ухудшение условий содержания скота в первую очередь сказались на молодняке. Его приплод на Урале снизился в большей степени, чем в среднем по стране. Сократилось и маточное поголовье. Ухудшилось, а порой — отсутствовало зооветобслуживание.

Т а б л и ц а 2.4

**Поголовье скота на Урале в 1940—1945 гг.
(на конец года, тыс. голов)***

Категории хозяйств		1940	1941	1942	1943	1944	1945
Крупный рогатый скот	Все категории	4092	3745	3941	3517	3622	3939
	В том числе						
	колхозы	1590	1508	1652	1364	1204	1234
	совхозы	303	263	200	151	148	154
Свиньи	Все категории	2087	2041	2129	1990	1071	2020
	В том числе						
	колхозы	526	524	573	451	389	390
	совхозы	120	106	73	55	50	50
Овцы и козы	Все категории	7573	6285	6748	5143	4820	4935
	В том числе						
	колхозы	2945	2701	2991	2115	1894	1866
	совхозы	426	365	308	210	229	239
Лошади	Все категории	1669	1464	1380	1093	905	925
	В том числе						
	колхозы	1355	1161	1122	877	712	726
	совхозы	263	56	48	38	32	34

* Таблица составлена по: Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. С 432—441; Численность скота в СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 11, 18, 26, 31, 49, 56, 63, 70, 84, 91, 104, 112, 119, 133; ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 6. Л. 19—30; Д. 59. Л. 23, 26; Д. 271. Л. 3, 19, 27, 34, 37; Д. 298. Л. 11, 14; Д. 545. Л. 80—85; Д. 710. Л. 23—28; Д. 976. Л. 53—58; Д. 980. Л. 81—92, 97, 98; Д. 1257. Л. 32—37; Д. 1504. Л. 56—61, 64.

В мартовском 1942 г. постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах сохранения молодняка и увеличения поголовья скота в колхозах и совхозах» продажу и убой скота колхозам и колхозникам предписывалось на период войны производить только с разрешения райзо⁴⁴. Для комплектования колхозных ферм в годы войны практиковалась контрактация. Колхозники Башкирии в 1942 г. законтрактовали и продали колхозам 26,9 % приплода телят. А в Свердловской области в этом году колхозы купили 29,4 тыс. голов

крупного рогатого скота, 4,2 тыс. свиней, 6,7 тыс. овец⁴⁵. Следует заметить, что эти операции производились за счет колхозников, без достаточной компенсации, на что первым обратил внимание Ю. В. Арутюнян. Дело в том, что по договору контракции помимо денежной оплаты выдавали за сданного теленка от 0,5 до 1 ц зерна и 5—10 ц грубых кормов, а за ягненка — соответственно 0,1—0,15 и 0,5—1,5 ц. Такой обмен не был эквивалентным, поскольку цены на мясо на рынках были значительно выше, чем на зерно. Да и колхозы производили расчет только после выполнения планов хлебозаготовок⁴⁶. В заключительный период войны контракция не имела широкого применения.

Однако этих мер было недостаточно. Данные таблицы 2.4 показывают, что за годы войны поголовье по всем категориям хозяйств уменьшилось: свиней — на 55,9 %, лошадей — на 44,6, овец и коз — на 31,2, крупного рогатого скота — на 3,8, в том числе коров — на 3,2 %.

Подобное сокращение произошло и в целом по стране: крупного рогатого скота — на 12,7 %, овец и коз — на 23,6 %, свиней — на 61,5 %⁴⁷.

Наиболее явно это наблюдалось на Урале в 1943 г. Поголовье крупного рогатого скота уменьшилось на 424 тыс. голов (на 10,8 %), свиней — на 423 тыс. (41,3 %), овец и коз — на 1605 тыс. (23,8 %), лошадей — на 287 тыс. (20,8 %). На следующий год темпы этого процесса замедлились, а с 1945 г. начался рост поголовья всех видов продуктивного скота. Наибольшее сокращение скота было в колхозах (см. табл. 2.4). К концу 1945 г. количество крупного рогатого скота уменьшилось на 22,8 %, коров — на 25,9 %, овец и коз — на 36,6 %, свиней — на 62,7 %, лошадей — на 46,3 %. В 1943 г. в результате недостатка кормов, распространения эпизоотии, особенно ящура, сокращения приплода и увеличения падежа, а также в результате сдачи большого количества скота государству в колхозах произошло наибольшее за годы войны уменьшение стада скота. За один год поголовье крупного рогатого скота сократилось на 17,4 %, в том числе коров — на 6,5, овец и коз — на 29,4, свиней — на 54,2, лошадей — на 21,9.

В расчете на один совхоз в 1942 г. (по сравнению с 1941 г.) поголовье из-за приема эвакуированного скота увеличилось: лошадей — на 24,6 %, крупного рогатого скота — на 12,3, овец и коз — на 25,0, поголовье свиней сократилось на 59,0 %. В 1943 г. так же, как и в колхозах, произошло резкое уменьшение поголовья скота. В заключительный период войны в совхозах в связи с изменениями в заготовках увеличилась численность стада. Уменьшился падеж молодняка⁴⁸.

Расход стада увеличивался в связи с тем, что колхозы и совхозы стали сдавать государству большое количество скота низкой

упитанности. В Пермской области в 1940 г. доля крупного рогатого скота ниже средней упитанности составляла 52 %, в 1941 г. — 61, в 1942 г. — 77, в 1943 г. — 84 %, овец — соответственно 25, 50, 76, 83 %⁴⁹. Если в 1941 г. вес сданной головы крупного рогатого скота составлял в среднем по совхозам Урала 284 кг, то в 1944 г. — 240 кг, свиньи — соответственно 91 и 53 кг⁵⁰. Сдача такого скота превышала его пополнение. В 1943 г. расход крупного рогатого скота в колхозах Башкирии превысил его поступление на 115,7 тыс. голов, в 1944 г. — 35,7 тыс. В расходе стада главное место занимала поставка государству: в 1943 г. было сдано 448 тыс. голов всех видов продуктивного скота, а получено приплода — 332,7 тыс.⁵¹ Рост заготовок скота, как видно, отражал не улучшение, а, наоборот, ухудшение положения в животноводстве. Колхозы часто забивали скот из-за нехватки кормов, чтобы не допустить падежа.

За военный период удельный вес общественного животноводства на Урале значительно снизился, причем в больших размерах, чем это произошло по стране в целом. Доля колхозного скота в общем поголовье сократилась в 1945 г. по сравнению с 1941 г.: по крупному рогатому скоту с 38,8 до 31,3 %, по коровам — с 25,2 до 19,3, по свиньям — с 59,7 до 51,8, по овцам и козам — с 38,9 до 37,8, по лошадям — с 81,2 до 78,4. Соответственно сократился удельный вес совхозов — по крупному рогатому скоту с 7,4 до 3,9, по коровам — с 5,7 до 2,5; по свиньям — с 14,8 до 6,2, по овцам и козам — с 5,6 до 4,8, по лошадям — с 15,8 до 3,7 %.

При резком сокращении общественного поголовья в колхозах Урала и уменьшении его удельного веса поголовья скота, находящегося в личном пользовании колхозников, рабочих и служащих, к концу войны выросло. Это было результатом своеобразия военной обстановки. Война нарушила процесс укрепления общественного хозяйства колхозов и роста их экономики. Более того, война отбросила животноводство региона далеко назад. Количество скота в 1945 г. на Урале в сравнении с 1916 г. сократилось: по крупному рогатому скоту в 1,5 раза, по мелкому — в 1,9 раза, по лошадям — в 4,3 раза, лишь свиней было больше на 6,6 %.

Снижалась в годы войны и продуктивность животноводства. Среднегодовые надои молока от одной фуражной коровы на Урале показаны в табл. 2.⁵²

Надои молока падали повсеместно до 1944 г., а затем стали расти. При этом надои молока в совхозах превосходили этот показатель в колхозах. Это связано с тем, что в тяжелых военных условиях в совхозах проводилась работа по качественному улучшению стада. В совхозах «Исток» и «Зональная» Свердловской области велась племенная работа с тагильской породой скота, где надои превышали 3,5 тыс. л молока. В совхозе им. Цвиллинга прово-

дил опыты Чкаловский НИИ мясо-молочного скотоводства. В Гумберлинском племсовхозе Оренбургской области разводилась пуховая коза⁵³. В совхозах системы НКСХ Оренбургской области породных лошадей в 1945 г. имелось 40,7%, свиней — 46,3, овец — 70,8, крупного рогатого скота — более 52%⁵⁴. В колхозах племенная работа была запущена, бонитировка скота проводилась редко.

Т а б л и ц а 2.5

Среднегодовые надои молока от одной фуражной коровы (литров)

Год	Категория хозяйств	Башкирская АССР	Курганская обл.	Оренбургская обл.	Пермская обл.	Свердловская обл.	Челябинская обл.	Удмуртская АССР
1941	колхозы	889	—	1074	920	965	906	648
	совхозы	1432	—	1485	1824	1927	1478	1922
1942	колхозы	772	925	1004	824	910	887	637
	совхозы	—	1400	1210	1629	1700	1280	1920
1943	колхозы	716	1009	1007	748	814	833	622
	совхозы	936	1180	963	1212	1289	1191	1109
1944	колхозы	811	998	1009	731	851	1087	596
	совхозы	1153	1398	1116	1387	1348	1425	1263
1945	колхозы	817	1075	1136	802	870	1097	696
	совхозы	1201	1603	1325	1649	1584	1508	1275

Большое распространение на Урале в годы войны получили подсобные хозяйства промышленных предприятий. Их создание было связано с возникшими зимой 1941/42 г. крупными продовольственными трудностями и имело целью обеспечение дополнительного снабжения рабочих и служащих сельскохозяйственными продуктами. После постановления СНК СССР от 18 февраля 1942 г. на крупных заводах организовывались отделы рабочего снабжения (орсы), в ведение которых перешли магазины, столовые, склады, мастерские, а также подсобные хозяйства⁵⁵. В апреле 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих»⁵⁶. Вокруг городов, на неиспользуемых землях колхозов, предприятиям и учреждениям было разрешено создавать подсобные хозяйства. Крупным заводам на Урале были переданы более 130 совхозов Урала с земельными массивами, постройками, тяглом, машинами и продуктивным скотом⁵⁷.

Из-за отсутствия излишков свободной равнинной земли коллективы заводов проделали большую работу по освоению участков,

раскорчевке от кустарников, поднятию целины и пустошей. В 1941—1943 гг. ими было освоено более 10 тыс. новой, ранее непригодной для пашни земли. Только за 1943 г. предприятия Н.-Тагила в целях увеличения посевов раскорчевали 1700 га, Алапаевска — 250 га, Асбеста — 250 га, Серова — 370 га, Невьянска — 260 га. За год посевные площади подсобных хозяйств Свердловской области увеличились на 43 %⁵⁸.

Немало усилий пришлось приложить, чтобы наладить в них сельскохозяйственное производство. ОРС Уралмашстроя за 1942 г. раскорчевал и освоил 204 га новых земель, организовал парк сельскохозяйственных машин, изготовил мельницу, крупорушку и агрегат по переработке корнеплодов и овощей. В подсобном хозяйстве были построены свинарник на 250 голов, скотный двор на 100 голов, два птичника на 3 тыс. цыплят, 248 двадцатирамных парников, оранжерея-яровизатор, два овощехранилища на 900 т, засолочная на 100 т, зерносклад на 300 т, силосные ямы на 600 т и два жилых дома⁵⁹. Однако это не типичный пример, в основном подсобные хозяйства были мелкими, слабо оснащенными техникой.

К октябрю 1942 г. на Урале было организовано 2915 подсобных хозяйств предприятий различных наркоматов и ведомств. Они передали на снабжение 20,7 тыс. ц хлеба, 162,6 тыс. т картофеля, 137,5 тыс. ц овощей, 257,9 тыс. ц молока, 1,3 млн шт. яиц, 61,5 тыс. ц рыбы, 1,6 тыс. ц плодов и ягод. Продукты подсобных хозяйств поступили для дополнительного снабжения 2,3 млн человек⁶⁰.

Наибольшее развитие подсобные хозяйства получили в промышленно развитых областях — Пермской, Свердловской и Челябинской. В 1942 г. в Свердловской области посевы имели 4000 предприятий и организаций, а в 1943 г. — уже 55288. На начало 1944 г. в области имелось 2508 организованных подсобных хозяйств, из которых 1125 наиболее крупных при промышленных предприятиях, стройках, железнодорожном транспорте. Свои небольшие хозяйства организовывали предприятия местной промышленности, большинство детских домов, школ, вузов, больниц, госпиталей. В 1945 г. на Урале было 26693 подсобных хозяйств, имевших посевы (данные учета Наркомата заготовок СССР).

Существовавшая с 1943 г. программа разработок итогов производственной деятельности подсобных хозяйств наиболее полную картину дает только о наличии сельскохозяйственных машин и орудий, результаты же работы не отражены достаточным числом показателей, которые не позволяют произвести подробный анализ. ЦСУ СССР учитывало на Урале на 1.10.1942 г. 2915 подсобных хозяйств, на 1.01.1946 г. — 2690. Посевная площадь на время учета составляла 121,5 тыс. га и 361,2 тыс. Поголовье крупного рогатого скота выросло с 33,8 тыс. до 128,4 тыс. голов, в том числе коров — с 14,7 тыс. до 47,5 тыс., свиней — с 55,1 тыс. до 91,9 тыс.⁶¹

Подсобные хозяйства передали орсам для снабжения следующую продукцию (в тыс. ц):

	на 1.10.1942	на 1.01.1945	на 1.01.1946
Зернобобовых	20,7	122,3	212,5
Картофеля	162,7	1305,7	1454,5
Овощей	137,5	1522,5	1075,8
Овощей переработанных	—	145,8	116,9
Скота и мяса (в переводе на живой вес)	18,5	59,8	76,7
Молочной продукции (в переводе на молоко)	132,6	286,5	358,2
Яйца (в сотнях шт.)	—	15796,1	16565,0

Кроме того, государству сдавалось зерно: в 1942 г. — 26,4 тыс. ц, в 1944 г. — 210,4 тыс., в 1945 г. — 227,2 тыс., и мясо (в переводе на живой вес) — соответственно — 21,8; 13,1; 15,2. Одна треть сбора зернобобовых передавалась государству и орсу, картофеля — до 55 %, овощей — до 81 %, молока — до 61 %, яиц — до 68 %, мед, рыбу, ягоды — почти полностью.

Подсобные хозяйства даже крупных предприятий были небольшими и маломощными. В среднем на I хозяйство приходилось 41,7 га посевов в 1942 г. и 134,5 га в 1945 г., соответственно крупного рогатого скота 11,6 и 47,7 голов, в том числе коров — 5 и 17,6, свиней — 18, 9 и 33,8. Заметна тенденция к увеличению размера хозяйства. Однако их возможности были ограничены.

Ощущалась острая нехватка рабочих рук, специалистов и техники. Работы в основном выполнялись вручную. В среднем в I подсобном хозяйстве имелось в 1942 г. 0,46 тракторов, 0,14 грузовых автомашин, комбайнов не было, в 1945 г. — соответственно 0,86; 0,26; 0,15. Прimitивность ведения производства вела к тому, что урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность животноводства были крайне низкими. Несмотря на это в военных условиях они сыграли заметную положительную роль в решении продовольственной проблемы.

В годы войны «подсобные» хозяйства рабочих и колхозников превратились в «основные». По данным А. Н. Трифонова, численность огородников в трех областях Урала — Пермской, Свердловской, Челябинской с 1940 по 1945 г. выросла в 2,9 раза⁶². В 1945 г. на Урале посевы в 207 тыс. га имели 515,5 тыс. хозяйств рабочих и служащих сельской, 2151,5 тыс. — городской местности. Средний размер посева хозяйств на селе составлял 0,11 га, у горожан — 0,06 га, у единоличников — 0,18 га. Структура посевов в хозяйствах рабочих и служащих сельской местности состояла на 93,3 % из посадок картофеля и овощей, на 5,9 % — из зерновых, на 0,7 % — из тех-

нических культур; у горожан — на 96,9 % из картофеля и овощей и на 3,1 % из зерновых. Единоличники, которые полностью существовали за счет своих хозяйств, имели посевы, состоявшие на 27,0 % из зерновых, на 2,7 — из технических культур и на 70,3 % — из картофеля и овощей⁶³. Положительную роль в самообеспечении населения картофелем и овощами сыграло решение правительства (июнь 1943 г.) освободить от обложения сельскохозяйственным налогом доходы рабочих и служащих, получаемые с земельных участков, выделенных под огороды.

Высокие цены на животноводческую продукцию на рынках, отсутствие ее в государственной торговле заставляли население держать скот, несмотря на большие трудности в обеспечении его кормами. В личном пользовании рабочих и служащих Урала имелось большое количество скота (на начало года, тыс. гол.)⁶⁴:

	1941	1942	1943	1944	1945	1946
Лошади						
у рабочих и служащих сельской местности	18,0	8,5	7,3	7,3	6,1	7,4
у рабочих и служащих городской местности	24,5	11,8	11,6	9,3	9,2	10,2
у единоличников сельской местности	6,6	3,2	3,3	2,5	2,4	2,5
Крупный рогатый скот						
у рабочих и служащих сельской местности	94,9	315,1	322,9	348,9	396,8	473,0
у рабочих и служащих городской местности	260,3	223,3	245,3	273,2	316,3	351,6
у единоличников сельской местности	19,1	11,9	14,4	14,7	17,3	20,5
В том числе коровы						
у рабочих и служащих сельской местности	258,3	223,4	244,9	254,0	265,2	289,9
у рабочих и служащих городской местности	217,9	191,2	212,4	225,4	252,4	274,9
у единоличников сельской местности	11,9	8,2	10,3	9,8	10,5	11,2
Овцы и козы						
у рабочих и служащих сельской местности	504,6	343,0	382,6	390,8	403,3	450,4
у рабочих и служащих городской местности	449,0	358,1	340,0	355,1	308,5	280,8
у единоличников сельской местности	42,2	22,8	26,3	24,5	24,8	26,6
Свиньи						
у рабочих и служащих сельской местности	31,2	15,3	17,9	11,5	10,7	17,0
у рабочих и служащих городской местности	45,2	22,5	9,2	6,3	5,1	7,7
у единоличников сельской местности	1,7	0,6	0,6	1,7	0,4	0,6

В первый период войны в личных хозяйствах уменьшается поголовье скота, поскольку уход за ним ложится на плечи женщин и подростков. Поголовье лошадей, овец и коз, свиней неуклонно снижалось: количество коров было восстановлено в 1944 г. в довоенных размерах и быстро росло. Удельный вес крупного рогатого скота в этих категориях хозяйств поднялся с 16,5 % в 1940 г. до 21,4 % в 1945 г., в том числе коров — с 23,4 до 28,5, овец и коз — с 13,2 до 15,4 и сократился по лошадям — с 2,9 до 2,1 и по свиньям — с 5,5 до 4,0 %.

В условиях сокращения сельскохозяйственного производства, дефицита продовольствия и его нормированного распределения роль личных подсобных хозяйств рабочих и служащих как в сельской, так и в городской местности существенно выросла, в форме налогов они в определенной степени пополняли и ресурсы страны.

Таким образом, если подсобные хозяйства предприятий и организаций, личные хозяйства обеспечивали население картофелем, овощами и молоком, то производство зерновой и животноводческой продукции, получаемой государством, было сосредоточено в колхозах и совхозах. Они давали продукцию, несмотря на постоянное ослабление их экономики, работали на износ.

В годы войны неделимые фонды колхозов выросли. Если в 1940 г. они составляли по стране 27,4 млрд руб., то в 1945 г. — 35,8 млрд. Подобная картина наблюдалась и на Урале. Однако абсолютно верно утверждение В. Б. Островского, что укрепления колхозов не произошло, так как фактически стоимость денег резко упала⁶⁵. Вещественная часть неделимых фондов не выросла, а наоборот — сократилась. Общественные постройки ветшали, изнашивался инвентарь и уменьшалось его количество. В Башкирии при наличии 2109 колхозных мельниц летом 1943 г. бездействовало 455. В колхозах Курганской области в 1944 г. из 1314 мельниц вышли из строя и не работали 520 (40 %), из 39 маслобоен — 35 (90 %), из 38 крупорушек — 27 (71 %), из 34 кирпичных заводов — 18 (53 %), из 1653 кузниц — 256 (16 %), из 570 мастерских по ремонту транспортного инвентаря — 79 (14 %)⁶⁶. Работа подсобных предприятий на селе была практически свернута.

Состояние колхозной экономики в условиях войны даст возможность сравнить денежные доходы по годовым отчетам колхозов Урала (см. табл. 2.6). По отношению к 1941 г. они выросли: за 1942 г. — на 40,3 %, за 1943 г. — на 50,7, за 1944 г. — на 28,5, за 1945 г. — на 3,3 %. Максимум приходился на 1943 г. — это связано с тем, что производство продукции резко упало и одновременно поднялись цены. В 1944 и 1945 гг. денежные доходы колхозов заметно уменьшились, но были выше, чем в 1941 г., несмотря на некоторое улучшение показателей производства.

Источники денежных доходов колхозов Урала в 1941—1945 гг.
(млн руб.)*

Источники доходов	1941	1942	1943	1944	1945
Всего денежного дохода	1043,2	1464,0	1571,9	1340,6	1077,2
В том числе					
от растениеводства	448,9	655,7	607,2	505,5	404,0
от животноводства	396,7	611,0	728,4	628,3	479,0
от подсобных предприятий	н. св.	62,1	70,9	47,8	33,2
от заработков на стороне	н. св.	85,2	82,3	66,2	68,1

* Составлено по: ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3445. Л. 6, 7, 9, 10, 15, 16, 21, 22, 27, 28, 42, 43, 45, 46; Д. 3452. Л. 6—8, 14—16, 18—20; Д. 3460. Л. 5—7, 9—11, 13—15, 17—19, 21—23, 25—27, 37—39, 41—43, 49—51, 53—55; Д. 3471. Л. 6—8, 10—12, 14—16, 18—20, 22—24, 26—28, 38—40, 50—52, 54—56; Д. 3478. Л. 5—7, 9—11, 13—15, 17—19, 21—23, 25—27, 33—35, 45—47, 49—51.

Главной статьёй денежных доходов колхозов стало животноводство. Удельный вес доходов от растениеводства сократился за годы войны с 43,0 до 37,5 %, доля животноводства, наоборот, выросла с 38,0 до 46,9 % в 1944 г. и до 44,5 % в 1945 г. Постепенно уменьшалась доля денежных поступлений от подсобных предприятий и заработков на стороне. Число колхозов, не имевших подсобных предприятий, значительно выросло.

Денежные доходы колхозов формировались на основе сдачи и продажи сельскохозяйственной продукции. В годы войны цены на сдаваемую государству продукцию оставались неизменно низкими, не покрывали ее себестоимости. Рыночные же цены в десятки и сотни раз поднялись. Источники денежных поступлений колхозов Урала от растениеводства были следующими (в %):

	1941	1943	1944	1945
От сдачи государству по обязательным поставкам	35,1	26,2	20,2	27,6
От продажи госзаготовителям и кооперации	8,3	3,7	2,7	3,1
От продажи на колхозном рынке	56,6	70,1	77,1	69,3

Если в 1941 г. продажа сельскохозяйственной продукции колхозов на рынке давала немногим более половины денежных поступлений, то в последующие годы — более двух третей. Поступления от сдачи обязательных поставок сократились, уменьшились поступления и от продажи госзаготовителям. Подобная картина

наблюдалась и с денежными доходами колхозов и от животноводческой отрасли (в %):

	1941	1943	1944	1945
От сдачи государству по обязательным поставкам	25,6	15,5	13,5	15,1
От продажи госзаготовителям и кооперации	11,7	4,4	4,2	4,4
От продажи на колхозном рынке	62,7	80,1	82,3	80,5

Только одну седьмую часть денежных доходов от животноводства давали колхозам обязательные поставки, их доля сократилась с 25—26 до 13—16 %, также уменьшился удельный вес доходов от продажи госзаготовителям и кооперации. Продажа на колхозном рынке животноводческой продукции давала основные поступления денег, удельный вес этой статьи дохода вырос с 62,7 до 81—82 %.

В абсолютных цифрах, как следует из таблицы 2.6, денежные доходы от животноводства выросли и составили в 1943 г. 183,6 %, в 1944 г. — 158,4, в 1945 г. — 120,7, по отношению к 1941 г. Поступления денег от растениеводства увеличились в 1943 г. на 135,3 %, в 1944 г. — на 112,6, а в 1945 г. сократились на 10 % (что было связано с резким сокращением по отношению к предшествующим годам доходов от продажи на колхозном рынке). Колхозный рынок являлся в годы войны важнейшим источником доходов колхозов Урала не из-за объемов реализованной продукции — из-за высоких цен на нее.

Тенденция понижения удельного веса государственных заготовок и закупок и резкое увеличение роли колхозного рынка в общих денежных доходах была характерна не только для Урала, но и для всех тыловых районов страны. Однако они не свидетельствовали об укреплении экономики колхозов. Тем более, что доля колхозов с низкими доходами, даже при увеличении денежных поступлений, преобладала. Об этом свидетельствуют следующие данные по Уралу (см. табл. 2.7).

Т а б л и ц а 2.7

Группировка колхозов по размерам доходов

Число колхозов с доходом	1941 г.		1945 г.	
	абс.	%	абс.	%
До 50 тыс. рублей	9295	55,0	9756	55,6
От 51 до 100 тыс.	4847	28,7	5292	30,0
От 101 до 200 тыс.	2166	1464,0	1831	10,4
От 201 до 300 тыс.	387	2,3	398	2,3
От 301 до 500 тыс.	148	0,9	190	1,1
от 501 до 999 тыс.	40	0,2	60	0,3
1 млн рублей и выше	5	0,03	19	0,1

Более половины колхозов Урала имели денежный доход менее 50 тыс. руб. в год. Больше всего таких колхозов было в Удмуртии (в 1941 г. — 79,7 %, в 1945 г. — 81,3 %), в Курганской области (в 1945 г. — 67,2 %). В промышленных областях их число, наоборот, сократилось: в Пермской области с 62,8 % в 1941 г. до 53,9 % в 1945 г., в Свердловской с 48,0 до 41,0 %. Следует заметить, что эти цифры доходности колхозов не отражают реального состояния дел. При политике цен того времени часть доходов, созданная трудом колхозников, переходила в доходы промышленности, заготовительных и торговых организаций. Большие же средства от колхозной торговли нужны были, чтобы справиться с денежными налогами и обложениями.

Возросли не только денежные доходы колхозов, но и увеличились расходы. Более того, с 1943 г. ряд колхозов Урала имели перерасход денежных средств, составлявший в 1943 г. 17,5 млн руб., в 1944 г. — 16,8 млн., в 1945 г. — 5,9 млн.

Т а б л и ц а 2.8

**Распределение денежных доходов колхозов Урала
в 1941—1945 гг. (млн. руб.)**

Статьи расходов	1941	1942	1943	1944	1945
Всего расходов	1043,2	1464,0	1589,4	1357,3	1083,1
В т. ч.:					
Фонд обороны	6,05	95,0	44,0	10,4	1,6
Налоги и сборы	171,6	234,9	261,2	232,6	215,5
Государственные займы	—	80,1	107,4	121,1	46,9
Затраты на производственные нужды	н. св.	253,7	407,9	367,6	295,3
Выдача денег на трудодни	306,3	398,7	425,2	322,0	272,3

Данные таблицы 2.8 показывают, что затраты на производственные нужды в годы войны увеличились с 17,3 % в 1942 г. до 27,3 % в 1945 г. Увеличились размеры и доля денежных налогов и сборов с 16,5 % в 1941 г. до 19,9 % в 1945 г. (составляли пятую часть всех денежных расходов). В годы войны появились новые статьи расхода — 1) передача денежных средств в фонд обороны Родины, она составляла в 1941 г. 0,6 % всех денежных отчислений колхозов региона, в 1942 г. — 6,4, в 1943 г. — 2,8, в 1944 г. — 0,8, в 1945 г. — 0,1; 2) приобретение облигаций государственных военных займов — удельный вес в расходах колхозов составлял в 1942 г. — 5,5 %, в 1943 г. — 6,8, в 1944 г. — 8,9, в 1945 г. — 4,3.

Резко изменились капитальные затраты колхозов. Только за 1941—1942 гг. они сократились в сравнении с 1942 г. на 25,7 %. Средства, затрачиваемые колхозами на строительство и капитал-

ный ремонт, уменьшились в 1,7 раза, на приобретение машин и инвентаря — в 1,9 раза, на мелиорацию — в 3,8 раза, на покупку рабочего и продуктивного скота — на 8,8 %. Последний вид затрат составлял во всех капитальных вложениях колхозов в 1940 г. 44,7 %, а в 1942 г. вырос до 55 %. Прекращено было финансирование на насаждения, а на мелиорацию тратилось 0,21 % всех вложений. Эти тенденции сохранились на протяжении войны и подтверждают вывод об ослаблении экономики колхозов региона.

Финансовое положение сельхозартелей было крайне слабым. Часть колхозов не имела средств для погашения недовзносав неделимых денежных фондов. В Челябинской области к началу 1945 г. таких колхозов было более 25 %, они имели 27,9 млн. рублей дебиторской задолженности⁶⁷.

Практически не изменился удельный вес следующих статей расходов колхозов. До 16 % от ежегодных доходов колхозов шло на пополнение неделимых фондов, 3—4 % составляли отчисления на культурные нужды, 1,5—2,5 % — административно-хозяйственные нужды, 1—3 % — возврат долгосрочных ссуд.

Снизилась доля выдачи денег на трудодни колхозникам: в 1941 г. — 29,4 %, в 1942 г. — 27,2, в 1943 г. — 26,7, в 1944 г. — 23,7, в 1945 г. — 25,1. Хотя в абсолютных цифрах в 1942—1944 гг. имело место повышение по отношению к 1941 г.: в 1942 г. — на 30,2 %, в 1943 г. — на 38,8, в 1944 г. — на 5,1, а в 1945 г. выдача денег на трудодни сократилась на 11,1 %. А передача государству, ведущему войну, денежных средств от колхозов составляла на Урале пятую часть их расходов.

В исторической литературе отмечается, что 1943 г. — самый трудный для сельского хозяйства в период Великой Отечественной войны. Но ограничиваться этим утверждением не совсем верно. Крайне низкие показатели сельскохозяйственного производства 1943 г., да и предыдущего 1942 г., а они были ниже, чем в 1932 г., вызвали катастрофическую ситуацию с продовольствием. Население уральской деревни провело полуголодную зиму 1943 г. и весну 1944 г., причем помощи практически не было, снабжали хлебом, да и то с перебоями, только служащих и эвакуированных. Увеличилась смертность населения деревни среди наименее защищенных в социальном отношении групп — детей и стариков; ухудшилось материальное положение городского населения.

Сложившееся положение необходимо было коренным образом менять. Проанализировав состояние сельскохозяйственного производства, уральские областные комитеты партии в конце 1943 г. обратились в ЦК ВКП(б) с предложением о создании вокруг индустриальных центров собственной продовольственной базы. Под идеей создания продовольственной базы понималась ориентация колхозов и совхозов на производство продуктов питания — карто-

Рот совхоз (колхозник!).

феля, овощей, мяса, молока, яиц. Кроме того, предусматривалось значительное расширение коллективного и индивидуального огородничества, дальнейшее развитие и укрепление подсобных хозяйств. Для успешного осуществления этих мер требовались финансовые средства, материально-техническая помощь, снижение налоговых и заготовительных обложений и пр.

24 марта 1944 г. ГКО впервые за военные годы принял постановление, касающееся развития сельского хозяйства, «О мероприятиях по усилению продовольственной базы промышленных центров Свердловской области», 2 апреля вышло постановление СНК СССР «О мероприятиях по дальнейшему развитию продовольственной базы промышленных центров Свердловской области»⁶⁸. В дальнейшем правительство приняло подобные решения по другим областям и автономным республикам Урала -- 29 мая 1944 г. по Челябинской области, 5 августа 1944 г. по Пермской, 4 февраля 1945 г. постановление СНК СССР «О мероприятиях по подъему сельского хозяйства в колхозах Башкирии», 9 мая 1945 г. о продовольственной базе городов Оренбургской области, 24 мая 1945 г. — Удмуртской АССР⁶⁹.

Кроме решений правительства на основе отчетов обкомов партии, ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановления «О мероприятиях по подъему сельского хозяйства и обеспечению устойчивых урожаев в Чкаловской области» (13 января 1945 г.), «О мерах по дальнейшему развитию животноводства и увеличению живого тягла в Чкаловской области» (17 февраля 1945 г.). В январе 1944 г. и феврале 1945 гг. ЦК ВКП(б) рассмотрел состояние дел в сельском хозяйстве Курганской области, были приняты соответствующие постановления, квалифицировавшие руководство сельским хозяйством как неудовлетворительное⁷⁰.

Таким образом, впервые за последние годы войны были приняты постановления отдельно по областям и республикам региона, поскольку руководство пришло к признанию особенностей развития сельскохозяйственного производства. Для Урала, видимо, альтернативных решений не было. Однако, разрешая менять структуру посевов, уменьшая облагаемые поставками площади, списывая недоимки и одновременно увеличивая материально-техническое снабжение, правительство не пошло на разрешение прямых товарно-денежных отношений между колхозами и предприятиями. Система сложившихся отношений оставалась прежней.

Только после выполнения планов заготовок колхозы могли мизерные остатки продукции реализовать на рынке. Но и то, что было разрешено и проведено в заключительный период в 1944—1945 гг., можно назвать реформой, поворотом в аграрной политике, который в самые кратчайшие сроки смог дать ощутимый ре-

заче-
результат. Кризисная ситуация в сельскохозяйственном производ-
стве региона была преодолена.

Инициатива местных органов получила поддержку. В экстре-
мальных военных условиях, когда все хозяйственно-политические
функции были сосредоточены на решении главной задачи — раз-
громе врага, сталинская административно-командная, бюрократи-
ческая система была способна реагировать на изменения, идти на
приспособление к сложившейся обстановке. Другое дело, что раз-
решение этих задач осуществлялось прежними командно-админи-
стративными методами.

Как мы отмечали, организация продовольственных баз про-
мышленных центров Урала предусматривала изменение в ряде
районов направления колхозного производства. В пригородную зо-
ну Свердловской области был включен 41 сельскохозяйственный
район, Пермской — 26, Челябинской — 20, Оренбургской — 5,
Курганской — 3. Колхозы пригородной зоны должны были рас-
ширить посевы картофеля и овощей, кормовых культур, увеличить
численность общественного стада, поднять продуктивность живот-
новодства. Это связано с тем, что значительно увеличившееся го-
родское население не было обеспечено овощами и картофелем,
мясом и молоком. Пригородные районы Ижевска, Воткинска и Са-
рапула обеспечивали потребности горожан в картофеле на 20 %,
в овощах — на 18, в молоке — на 67¹. Чтобы расширить посевы
картофеля и овощей, колхозам было разрешено сократить посевы
зерновых и технических культур. Так, в пригородной зоне Перм-
ской области на 50 % были уменьшены посевы льна. Начиная с
1945 г. колхозам были снижены нормы обязательных поставок зер-
на при условии, что посадки овощей и картофеля у них занимают
не менее 10 % всех посевных площадей. Это стимулировало их про-
изводство и создавало возможность увеличения выдачи хлеба на
трудодни колхозникам.

Однако без материальной помощи колхозы не смогли преодо-
леть спад производства. Например, как подсчитали экономисты в
Пермской области, таких колхозов была одна треть (около тыся-
чи). Была запрещена мобилизация рабочей силы из сельхозарте-
лей в промышленность, на строительство и транспорт без разреше-
ния правительства страны. Постановления предусматривали орга-
низацию производства сельскохозяйственного инвентаря на пред-
приятиях местной промышленности и промкооперации, строитель-
ство в колхозах овоще- и картофелехранилищ.

Значительны были размеры списываемых с колхозов задолжен-
ностей прошлых лет по обязательным поставкам. С колхозов Челя-
бинской области в 1944 г. было списано: мяса — 3,7 тыс. т, моло-
ка — 10 тыс. т, шерсти — 600 т, яиц — 3 млн штук. Из обложе-

ния по поставкам исключались 2900 тыс. га земель, непригодных для использования под сенокосы, пастбища и т. д.⁷² Подобная мера, предпринятая правительством, была осуществлена впервые, поскольку колхозы были не в состоянии рассчитаться с заготовками, недоимки росли из года в год. В Пермской области было списано задолженности с колхозов: мяса — 1 тыс. т., молока — 80 тыс. гектолитров, шерсти — 240 ц, яиц — 616 тыс. шт., была уменьшена норма сдачи этих продуктов государству и в фонд Красной Армии. В 1945 г. Наркомату заготовок СССР следовало исключить из обложения колхозов по поставкам животноводческой продукции 30 тыс. га заболоченных и заросших лесом сенокосов и пастбищ.

В постановлении по Свердловской области намечалось в течение 1944—1945 гг. увеличить посевы овощей и картофеля в пригородной зоне в 1,5—2 раза, организовать строительство теплиц и парников, хозяйствам выделялись минеральные удобрения. Предусматривалось электрифицировать ряд МТС и колхозов. Все районы пригородной зоны с 1944 г. были освобождены от сдачи зерна в хлебный фонд Красной Армии, списывались недоимки прошлых лет по зернопоставкам в размере 85,7 тыс. т, уменьшались хлебопоставки за счет исключения из облагаемой пашни 172 тыс. га залежей и перелогов, рассрочена уплата до 1946 г. недоимок по зернопоставкам 64,0 тыс. т. С колхозов была полностью списана задолженность прошлых лет по картофелепоставкам 43 тыс. т, по овощам — 2,8 тыс. т. В результате быстрого роста на севере области городов и промышленных предприятий сельское хозяйство активно развивается и там. Колхозы, колхозники, рабочие и служащие Ивдельского и Карпинского районов освобождались от поставок всех сельскохозяйственных продуктов и уплаты сельскохозяйственного налога сроком на 5 лет. Кроме того, в 24 районах пригородной зоны снижены нормы обязательных поставок зерна. Колхозы Тугулымского района по старым нормам сдавали в обязательные поставки и в хлебный фонд Красной Армии по 135 кг с каждого гектара облагаемой пашни, по новым нормам — 80 кг. Колхозам Ирбитского района нормы поставок были снижены на 65 кг, Белоярского, Красноуфимского — на 50, Туринского — на 70 кг. Союззаготтранс области располагал 52 автомашинами, летом 1944 г. было дополнительно выделено 200 машин.

Значительная помощь была оказана Курганской области. В 1944 г. колхозам была выделена семенная ссуда 30 тыс. т, передано для организации ремонта тракторов 3 завода местной промышленности, вновь организовано 6 МТС. В 1944 г. с колхозов списана недоимка по хлебу в размере 167,5 тыс. т, по картофелю и овощам — 17,2 тыс. т, по мясу — 30,9 тыс. ц, денежная задолженность за работу МТС в размере 40 млн рублей, а также отсрочена сдача задолженной сельхозпродукции на последующие годы⁷³.

Комплекс предусмотренных мер 1944—1945 гг. на Урале был первой в истории колхозного строя региона попыткой, когда колхозы получили такую большую помощь. Но в силу сложившихся отношений, когда колхозы находились на положении государственных предприятий, имели ежегодно государственное задание на заготовку продукции и в предыдущие годы работали на износ, нельзя говорить о помощи буквально, в полном смысле этого слова, это была скорее лишь частичная, мизерная компенсация за всю практически бесплатно поставленную государству продукцию.

Мобилизацию населения на решение поставленных задач взяли на себя партийные организации Урала. С этой целью были проведены пленумы обкомов, райкомов ВКП(б), собрания партактивов. В сельских райкомах ВКП(б) создавались специальные комиссии с участием руководящих партийных и советских работников, специалистов сельского хозяйства и научных работников. По 32 районам Башкирии, по каждому колхозу в отдельности были приняты постановления бюро обкома партии и СНК БАССР. Разработанные мероприятия включали следующие направления: необходимость освоения севооборотов, полное обеспечение семенным материалом и своевременное выполнение установленных планов агротехнических мероприятий, увеличение тягловой силы, изыскание возможностей увеличения сельхозтехники, укрепление хозяйств руководящими кадрами, ликвидация нарушений Устава сельхозартели (в частности, недопущение нарушений землепользования, улучшение трудовой дисциплины, устранение хищений социалистической собственности, улучшение учета и пр.), усиление массово-политической работы среди тружеников села⁷⁴. Подобная работа была проведена повсеместно.

Челябинский обком партии и облисполком в декабре 1944 г. приняли решение о разработке в хозяйствах проектов 8- и 10-паровращательных севооборотов. Схемы были намечены уже к весне 1945 г. и посев во всех колхозах был проведен в рамках перехода к севооборотам. В Башкирии севообороты были введены в 270 колхозах, в 504 — восстановлены. В Пермской области в 1945 г. 400 колхозов имели севообороты, в Курганской — 685⁷⁵.

Труженики села осваивали неиспользованные земли, поднимали целину. В Челябинской области в 1944 г. было поднято 120 тыс. га целинных земель, в 1945 г. — 100 тыс. га. В Оренбургской области, как и в других местах, выросли площади посевов по яри: в 1942 г. они составили 14 % площади ярового сева, а в 1944 г. — 34,9 %. Паров и яри в колхозах Челябинской области было вспахано в 1944 г. в два раза больше, чем в 1943 г. В 1944 г. в колхозах Свердловской области вывоз местных удобрений на поля увеличился в сравнении с предыдущим годом на 21 %, культивация паров — на 30, подъем яри — на 78,8, культивация яри —

— на 30,8, в 1945 г. обработка почвы выросла — соответственно на 135, 84, 48 и 86 %⁷⁶.

Одновременно был взят курс на восстановление довоенной структуры посевов зерновых. В первые годы войны значительно выросли посевы озимой ржи за счет сокращения яровой пшеницы. Урожайность яровой пшеницы на Урале была выше, в Пермской области она составляла в 1942 г. — 6,9 ц с га, в 1943 г. — 6,4, в 1944 г. — 5,5, в то время как озимой ржи собирали — соответственно — 5 ц с га, 4,4 и 4,9⁷⁷. Самостоятельно колхозы не могли изменить структуру посевов. И лишь постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О государственном плане развития сельского хозяйства на 1945 год» было разрешено увеличение посевов яровой пшеницы. Кроме того, для обеспечения семенами колхозы могли увеличить размеры семенных участков пшеницы до 20 % посевной площади⁷⁸. Соотношение между озимой рожью и яровой пшеницей менялось в пользу последней.

В годы войны резко обострилась проблема семян. Несмотря на то, что сельское хозяйство было полностью охвачено государственным планированием, колхозы все же владели семенами. Но поскольку из-за недорода часть семенных фондов сдавалась в счет заготовок, колхозы к очередному севу оставались без них. Они вынуждены были постоянно обращаться за ссудой, обменивать некондиционные по всхожести семена. Значительно были сокращены сортовые посевы. В колхозах Башкирии в 1943 г. они составляли: по озимой ржи — 88,1 %, по пшенице — 75,6, по ячменю — 60,9, по овсу — 64,5, по просу — 30,6, по гречихе — 22,6, по гороху — 57,6, по льну-долгунцу — 42,6, по подсолнечнику — 54,3, по картофелю — 23,0 %. В совхозах сортовые посевы были еще меньше⁷⁹. Из-за недостатка семян сокращались посевные площади.

В заключительный период войны в 1,5—2 раза была увеличена доля сортовых посевов. Во всех районах были организованы семеповодческие хозяйства (райсемхозы). В большинстве колхозов выделялись в полях севооборотов постоянные семенные участки, засеваемые сортовыми семенами и элитой, создавались семеповодческие звенья.

В целом, несмотря на ограниченные возможности сельхозарте-лей, была проведена большая работа, в результате которой заметно улучшились показатели в растениеводстве. Так, в 1944 г. валовый сбор зернобобовых в колхозах Урала превысил уровень 1943 г. на 20,4 %, а в 1945 г. — на 46,5. Однако уровень 1940 и 1941 гг. достигнут не был (см. табл. 2.11).

Подобная работа проводилась и в отношении совхозов. В первой половине 1944 г. на бюро Челябинского обкома ВКП(б) были рассмотрены и приняты соответствующие постановления: об улуч-

шении работы Петропавловского зерносовхоза, о работе Совхозснаб, об условиях социалистического соревнования совхозов на весеннем севе, о работе комбайнов, о ходе строительства в совхозах, о подготовке к сенокосу, о состоянии подготовки механизаторских кадров по совхозам и др.⁸⁰ В этих постановлениях была попытка вопросы экономического развития хозяйств увязать с решением некоторых социальных проблем — повышением материальной заинтересованности, улучшением бытовых условий работников.

Осуществление этих мероприятий дало положительные результаты. Совхозы области выполнили план весеннего сева 1944 г. на 102,4 %. Наметилось улучшение в обработке почвы. Если в 1942 г. было вспахано паров 15,7 % к посевной площади, то в 1944 г. — 30,8, соответственно: зяби — 12,2 и 25,6 %, целины и залежи — 30,8 и 85,2 %. Полевые работы проводились в более благоприятные агротехнические сроки: план посева озимых к 5 сентября 1942 г. был выполнен на 43,6, в 1944 г. — на 79,5 %, план посева яровых к 1 июня 1942 г. — на 60,3, в 1944 г. — на 96,4 %. Более организованно была проведена уборка урожая. В 1942 г. на 15 сентября было скошено 53 %, на 1 октября — 80,2, в 1944 г. — соответственно 71,0 и 95,7 %. При этом к 1 октября 1944 г. 95,6 % убранных зерновых были обмолочены. Посевные работы проводились по наилучшим предшественникам с учетом севооборота. Улучшилось качество семенного материала. В 1944 г. кондиционные семена составляли 84 %, тогда как в 1942 г. — только 60 %⁸¹.

Оренбургский обком партии также провел работу по изучению состояния совхозов. Для улучшения работы машинно-тракторного парка в совхозах зернотреста были организованы четыре хозрасчетных и 30 передвижных ремонтных мастерских. Для борьбы с засухой были увеличены площади орошаемых земель. Обращалось внимание на необходимость создания в каждом отделении совхозов специализированных звеньев по просу, картофелю и другим культурам. Рекомендовалось шире развивать подсобные отрасли в зерносовхозах, в том числе овощеводство, птицеводство, садоводство⁸². Все это привело к росту урожайности зерновых культур — в 1944 и 1945 гг. она превысила уровень 1942 г. более чем в два раза. В целом по совхозам региона урожайность зернобобовых составляла в 1942 г. — 3,0 ц с га, с 1943 г. — 2,5, в 1944 г. — 5,5, в 1945 г. — 7,3.

Успешно развивалось картофелеводство. Основное внимание было обращено на создание собственной семенной базы. В Свердловской области в 1943 г. сортовые посевы картофеля были в 268 колхозах, а в 1945 г. — в 1714, причем они занимали уже 44 % от всего картофельного поля. Для организации семеноводства картофеля была создана база по выращиванию элиты при областной опытной полеводческой станции. В 1945 г. все колхозы области от

вели до 20 % площадей под семенные участки. Больших успехов добились колхозники Ачитского района, где получили по 130 ц га картофеля. Колхоз «Заря» собрал по 160 ц с га картофеля и по 275 ц овощей⁸³.

Активизировалась работа по закладке парников и теплиц. В 1944—1945 гг. в колхозах Башкирии было заложено 51,3 тыс. парниковых рам, в Свердловской области — 354,8 тыс., в Пермской — 220,1 тыс. В Пермской, Свердловской и Челябинской областях в 1944—1945 гг. было построено 72,5 тыс. метров теплиц. В Пермской области теплиц и парников к концу войны стало в три раза больше, чем в 1940 г. Выросли урожайность и валовые сборы овощей, что привело к улучшению снабжения населения. В 1940 г. в Свердловске на 1 жителя приходилось 53 кг картофеля и 28 кг овощей, в 1945 г. — соответственно 77 и 35. В 1944—1945 гг. потребность в этих продуктах удовлетворялась практически полностью за счет внутриобластного производства⁸⁴.

В заключительный период войны были предприняты меры по улучшению дел в животноводстве. Больше внимания стали уделять подготовке скота к зимовке. В ряде хозяйств Свердловской области были созданы бригады, которые ремонтировали и строили животноводческие помещения. Колхозам помогали областные организации. По решению Свердловского облисполкома для ведения строительных работ направлялись специалисты-строители, посылались остродефицитные материалы — гвозди, стекло, кирпич⁸⁵. В связи с сокращением поголовья обеспеченность помещениями скота не была острой, однако фермы нуждались в ремонте.

Большие усилия прилагались колхозниками к решению кормовой проблемы животноводства. Широко использовались грубые и сочные корма. Важная роль отводилась силосованию. Силосовали не только кормовые культуры, но и траву, ботву, ветки деревьев. Заменителем концентратов служил сапропель. Уральцы были инициаторами его использования. Сапропель применяли при кормлении свиней и в качестве минеральной подкормки. В апреле 1943 г. колхозам было разрешено отводить вблизи животноводческих ферм по 3—5 га земли для посева картофеля и корнеплодов с обработкой их силами животноводческих бригад. Для увеличения запасов грубых кормов на фермах вместо соломы для подстилки использовали торф, мох, опилки⁸⁶.

Благоприятные изменения в земледелии сказались и на животноводстве. В 1945 г. по сравнению с 1943 г. фуражные фонды зерновых увеличились в колхозах Оренбургской области на 50 %, картофеля — на 60, овощей — на 188, в колхозах Свердловской области — соответственно на 80, 58, 78 %⁸⁷. Кормовой рацион животных несколько улучшился. Увеличился приплод молодняка. В Курганской области на 100 маток в 1944 г. было получено: 22,1

жеребенка, 85,7 теленка, 394 поросенка, 81,2 ягненка, в 1945 г. — соответственно 41; 80,3; 782; 87,6.

Благоприятно сказалось на животноводстве улучшение содержания молодняка. Падеж молодняка сократился вдвое. В Свердловской области в 1944 г. пало 16,4 % телят, 18,8 % поросят, 32,8 % ягнят, а в 1945 г. — соответственно 6,6; 6,3; 14,1 %⁸⁸.

Все это позволило в 1945 г. увеличить поголовье крупного рогатого скота в колхозах региона на 2,4 %, свиней — 8,5, лошадей — на 2,0. Совхозы Урала за этот год добились еще большего роста поголовья: лошадей — на 9,2 %, крупного рогатого скота — на 3,8, мелкого — 4,1, свиней — на 50,6 % (см. табл. 2.4).

Несмотря на принятые меры, обеспечить за счет внутриобластного производства в промышленно развитых областях потребности в мясомолочных продуктах не удалось. Потребности в молоке по минимальным нормам для городского населения Челябинской области в 1945 г. покрывались на 67,4 % за счет внутриобластных поставок. Для обязательного государственного снабжения больницы, детских организаций, рабочих заводов, занятых во вредных цехах, в область пришлось завезти 56 % необходимого молока. Только на 30 % обеспечивалось обязательное государственное снабжение мясомолочными продуктами⁸⁹.

Таким образом, спад сельскохозяйственного производства Урала в 1942—1943 гг. достиг своего предела, что грозило катастрофой. Выход, видимо, состоял в развитии равноправных экономических взаимоотношений между городом и деревней. Но сталинская система, направляя огромные усилия на выкачивание средств из деревни, практически оставив крестьянство на самовыживание, все же стала искать пути выхода из критического состояния сельского хозяйства. Постановления 1944—1945 гг., касающиеся уральской деревни и носившие реформационный характер, равноправных отношений между селом и городом не установили, деревня по-прежнему оставалась в подчиненном положении. Однако они дали возможность путем облегчения налогового пресса, помощи материально-техническими средствами, организационными и политическими мерами выйти из тупика. Эти меры, энергично осуществляемые местными партийными и советскими органами, позволили в сравнительно короткий срок несколько улучшить экономическое состояние колхозов и совхозов, повысить, хотя и минимально, материальное положение тружеников села. А это, в свою очередь, отразилось на социальной и, в первую голову, трудовой активности колхозников, работников МТС и совхозов.

§ 3. Повышение трудовой активности сельских тружеников

В годы войны все сферы жизнедеятельности советского общества были подчинены нуждам фронта и воюющей армии. Выдвинутый партией лозунг «Все для победы!» отражал всеобщее желание советских людей, личные интересы растворились, слились с общими. Это была основа массового энтузиазма, производственной активности тружеников тыла, которые стали бойцами трудового фронта.

В годы Великой Отечественной войны наиболее ярким проявлением трудовой активности селян было социалистическое соревнование. Его организация лежала на партийных и комсомольских организациях. На его развитие наложила отпечаток военно-бюрократическая система руководства обществом, она завершила свое формирование и переживала апогей. Отличительной чертой соревнования военных лет была его фронтовая направленность. Моральное и незначительное материальное поощрение, правовое воздействие позволили вовлечь в соревнование значительное число участников.

Тормозом в развитии инициативы сельских тружеников было директивное планирование. Колхозники, работники МТС и совхозов были отстранены от самостоятельного решения производственных вопросов своих хозяйств и поставлены в жесткие рамки, в которых должны были выполнять те или иные государственные задания.

Одним из отрицательных последствий войны было укрепление культа личности Сталина в сознании подавляющего большинства народа. Все победы в ходе войны связывались с его именем, его руководством. В тылу местные партийные организации все трудовые успехи посвящали Сталину⁹⁰.

Резкое повышение трудовой активности уральского крестьянства в годы войны шло не благодаря широкому использованию внеэкономических принудительных методов, а в силу величайшего патриотизма, желания разгромить врага, веры в идеалы социализма. Уравнение населения в бедствиях и лишениях оказалось большой сплачивающей и мобилизующей силой. Высокие плановые задания колхозам и совхозам создавали трудовое напряжение.

Перед каждой сельскохозяйственной кампанией райкомы партии проводили комплекс политических мероприятий, включавший слеты, собрания районного актива и стахановцев, организовывали доклады и лекции, активизировалась работа агитколлективов, в колхозы и совхозы направлялись уполномоченные, на которых возлагалась ответственность за выполнение плана. Главной задачей было вовлечь в общественное производство все имеющиеся в

деревне людские ресурсы. В одном из постановлений Челябинского обкома ВКП(б) говорилось о необходимости распространения на все колхозы и совхозы инициативы «считать мобилизованными все трудоспособное население, в том числе подростков и престарелых». И далее — «политическая агитация должна обеспечить исключительный героизм, железную дисциплину, самоотверженность и бдительность колхозных масс и рабочих совхозов»⁹¹.

В Далматовском районе Челябинской области, как отмечала секретарь райкома Б. Г. Лемешко, политико-воспитательная работа проводилась так, чтобы каждый колхозник дал клятву, что уберет урожай в сжатые сроки и без потерь. Принятые обязательства закрепляли подписями, они хранились в правлении⁹². В совхозах Челябинского зернотреста с целью мобилизации предъявлялись рабочим социалистические счета, где отмечались ежедневные, еженедельные нормы выработки⁹³.

В Шадринском районе не всегда соревнование оформлялось договорами. В колхозе им. Чапаева это делалось так. Один из ребят кричит: «Гришка, я сегодня вызываю тебя на соревнование, посмотрим, у кого будет больше свидетельств стахановца военного времени». Таких свидетельств в районе весной-летом 1942 г. было выдано 3 тысячи (они давали некоторые преимущества в покупке табака и промтоваров)⁹⁴.

«Рекордсменам» создавались особые условия для достижения максимального результата, их опыт широко популяризовался. При его распространении подчеркивалась необходимость самого широкого использования и повторения рекордов основной массой тружеников. В архивных документах постоянно фигурируют цифры о повторении и распространении починов, о местных рекордах. А местная пресса представляла дело таким образом, что то или иное начинание стало массовым явлением, подобный подход характерен и для некоторых исторических работ⁹⁵.

В условиях резкого сокращения людских и материально-технических ресурсов сельского хозяйства одним из главных факторов борьбы за хлеб и продовольствие был подъем производственной активности тружеников села. Трудовой накал крестьянства, порожденный патриотизмом и освободительными целями войны, партийные и комсомольские организации сумели направить в единое русло борьбы за победу. Это проявилось в большом разнообразии форм и починов.

Социалистическое соревнование в деревне в годы войны прошло два этапа: с начала войны до весны 1942 г. и с мая 1942 г. до конца войны. На втором этапе оно проходило в рамках Всесоюзного. Среди обстоятельств, способствующих зарождению Всесоюзного социалистического соревнования колхозников, работников МТС и совхозов, отмеченных в исторической литературе, необхо-

димо учитывать следующее: 1942 г. был объявлен годом решающих побед. Вся политико-массовая работа развернулась в соответствии с этим сталинским лозунгом. Труженики тыла свои усилия направили на обеспечение фронта всем необходимым. В деревне это проявилось в повсеместном движении за расширение посевных площадей весной 1942 г. и в небывалом размахе трудовой активности крестьянства.

Среди наиболее эффективных форм соревнования, получивших широкое распространение в уральской деревне, можно выделить движения стогектарников, комсомольско-молодежных тракторных бригад, звеньев высокого урожая, комсомольско-молодежных ферм, комбайновых агрегатов, сноповязальщиц. Начиная с 1942 г. все колхозы, МТС и совхозы региона принимали социалистические обязательства, которые всегда были выше плана. Однако выполнить принятые обязательства, да и плановые задания в тех условиях было очень тяжело, а для большинства хозяйств практически невозможно.

В 1942—1943 гг. развернулось движение женщин-трактористок. В Свердловской области на весеннем севе 1942 г. 2634 трактористки из 2665 приняли индивидуальные обязательства. Трудились они самоотверженно. Трактористка Ачитской МТС З. Ф. Деткова вспоминала: «...В то время на тракторах работали в основном молодые девчата, окончившие при МТС двухмесячные курсы. Бывало, загложит трактор у такой дивчины, а она его завести не может — не хватает силенки. Вот она сидит подле трактора, уливается слезами, как малое дитя. Придет бригадир, поможет ей завести трактор, она от радости начинает смеяться, петь песни. Такое бывало со всеми нами. За первый сезон мы поднавыкли, набрались опыта, работать стало легче»⁹⁶.

Только 228 участвовавших в соревновании трактористок области выполнили плановые задания на весеннем севе. И совсем небольшое количество бригад и женщин-механизаторов смогли выполнить годовое плановое задание⁹⁷. Среди них тракторные бригады Ф. Кагармановой из Дюртилинской МТС Башкирской АССР, Л. Кузнецовой из Пычасской МТС Удмуртской АССР, Д. Ларионовой из Ирбитской МТС Свердловской области, А. Банниковой из Тоцкой МТС Оренбургской области.

Домна Ефимовна Ларионова (1916—1980) в 16-летнем возрасте в 1932 г. окончила курсы трактористов. После ухода мужа на фронт в 1941 г. организовала первую женскую тракторную бригаду в области. План работ бригада ежегодно выполняла и перевыполняла. В 1945 г. вступила в ряды ВКП(б). Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—

1945 гг.». В 1946—1951 гг. была депутатом Верховного Совета СССР.

Судьба многих женщин-механизаторов трагична, слишком большую цену они заплатили за победу. Многие из них не смогли иметь детей, получили хронические заболевания. Татьяна Наумова — одна из лучших трактористок Свердловской области — сдала на танк 75 тыс. рублей личных сбережений, вскоре после войны умерла. В одиночестве и пьянстве закончила жизнь Д. Е. Ларионова (за полгода до смерти она была исключена Ирбитским райкомом из партии)⁹⁸.

В ходе Всесоюзного социалистического соревнования коммунист Г. И. Гусев из Гумбейского совхоза и А. Митрофанов из совхоза Магнитный Челябинской области предложили начать движение тысячников — обработать за сезон не менее 1 тыс. га земли. Соревнование охватило большое число комбайнеров. Однако выполнить обязательства смогли несколько человек: Г. И. Гусев, П. Н. Чернобровин, А. Е. Козляков (из Маякской МТС), в Оренбургской области — И. П. Варакин (из Большевицкой МТС)⁹⁹. Основная часть механизаторов, работая под стахановскими лозунгами: «Работать без простоев, убирать без потерь!», «Не уходи с поля, пока не выполнишь норму!», не могла в силу, главным образом, объективных причин (нехватка горючего, отсутствие запчастей, частые поломки и т. п.) выполнить не только повышенные фронтовые задания, но и план. Более того, за пережег горючего многие механизаторы должны были платить штрафы, превышающие оплату труда. В силу этого молодежь не шла на механизаторские курсы. С января 1943 г. набор на курсы механизаторов осуществлялся мобилизациями. Объем работ, производимых МТС в колхозах, в 1942—1943 гг. резко сократился. Следовательно, об эффективности соревнования среди механизаторов и огромном его размахе говорить нельзя.

В 1943 г. количество механизаторов Урала, участвующих в социалистическом соревновании на уборке урожая, значительно выросло. Комбайнеры Оренбургской области, среди них И. П. Варакин, братья Архип и Александр Оськины, выступили через газету «Правда» с инициативой: организовать соревнование на уборке хлеба. Наркомзем СССР поддержал почин оренбуржцев и разработал условия соревнования¹⁰⁰. Однако оно не стало массовым. Это было связано с тем, что многие районы страны, в том числе и Урал, подверглись засухе. Комбайновая уборка была неэффективна. Уборочные работы велись простыми машинами и вручную.

Урожайность резко упала в 1943 г., составив по Южному Уралу 1,5—2,5 ц с га (для сравнения — норма высева была 2,2 ц с га).

В Курганской и Челябинской областях в это соревнование включились 692 комбайновых агрегата. За хорошую работу в 1943 г. Наркомзем наградил 528 механизаторов Курганской области значком «Отличник социалистического сельского хозяйства»¹⁰¹. Передовики использовали довоенные достижения мастеров комбайновой уборки: выгрузку бункеров на ходу, работу на повышенных скоростях, уборку сцепами из двух и трех машин и др.

В заключительный период войны состав кадров механизаторов стабилизировался, они накопили опыт работы, многие прошли обучение на курсах переподготовки. Несколько улучшилось снабжение МТС и совхозов запасными частями, горючим. В этих условиях соревнование комсомольско-молодежных тракторных бригад дало положительные результаты. В 1944 г. в него включились 2607 комсомольско-молодежных тракторных бригад, в 1945 г. — 2686. Работа строилась по принципу фронтовых бригад. В то же время распространилось соревнование за звание «Лучший тракторист», «Отличный бригадир тракторной бригады», «Лучший комбайнер», «Отличный механик МТС». В Башкирии в индивидуальном соревновании участвовало в 1944 г. 4 тыс. механизаторов, в 1945 г. — 5 тыс.; в Челябинской области — соответственно 32 тыс. и 4 тыс.¹⁰². Самоотверженный труд механизаторов в заключительный период войны привел к увеличению объема механизации работ в колхозах.

Широко распространилось на Южном Урале соревнование пахарей-нагорновцев. Инициатор его в Оренбуржье 14-летний колхозник А. Калужный из сельхозартели имени Чапаева Шарлыкского района за 50 дней вспахал 103 га. На подъеме зяби осенью 1942 г. в области соревновалось 22 тыс. молодых пахарей¹⁰³.

В 1943 г., когда Южный Урал подвергся засухе и работа на комбайнах была малоэффективна, значительную роль в уборке урожая сыграло соревнование лобогрейщиков. В Тоцком районе Оренбургской области на 90 лобогрейках было убрано 18,1 тыс. га. Победителем соревнования в 1943 и в 1944 гг. выходил коммунист П. К. Храбрый, инвалид, директор школы в колхозе им. К. Маркса, за два сезона он убрал 1262 га. Многодетная мать Т. Т. Пискунова, вдова, за три страды скосила 975 га¹⁰⁴.

В Башкирии и Удмуртии, в Курганской и Оренбургской областях распространилось движение сноповязальщиц-тысячниц. Работая с утра до позднего вечера, по 5—8 тыс. снопов в день связывала А. Н. Чуева из колхоза «Путь труда» Куяргазинского района Башкирии. Повторить ее рекорды никому не удалось¹⁰⁵.

В заключительный период войны комсомольские организации много сделали по вовлечению в социалистическое соревнование молодежи. Одной из коллективных форм соревнования было движение звеньев высокого урожая. Если в 1943 г. в нем участвовало на Урале 3603 звена, то в 1944 г. — 6183, в 1945 г. — 7455. Многие звенья показали, что там, где прежде высоких урожаев не добивались, возможно получение высоких сборов. Звено Е. Обуховой из колхоза «Равенство» Вавожского района Удмуртии добивалось урожайности 24 ц ржи при плане 10 ц, а звено Л. Петровой из колхоза «Красный воин» Пычасского района — 30 ц с га. Победителем в Башкирии выходило звено Н. Саламатовой из колхоза им. Антонова Альшеевского района. Успешная работа молодежи позволила Башкирскому обкому ВЛКСМ организовать молодежные звенья на семенных участках¹⁰⁶.

В 1944 г. в Свердловской области соревновалось 1015 звеньев, в их составе было 9,3 тыс. молодых колхозников, они обслуживали 11,7 тыс. га посевов. 860 звеньев добились перевыполнения установленного плана урожайности за счет повышения уровня агротехники. В 1945 г. в соревновании участвовало 1530 звеньев, включавших 11,3 тыс. человек. Неоднократно победителем выходило звено Н. М. Константиновой из колхоза «Заря» Ачитского района, оно добилось высокой урожайности — 400 ц га моркови, 800 ц с га капусты. В 1944 г. звено получило переходящее Красное Знамя ЦК ВЛКСМ. Наталья Мироновна Константинова в годы войны была секретарем комсомольской организации колхоза, в марте 1945 г. вступила в ряды ВКП(б). После войны избиралась депутатом райсовета, была членом Ачитского райкома партии, Свердловского обкома КПСС. Награждена орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями¹⁰⁷.

С наибольшим накалом обычно проходило соревнование во время фронтовых недель, декадников, месячников, трудовых вахт, связанных с завершением важнейших работ и в честь побед Красной Армии на фронтах войны. Многообразие форм соревнования позволяло партийным и комсомольским организациям вовлекать в него все слои тружеников села. Учитывая демографическую структуру сельского населения, правомерно ли говорить об эффективности социалистического соревнования в условиях войны? Основную часть трудоспособных составляли женщины и подростки. Обремененные ведением личного хозяйства и заботой о детях (при отсутствии детских дошкольных учреждений), женщины, как и подростки, не имеющие достаточных навыков высокопроизводительного труда, не могли выполнять обязательства социалистического соревнования. Можно лишь утверждать, что все труженики деревни работали с высоким трудовым подъемом. Об этом свидетельствуют

данные годовых отчетов колхозов о средней выработке трудодней на одного колхозника в годы войны¹⁰⁸.

Т а б л и ц а 2.9

Средняя выработка трудодней на одного колхозника

Область, АССР	Мужчины					Женщины				
	1940	1941	1942	1943	1944	1940	1941	1942	1943	1944
Башкирская АССР	344	316	333	319	296	177	186	206	217	205
Пермская обл.	350	317	394	403	461	241	220	317	305	289
Свердловская обл.	364	429	412	414	416	236	242	317	323	342
Удмуртская АССР	356	309	403	362	396	253	254	328	313	334
Оренбургская обл.	403	444	401	390	399	190	185	241	232	237
СССР	—	323	327	338	344	—	188	237	244	252

Среднегодовая выработка трудодней одним трудоспособным (мужчиной и женщиной) выросла повсеместно в регионе в 1944 г. по сравнению с 1940 г.: в Свердловской области на 36,4 % (с 261 до 356 трудодней); в Удмуртии — на 28,5 (с 270 до 347); в Пермской — на 22,9 (с 259 до 318); в Курганской — 21,1 (с 265 до 321); в Оренбургской — на 15,9 (с 233 до 270); в Башкирии — на 6,7 (с 209 до 223). Из приведенных данных видно, что 1) установленный минимум трудодней подавляющим большинством колхозников перевыполнялся в два раза и более; 2) среднегодовая выработка трудодней в колхозах региона была выше, чем в среднем по стране; 3) средняя выработка трудодней трудоспособным мужчиной за годы войны сократилась на 7—8 % по региону, а выработка женщин-колхозниц, наоборот, увеличилась на 10—12 %. Кроме того, средняя выработка трудодней подростками, нетрудоспособными и престарелыми колхозниками в 1943—1945 гг. поднималась до годового минимума взрослых трудоспособных членов сельхозартелей.

За счет увеличения выработки трудодней, особенно женщинами, возмещалась убыль колхозников. В 1943 г. по колхозам Свердловской области было восполнено 63,7 % трудодней (в том числе женщинами — 43,4 %, мужчинами — 5,7, подростками — 13,0 и престарелыми — 1,6 %) ¹⁰⁹.

Связывать это, как утверждали некоторые экономисты и историки, с повышением производительности труда в сельском хозяйстве, неправомерно. Повышение выработки трудодней лишь частично восполняло убыль трудоспособных из деревни. А несовершен-

ство системы начисления трудодней не позволяет точно рассчитать напряженность и интенсивность труда колхозников. Однако факторы увеличения выработанных трудодней бесспорно свидетельствуют о значительной трудовой активности крестьянства региона.

Общее количество трудодней, начисленных в колхозах в годы войны, как видно из таблицы 2.10, уменьшилось, кроме 1942 г. Если выработку трудодней в 1941 г. принять за 100 %, то в 1943 г. она составила 91,8, в 1944 г. — 94,9, в 1945 г. — 83,9 %. В этом отразилась нехватка рабочих рук и сокращение объемов колхозного производства: в 1943 г. уменьшились площади посева и поголовье скота. Крайне неблагоприятными были погодные условия. Сокращение количества начисленных трудодней в заключительный период войны явилось, главным образом, следствием увеличения объемов механизации сельхозработ.

Т а б л и ц а 2.10

Выработка трудодней в колхозах Урала в 1941—1945 гг.
(млн)*

Начислено трудодней	1941	1942	1943	1944	1945
Всего	691,2	720,7	634,3	586,7	579,7
В том числе: мужчинами	230,1	143,9	102,0	97,6	115,8
женщинами	198,1	349,5	315,9	307,2	302,6

* Составлено по: ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3443. Л. 12, 13, 22, 23; Д. 3449. Л. 17, 18, 33, 34; Д. 3456. Л. 29, 30, 37, 38; Д. 3446. Л. 28—30, 32—34, 36—38; Д. 3474. Л. 13—15, 34—36, 38—40.

Доля колхозников, не выработавших минимума трудодней, за годы войны среди трудоспособных мужчин в Пермской области уменьшилась с 1,5 % в 1940 г. до 0,7 % в 1944 г., в Свердловской — с 2,5 до 1,4 %, в то же время в Башкирии их доля увеличилась с 3,8 до 7,1 %, в Удмуртии — с 1,7 до 2,9 %. Удельный вес трудоспособных женщин, не выработавших минимума, за это время уменьшился в Пермской области с 3,3 до 1,7 %, в Удмуртии — с 3,8 до 3,2 %, в Свердловской — с 5,3 до 2,3 %, в Оренбургской — с 17,6 до 11,6 %. Увеличение было лишь по Башкирии — с 14,3 до 17,2 %. В целом количество колхозников Урала, которые не выработывали установленный минимум трудодней, сократилось с 125,6 тыс. чел. в 1942 г. до 113,6 тыс. в 1944 г., в подавляющем большинстве это были женщины. Эти данные свидетельствуют об укреплении трудовой дисциплины, об эффективности принятых мер. Значительная доля среди невыработавших минимума в Башкирии объяснялась большими размерами сельских семей и, следовательно, большой

ванностью в личном хозяйстве, отсутствием достаточного количества детских дошкольных учреждений.

Применение правовых санкций к колхозникам, не вырабатывавших минимум трудодней, на Урале было незначительным. В 1944 г. удельный вес исключенных из сельхозартелей колхозников был высоким в тех районах, где меньше был сам минимум и меньше — количество выбывших (в Пермской области исключено 50 %, в Свердловской — 29 %). И, наоборот, где наблюдалось значительное количество колхозников, нарушивших закон, и был выше минимум, санкции применялись реже (в Башкирии их доля составила только 1,2 %, в Оренбуржье — 2,5 %¹¹⁰). Это связано с тем, что исключение из колхоза фиксировало уже потерянные с ним связи (переезд в город, работа на предприятиях в сельской местности).

Трудовой подъем в заключительный период, вызванный победами советских войск, изменениями в аграрной политике в регионе, позволил ряду сельских районов, областей и республик выходить победителями Всесоюзного социалистического соревнования. По итогам 1945 г. Свердловская и Челябинская области, Удмуртская АССР вышли победителями в стране в соревновании за подъем животноводства, отмечена была также работа сельских тружеников Оренбургской и Пермской областей. По итогам соревнования за получение высокого урожая второе место было присуждено Удмуртской АССР и Челябинской области, отмечена хорошая работа тружеников Пермской и Свердловской областей. Победителями среди районов страны выходили Покровский и Красноуфимский Свердловской области, Нагайбакский Челябинской, Верхне-Мулинский район Пермской областей, Учалинский и Улу-Телякский Башкирской АССР. Неоднократно победителями во Всесоюзном социалистическом соревновании выходили уральские совхозы, добивавшиеся высоких производственных показателей: в 1943 г. — конезавод № 9 Пермской области; в 1944 г. — «Путь Октября», «Красный Октябрь», Магнитный, Уйский Челябинской области; Белозерский, Глубокинский, Каргапольский, Катайский Курганской области; конезаводы № 3, 6, 9, 105 Пермской области; Раевский, «Красная Башкирия», Мясагутовский Башкирской АССР¹¹¹.

Крестьянство Урала, проявив в годы Великой Отечественной войны невиданную трудовую активность, пережив большие бедствия и лишения, выполнило свой патриотический гражданский долг.

§ 4. Заготовки сельскохозяйственной продукции

Трудовое перенапряжение и сокращение материально-технических средств в сельском хозяйстве региона вели к ухудшению куль-

туры земледелия, падению продуктивности полей, сокращению урожайности сельскохозяйственных культур, их валовых сборов. Падение производства продолжалось вплоть до 1944 г. Если валовые сборы 1940 г. принять за 100 %, то сбор зернобобовых в колхозах составил в 1941 г. 89,6 %, в 1942 г. — 46,6, в 1943 г. — 33,8, в 1944 г. — 40,7, в 1945 г. — 49,5. (Из таблицы 2.11 видно, что с 1944 г. валовые сборы стали расти). Падение производства было ощутимым. Если площади под зернобобовыми культурами за годы войны в колхозах сократились на 33,2 %, то их валовые сборы — на 44,8 %. В то же время посевы картофеля и овощей за военный период выросли в колхозах на 3,8 %, валовые сборы картофеля уменьшились на 28,0 %, а овощей — на 12,3. Полная отдача сил сельских тружеников, работа без ограничения времени не могли компенсировать всех разрушительных воздействий войны на сельское хозяйство. Однако спад сельскохозяйственного производства удалось остановить в ходе войны.

Т а б л и ц а 2.11

**Валовая продукция сельского хозяйства
в колхозах и совхозах Урала в 1940—1945 гг.
(тыс. т)***

Вид продукции	Категории хозяйств	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Зернобобовые	колхозы	3314	7448	827	2807	3380	4113
	совхозы	802	793	330	165	240	322
Картофель	колхозы	637	987	1051	683	679	711
	совхозы	67	94	33	32	34	29
Овощи	колхозы	205	236	270	231	404	207
	совхозы	55	68	20	25	23	16
Молоко	колхозы	489	461	457	412	352	358
	совхозы	140	153	97	62	60	63
Шерсть	колхозы	5,3	5,6	5,8	2,7	3,3	3,6
	совхозы	0,9	0,8	1,3	0,5	0,4	0,2

* Составлено по: Арутюнян Ю. В. Указ. соч. С. 421—429; ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 59. Л. 13, 26; Д. 191. Л. 14, 18, 31; Д. 298. Л. 5, 17, 20; Д. 545. Л. 74—76, 86—91; Д. 791. Л. 29—31; Д. 1257. Л. 40—42; ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3443. Л. 111—121; Д. 3444. Л. 75—79, 144, 150, 151; Д. 3450. Л. 22—26, 78—84; Д. 3451. Л. 67—69, 86—88, 138—140; Д. 3457. Л. 132—142, 160—174; Д. 3459. Л. 154—156; Д. 3468. Л. 156—162, 168—170, 188—194, 200—202; Д. 3470. Л. 86—88, 110—116, 139—141; Д. 3475. Л. 87—93, 99—101, 108—114, 120—122; Д. 3477. Л. 94—96, 146—148.

В годы Великой Отечественной войны объем сельскохозяйственной продукции, произведенной на Урале, резко сократился. Данные ЦСУ СССР в пересчете в стоимостном выражении по неиз-

менному курсу цен 1926/27 г. показывают, что валовая продукция сельского хозяйства Урала по всем категориям хозяйств сократилась в 1945 г. по сравнению с 1939 г. на 18,5 %. В большей степени это произошло в колхозах (на 26,5 %), в хозяйствах колхозников (на 26,4 %) и единоличников (на 66,7 %). В то же время данные по совхозам и другим государственным хозяйствам показывают рост на 28,2 %, по хозяйствам рабочих и служащих — на 22,2 %, что не компенсировало, однако, сокращение поступлений продукции из колхозов.

Данные таблицы 2.12 показывают, что доля колхозов среди производителей сельскохозяйственной продукции упала. Этот процесс представляет одну из особенностей сельского хозяйства Урала в условиях войны, и особенно характерен для промышленно развитых областей. Удельный вес колхозов составил среди всех категорий хозяйств Челябинской области 43,7 % (это наблюдается впервые в истории колхозного строя региона), здесь была высокой доля государственных хозяйств (26,3 %), хозяйств рабочих и служащих (20,5 %). Подобное явление наблюдалось и в соседней Свердловской области. Высокой сохранялась доля колхозов в Удмуртской АССР (67,4 %), Башкирии (61,3 %) и Пермской области (60,8 %). Несколько иная картина была в Оренбуржье — доля государственных хозяйств, хозяйств рабочих и служащих, а также и колхозов (в отличие от других районов региона) за годы войны выросла, одновременно резко упал удельный вес личных хозяйств колхозников.

Т а б л и ц а 2.12

Валовая продукция сельского хозяйства Урала
(внутрирегиональный разрез, %)*

Республика, область	1939	1945
Башкирская АССР	25,1	22,3
Курганская обл.	—	10,0
Оренбургская обл.	14,7	17,3
Пермская обл.	13,9	14,6
Свердловская обл.	12,1	15,1
Удмуртская АССР	8,9	9,1
Челябинская обл.	25,3	11,6
Урал	100,0	100,0

* Рассчитано по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 82. Д. 41. Л. 22; Оп. 324. Д. 1492. Л. 26 (данные в административных границах 1939 и 1945 г.).

В целом по региону в условиях войны резко выросла роль хозяйств рабочих и служащих, в последний военный год их доля поднялась до 11 %. Заметно увеличилась доля совхозов и подсобных сельскохозяйственных предприятий среди производителей сельско-

хозяйственной продукции (с 8,5 до 13,4 %). Отрицательное воздействие войны особенно сказалось на крестьянском подворье. Его доля в производстве уменьшилась с 19,8 % до 17,9 % среди всех категорий хозяйств, постепенно сходили на нет и хозяйства единоличников.

Во внутрирегиональном разрезе больше всего сельскохозяйственной продукции производила Башкирская АССР: в 1939 г. на ее долю на Урале приходилось 25,1 %, в 1942 г. — 24,5, в 1945 г. — 22,3. До войны большую часть продукции сельского хозяйства давали южные районы, однако за годы войны их доля уменьшилась. Если в 1939 г. Оренбургская, Челябинская области и Башкирская АССР производили 65,1 % сельскохозяйственной продукции, то в 1945 г. — 61,2 % (включая сюда и Курганскую область). Зерновое хозяйство Южного Урала в наибольшей степени пострадало от сокращения механизации, неблагоприятных условий. В результате, если в Пермской, Свердловской областях и Удмуртии валовое производство сельского хозяйства (в стоимостном выражении) сократилось на 9,5 %, то в южноуральских районах значительно сильнее — на 23,4 %.

Таблица 2.13

**Валовая продукция сельского хозяйства Урала
по всем категориям хозяйств
(в стоимостном выражении, %)***

Республика, область	Год	Гос. хоз-ва	Колхозы	Колхоз- ники	Рабочие и служа- щие	Едино- личники	Все кате- гории
Башкирская АССР	1939	5,4	61,7	27,1	4,8	1,0	100,0
	1945	8,6	61,3	23,4	6,4	0,3	100,0
Курганская обл.	1939						
	1945	13,6	57,4	17,9	10,6	0,5	100,0
Оренбургская обл.	1939	14,5	57,8	21,6	5,8	0,3	100,0
	1945	16,7	59,2	16,7	7,2	0,2	100,0
Пермская обл.	1939	3,3	67,9	21,4	6,6	0,8	100,0
	1945	9,0	60,8	20,6	9,3	0,3	100,0
Свердловская обл.	1939	7,3	61,3	16,5	14,1	0,8	100,0
	1945	15,9	51,4	12,8	19,8	0,1	100,0
Удмуртская АССР	1939	2,7	69,9	23,6	3,1	0,7	100,0
	1945	5,5	67,4	21,7	5,2	0,2	100,0
Челябинская обл.	1939	13,7	65,8	10,8	9,3	0,4	100,0
	1945	26,3	43,7	9,2	20,5	0,3	100,0
Урал	1939	8,5	63,7	19,8	7,3	0,7	100,0
	1945	13,4	57,5	17,9	10,9	0,3	100,0

* Составлено по тем же материалам, что и таблица 2.12.

Снижение уровня сельскохозяйственного производства осложнило выполнение планов заготовок. Заготовки сельскохозяйственных продуктов — это покупка продуктов государственными и кооп-

перативными организациями непосредственно у производителей: совхозов, колхозов, колхозников, крестьян-единоличников. Заготовки являлись одной из форм товарооборота и основной формой реализации товарной продукции сельского хозяйства. Л. А. Гордон и Э. В. Клопов верно отмечают, что обычно применяющийся термин «товарная продукция» не очень подходит. «Никаких признаков товарности в госпоставках не было, и означали они, по существу, внеэкономическое изъятие части продукции для снабжения городов, армии, создания государственных резервов и т. п.»¹¹². Заготовки производились по номинальным, крайне низким ценам: 7—8 коп. за 1 кг зерна, 3 коп. за 1 кг картофеля, 41—53 руб. за голову крупного рогатого скота, 32—48 рублей за свиную голову и 8—11 руб. за голову овцы или козы¹¹³. Они не приносили дохода колхозам, не оправдывали затрат на производство продукции, были значительно ниже ее себестоимости.

Заготовки делились на две группы: централизованные и децентрализованные. Централизованные заготовки сельскохозяйственных продуктов проводились по государственному плану и образовывали государственные централизованные ресурсы продовольствия и сырья. Они включали сдачу продукции совхозами, натуральную оплату за работы МТС, обязательные поставки, контрактационные заготовки, государственные закупки. Сдача продукции государству для совхозов была единственной формой заготовок. Обязательные поставки являлись основной формой заготовки большинства сельхозпродуктов у колхозов, колхозников и крестьян-единоличников. Их отличительным признаком являлась обязательность для хозяйства, имевшая силу и характер налога. Госзакуп проводился у колхозов, колхозников и единоличников только после выполнения ими обязательных поставок государству и по более высоким ценам по сравнению с ценами обязательных поставок. Контрактационные заготовки проводились на основе договоров контрактации, заключаемых государством с отдельными хозяйствами. Децентрализованные заготовки сельхозпродуктов проводились торгующими организациями и организациями общественного питания у колхозов и крестьян-единоличников по ценам, установленным уполномоченными Наркомата заготовок СССР. Обязательными для колхозов стала сдача продукции в фонд обороны и в хлебный фонд РККА.

Основная часть заготавливаемого картофеля, овощей, молока, шерсти приходилась на обязательные поставки. Что же касается зернобобовых, то их значительное количество поступало в счет натуральной оплаты за работу МТС, возврата семенных и фуражных ссуд. За 1941—1945 гг. 50,1 % заготовленного в колхозах региона зерна приходилось на обязательные поставки, 37,3 % — на оплату работы МТС, 6,7 % — на возврат семенных и фуражных

ссуд, 5,0 % — сдача в фонд обороны, в хлебный фонд Красной Армии.

Накануне и в первые годы войны ассортимент сдаваемой по обязательным поставкам сельхозпродукции значительно расширился. К сдаваемым ранее зерну, мясу, молоку, шерсти, картофелю добавились яйцо, брынза-сыр, кожаное сырье, сено, махорка, табак, семена масличных культур, а также овощные культуры (капуста, лук, морковь, свекла, помидоры, огурцы)¹¹⁴.

Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 7 апреля 1940 г. «Изменения в политике заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов» был внедрен иной принцип обязательных поставок колхозами продукции полеводства не с плана их посева, а с каждого гектара пашни, закрепленной за сельхозартелью. В размер пашни включалась и подлежащая освоению земля. Изменился и порядок заготовок продукции животноводства. Они начислялись не с численности колхозного стада, а с каждого гектара земельной площади, закрепленной за колхозом¹¹⁵. Новый принцип должен был заинтересовать колхозы в расширении посевов и увеличении общественного поголовья скота. Но в годы войны колхозы, испытывая острую нехватку рабочих рук, тягла и дефицит средств механизации работ, не могли справиться и с расширением посевов, и с увеличением стада животных, что и вело к передаче государству большей части производимой продукции. Это происходило за счет уменьшения семенных, фуражных, продовольственных фондов, сокращения колхозного поголовья скота.

Натуральная оплата колхозов за работы МТС начислялась в зависимости от размеров урожайности, которые устанавливались для районов. Контрольным методом определения урожайности являлось выборочное взятие проб в момент спелости. Пробы брались с площади в один квадратный метр при помощи рам «метровок». По зерновым культурам при посеве до 30 га бралось 200 проб, от 30 до 100 га — 300 проб, свыше 100 га — 400 проб. Все пробы отбирались механически через определенные интервалы. Метровки накладывались на посев, далее срезались все попавшие в просвет рамы растения, затем они просушивались, тщательно обмолачивались или вышелушивались вручную все зерна. Исходя из количества полученного зерна и числа взятых проб исчислялась урожайность на 1 га. Полученные таким методом данные шли в дальнейшие расчеты. Урожайность бралась не фактическая, а биологическая. Она не учитывала потерь на уборке урожая и транспортировке. Во военные годы биологическая урожайность значительно превышала фактическую, нормы поставок оказывались завышенными. Так, видовая урожайность зерновых в колхозах Челябинской области (по данным ЦСУ СССР) в 1941 г. была определена в 9,4 ц с га, а фактическая, амбарная (по данным годовых от-

четов колхозов) составляла всего 6,0 ц с га, в 1942 г. — соответственно — 5,6 и 2,2; в 1943 г. — 6,0 и 2,9; в 1944 г. — 5,2 и 4,2; в 1945 г. — 8,3 и 7,0. При существовавших нормах поставок в Кизильском районе должны были сдавать в среднем с 1 га установленной посевной площади до 1945 г. по 7,4 ц зерна, в Брединском — по 7,7 ц, в колхозе «Всходы» этого района — по 11,5 ц, колхозе имени Димитрова Полтавского района — по 11,7 ц. В 1945 г. обком партии вынужден был обратиться в ЦК ВКП(б) с просьбой помочь колхозам, уменьшить на 320 тыс. га земли, облагаемые по зерну, и на 650 тыс. га земли, облагаемые по продуктам животноводства, так как эти земли вышли из оборота, не использовались¹¹⁶.

В июле 1942 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О создании из урожая 1942 г. хлебного фонда Красной Армии» колхозы обязывались сдавать зерновые в обязательном порядке¹¹⁷. Поставки зерна в этот фонд в какой-то степени компенсировали сокращения по другим источникам поступлений хлеба.

Обязательные поставки зернобобовых выполняли колхозники, рабочие и служащие, единоличники, имевшие посевы. В 1945 г. к выполнению поставок хлеба были привлечены 44768 хозяйств колхозников Оренбургской и Пермской областей, Башкирской АССР и 447 хозяйств единоличников в Оренбургской и Свердловской областях и Башкирской АССР¹¹⁸.

В начале 1942 г. нормы поставок колхозами, колхозными дворами, хозяйствами рабочих, служащих и единоличников по мясу, картофелю, сену и другие виды продукции были увеличены. В 1941 г. в Пермской области на 30 % стали выше нормы поставок сена, в 1942 г. поставки картофеля по Свердловской области были увеличены на четверть¹¹⁹.

Подсобные хозяйства, индивидуальные огороды были существенным подспорьем для колхозников, рабочих и служащих. Но и они давали государству сельскохозяйственную продукцию. Как мы уже отмечали, в июне 1943 г. СНК СССР принял решение об освобождении от обложения сельскохозяйственным налогом доходов рабочих и служащих, получаемых ими с земельных участков, выделенных под коллективные и индивидуальные огороды. Но обязательные поставки государству они выполняли. На Урале в 1945 г. посевы имели 1262,7 тыс. хозяйств колхозников (98,3 % от всех учтенных хозяйств колхозников), 515,5 тыс. хозяйств рабочих и служащих сельской местности (95,5 %), 2151,5 тыс. хозяйств рабочих и служащих городской местности, 20,3 тыс. хозяйств единоличников (94,9 %)¹²⁰.

Следует отметить, что значительное число хозяйств было освобождено от поставок государству мяса, молока, кожсырья, шерсти, яиц, брынзы. В 1945 г. от поставок были освобождены на Урале

770 288 хозяйств, из них 162 639 хозяйств престарелых, 21 573 — сельских специалистов, 4889 — руководящих работников (по утвержденному списку, но не более 30 хозяйств в районе), 469 464 — жеп красноармейцев и краснофлотцев с детьми до 7-летнего возраста, 40 574 — госпенсионеров и инвалидов I и II групп, 71 149 — прочих. Из освобожденных от обязательных поставок хозяйства колхозников составляли 561 184, рабочих и служащих — 198 364, единоличников — 10 740. Число хозяйств, которые должны были выполнять поставки молока в 1945 г., составляло 565 182, из них 485 071 — хозяйства колхозников, 79 173 — рабочих и служащих и 938 — единоличников¹²¹.

В ноябре 1942 г. СНК СССР принял постановление «Об ответственности за невыполнение обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству колхозными дворами и единоличными хозяйствами», утвердил инструкцию о порядке применения этого постановления¹²². В нем предусматривалось, что в случае невыполнения в срок колхозными дворами, единоличниками и хозяйствами отдельных граждан обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству народный суд, по заявлению районного уполномоченного Наркомата заготовок СССР, налагает на недоимщиков штраф в размере двухкратной стоимости несданных в срок продуктов, исчисленной по рыночной цене. Неоднократное невыполнение обязательных поставок вело к привлечению к уголовной ответственности. В инструкции пояснялось, что взыскание недоимок и штрафов не может быть обращено на следующее имущество недоимщиков: а) жилой дом; б) одежду, белье, постельные принадлежности, кухонную утварь, кровати, столы, стулья, сундуки, лампы, служащие для личного пользования должника и его семьи, на все детские принадлежности; в) инструмент; г) средства, получаемые по социальному обеспечению; а также на пособия по многодетности. И колхозы, и колхозники были зажаты в тиски обязательного обложения, выйти из которых не было никакой возможности.

В Пермской области поставками были обложены в 1944 г. 92,7 тыс. хозяйств, к недоимщикам были приняты следующие меры¹²³:

	По мясу	По моло- ку	По яйцу	По брын- зе	По шер- сти	По кож- сырю
Количество хозяйств, не приступивших к сдаче	1220	864	1515	1987	936	435
Им вручено предупредительных извещений	9170	8012	6261	2024	3121	1498
Произведено бесспорных изъятий	2758	—	—	—	—	—
Рассмотрено судом	1149	1222	1066	344	382	207
Осуждено	983	1058	872	294	336	178
Взыскано	897	905	760	267	324	172

Количество недоимщиков в области по мясوپоставкам составляло в 1943 г. 3426 хозяйств, в 1944 г. — 2467. Не могли рассчитаться в основном те хозяйства, которые не имели в личном пользовании скота и имущества, подлежащего описи. По молокопоставкам недоимщиками в конце 1943 г. были 3408 дворов и 1582 колхозов, в 1944 г. — соответственно 3125 и 1418. Размер недоимок составлял за 1943 г. 111 007 гектолитров, в 1944 г. — 81 007. В районах Пермской области яйценоскость кур колебалась от 15 до 25 штук на несушку в месяц, в то время как для выполнения плана следовало заготавливать до 40 яиц от каждой курицы. Для ликвидации отставания несданная часть яиц заменялась другими продуктами. Замена составляла до 30 % к общему поступлению. Количество недоимщиков по шерстепоставкам в 1943 г. составляло среди колхозов 823, среди хозяйств населения — 2997, в 1944 г. — 640 и 2024. Недоимки оставались за теми колхозами и хозяйствами населения, в которых не было продуктов-заменителей¹²⁴.

При высоких планах заготовок и низких заготовительных ценах заготовки сельскохозяйственных продуктов проходили с большим напряжением. Срыв заготовок рассматривался как преступление. На сессии Свердловского облсовета председатель исполкома В. И. Недосекин в апреле 1943 г. прямо сказал: «Вот одного, который делает 2 %, поставить к стенке — расстрелять, и тогда другие будут знать»¹²⁵. Однако подавляющая часть колхозников не могла выполнять обязательные поставки. Как отмечалось в записке из Пермской области о поставках продуктов животноводства за 1944 г., число колхозников, не рассчитавшихся с государством, возросло за год с 700 до 768. Многие колхозы имели настолько незначительное количество скота, при котором погашение недоимок возможно было только путем полной ликвидации животноводческих ферм или сдачи большей части маточного поголовья. Рост недоимок по молокопоставкам был вызван тем, что к моменту перехода на погектарное исчисление поставок свыше 1500 колхозов не имели даже минимума коров на фермах, а в годы войны маточное поголовье сократилось. Норма сдачи молока в Пермской области колхозами была самой большой — 15,5 л, в Свердловской она составляла — 15,4 л, в Удмуртии — 10 л, в Курганской — 9,1 л, в Челябинской — 6,8 л, в Башкирии — 6,2 л, в Оренбургской области — 4,8 л¹²⁶.

С высокими нормами поставок сельскохозяйственной продукции колхозы не справлялись. Данные по Челябинской области позво-

ляют наглядно в этом убедиться. Число колхозов по области, которые выполняли план сдачи и их удельный вес (в %) ¹²⁷.

Т а б л и ц а 2.14

**Выполнение плана колхозами Челябинской области
и их удельный вес**

Вид продукции	1942		1943		1944		1945	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Зерно	29	3,4	77	9,0	67	7,6	280	31,9
Мясо	590	69,7	347	40,3	437	49,3	662	75,1
Молоко	103	12,2	123	14,3	459	52,2	551	62,7
Картофель	96	11,3	170	19,7	192	21,8	191	21,7
Овощи	79	9,3	117	13,6	137	15,6	76	8,6
Яйца	81	9,6	144	16,7	177	20,1	424	48,2
Шерсть	280	33,0	155	18,1	219	24,9	580	65,8
Кожсырье	138	16,3	224	26,0	307	35,0	352	40,0
Брынза	255	30,1	188	21,8	358	40,7	374	42,6
Сено	218	25,8	224	26,0	295	33,5	288	32,8
Зерно, мясо, карто- фель	20	2,3	13	1,5	29	3,3	73	8,3
Мясо, молоко, яйца и шерсть	11	1,3	25	3,0	47	5,3	164	18,6
Все виды поставок	3	0,3	7	0,8	10	1,1	17	1,9
Число колхозов, вошед- ших в разработку	847	100,0	860	100,0	880	100,0	879	100,0
Всего колхозов в об- ласти	882		881		880		879	

Как видно, подавляющая часть сельхозартелей поставки продукции срывала. Относительно лучше обстояло дело с поставками мяса и молока. В заключительный период войны число колхозов, выполняющих плановую сдачу, заметно выросло. Это было связано не только с улучшением дел в сельском хозяйстве, но и с уменьшением норм поставок. В 1943 г. с 1 га пашни взималось по области 3,5 гг мяса, в 1944 г. — 2 кг, в 1945 г. — 1,6¹²⁸. Все виды поставок выполняли очень немногие хозяйства. За годы войны в области только 2 колхоза справлялись с планами сдачи всех видов поставок, поставки зерна выполняли 10 колхозов, мяса — 105, молока — 15, картофеля — 5, овощей — 24, шерсти — 55.

Учитывая то, что колхозы Челябинской области фактически осваивали только половину пахотной земли, количество изъятого хлеба с гектара было высоким и колебалось в пределах 3,1—3,8 ц, а в отдельных районах доходило до 8—10 ц. Из-за низкой урожайности и высокой нормы сдачи колхозы, чтобы выполнить «первую заповедь», вынуждены были сдавать семенное зерно, резко сокращать распределение хлеба на трудодни, сводить до минимума фуражные фонды.

Вот типичная картина распределения зерна в хозяйствах — на примере зернового баланса колхозов Башкирии в годы войны¹²⁹:

	1941		1942		1943		1944	
	тыс. ц	0/0	тыс. ц	0/0	тыс. ц	0/0	тыс. ц	0/0
Поставки всех видов	8890,3	42,7	4127,0	51,1	3428,0	48,5	3474,6	53,2
Семенной фонд	3528,0	16,8	2041,3	25,4	1736,0	27,0	1523,7	23,8
Фуражный фонд	3053,0	14,6	559,9	6,9	212,7	3,2	188,9	2,9
Общественный фонд	442,9	2,3	96,6	1,1	44,0	0,7	32,0	0,5
На трудодни	4047,3	19,2	611,7	7,7	602,8	9,3	621,8	12,0
Хозяйственный расход	156,4	0,7	93,1	1,2	112,1	1,7	119,1	1,8
Продажа на рынке	139,8	0,6	47,8	0,6	16,9	0,3	15,2	0,4
Прочее	648,5	3,1	463,2	6,1	304,8	9,3	365,4	5,4

Как видно из приведенных материалов, в абсолютных величинах снизились все виды статей расхода полученного зерна. Особо это коснулось фуражного фонда (сократился в 16,2 раза), общественного (в 13,8 раза), продажи на рынке (в 9,2 раза) и выдачи на трудодни (в 6,5 раза). Выросла доля только двух статей — поставок (с 42,7 до 53,2 %) и семенного фонда (с 16,8 до 27,0 % в 1943 г. и до 23,8 % в 1944 г.), доля других расходов уменьшилась, и особенно резко: выдача на трудодни (с 19,2 до 7—12 %) и фуражный фонд (с 14,6 до 2,9 %). Стремление всеми силами помочь фронту, подкрепленное мощным налоговым прессом, заставляло колхозников больше половины зерна передавать государству. Неуклонно рос и удельный вес сдачи животноводческой продукции. Молока было сдано в 1941 г. 69,0 % от полученного, в 1942 г. — 58,0, в 1943 г. — 58,0, в 1944 г. — 58,0 %; масла — соответственно 52,0; 66,1; 63,0; 74,0 %; шерсти — 43,8; 63,8; 74,6; 73,7 %; яиц — 72,1; 78,3; 82,4; 79,5 %. И несмотря на это, колхозы постоянно оставались должниками, недоимки росли из года в год.

Только в 1945 г. правительство решилось списать с колхозов Урала недоимки прошлых лет по зернобобовым в размере 11,6 млн. ц, в том числе по Башкирии — 4,2 млн, по Оренбургской области — 3,2 млн, по Челябинской — 1,42 млн, по Пермской — 0,92 млн, по Курганской — 0,91 млн, по Удмуртии — 0,75 млн, по Свердловской области — 0,2 млн¹³⁰. Это несколько снизило напряженность при заготовках и позволило, как мы отмечали, ряду областей и районов Урала выйти даже в число победителей соревнования по результатам 1945 г.

Анализ данных таблицы 2.15 показывает, что заготовки зернобобовых по всем категориям хозяйств в годы войны сократились. Если заготовки зерна в 1941 г. принять за 100 %, то в 1942 г. они составляли в колхозах 55,1 %; в 1943 г. — 41,4 %; то в 1944 г. — 51,3; в 1945 г. — 62,0; заготовки картофеля выросли в 1942 г. по сравнению с 1941 г. на 133,4 %, а затем уменьшились: в 1943 г. до 88,3 %, в 1944 г. — до 86,6; в 1945 г. — до 85,6; то же происходило с заготовками молока — в 1942 г. — до 115,1 % от 1941 г.; в 1943 г. — до 100,6; в 1944 г. — до 82,4; в 1945 г. — до 73,9. Значительно выросли заготовки овощных культур — в 1942 г. в три раза по сравнению с 1941 г., в 1943 г. — в 2,5; в 1944 г. — в 2,2; в 1945 г. — в 2,1 раза.

Т а б л и ц а 2.15

Заготовки и закупки продукции сельского хозяйства
в колхозах и совхозах Урала в 1941—1945 гг.
(тыс. т)*

Вид продукции	Категории хозяйств	1941	1942	1943	1944	1945
Зерновые	колхозы	3377,2	1861,3	1399,4	1732,9	2092,9
	совхозы	362,1	230,0	81,5	155,2	202,7
Картофель	колхозы	277,4	370,2	244,9	240,1	237,5
	совхозы	11,8	нет сведений			
Овощи	колхозы	65,7	195,1	165,7	141,4	138,5
	совхозы	нет сведений				
Молоко	колхозы	244,5	281,4	245,9	201,4	180,7
	совхозы	106,2	76,5	45,9	46,1	

* Составлено по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 59. Л. 13, 26; Д. 298. Л. 5, 17, 20; Д. 545. Л. 74—76, 86—91; Д. 791. Л. 29—31; Д. 1257. Л. 26—28, 40—42; ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3443. Л. 31—35, 108—109, 111—112, 117—118, 120—121; Д. 3444. Л. 75—76, 117—118; Д. 3450. Л. 18—20, 22—24, 26—28, 72—74, 76—78; Д. 3451. Л. 67—69, 90—92; Д. 3457. Л. 15—17, 132—134, 136—138, 140—142, 160—162, 164—166; Д. 3469. Л. 110—112, 138—140; Д. 3468. Л. 17—19, 21—23, 156—158, 160—162, 188—190, 192—194; Д. 3470. Л. 110—112, 114—116, 139—141; Д. 3475. Л. 54—56, 58—60, 87—89, 91—93, 108—110, 112—114; Д. 3477. Л. 118—120, 122—124, 146—148.

При общем сокращении производства зерна в колхозах колхозники стремились обеспечить армию и население. Они вынуждены были сокращать расходы на производственные нужды, продажу на рынках, а также уменьшать фонды потребления. Годовые отчеты

колхозов Урала показывают статьи расхода зернобобовых культур (в % к валовому сбору):

	1941	1942	1943	1944	1945
Обязательные поставки	21,2	22,6	27,3	26,0	28,1
Натурплата МТС	21,1	19,6	14,6	15,9	15,2
Возврат ссуд	2,4	1,8	1,9	5,8	5,0
В фонд обороны	0,1	0,2	0,1	0,06	0,05
В хлебный фонд РККА	—	4,0	5,4	3,1	2,1
Продано заготовителям	0,2	0,08	0,3	0,2	0,2
Продано на колхозном рынке	0,3	0,4	0,2	0,2	0,3
В помощь инвалидам, сиротам	0,9	0,7	0,5	0,4	0,5
Выдано на трудодни	14,4	8,9	9,3	10,5	12,1
Прочие	39,4	41,7	40,4	37,8	36,4

В 1941 г. колхозы региона сдали государству 44,8 % от валового сбора зерна; в 1942 г. — 48,2; в 1943 г. — 49,3; в 1944 г. — 50,9; в 1945 г. — 50,5, т. е. к концу войны половина собранного хлеба шла государству, ведущему войну. Распределение по трудодням в первый период войны значительно сократилось, затем постепенно росло, но было значительно меньше, чем до войны (в 1941 г. колхозники распределили 10 707,7 тыс. ц зерна по трудодням (100 %); в 1942 г. — 3403,9 тыс. (31,8 %); в 1943 г. — 2609,0 тыс. (24,4 %)). Продажа зерна госзаготовителям, кооперации и на колхозном рынке не превышала 0,5 % от валового сбора.

Подобная картина была с распределением урожая картофеля: одну треть его валового сбора колхозы сдавали государству, 3—5 % продавали на рынке, госзаготовителям и кооперации и только 6—11 % собранного картофеля распределялось по трудодням.

Большая часть полученного молока также сдавалась государству: в 1941 г. — 52,9 %, в 1942 г. — 57,2; в 1943 г. — 56,3; в 1944 г. — 54,2; в 1945 г. — 47,2 %. Колхозы Урала передавали по обязательным поставкам 65—70 % яиц. Иная картина наблюдалась с реализацией мяса и сала (в % к валу):

	1942	1943	1944	1945
Обязательные поставки	2,7	8,8	8,3	3,7
Продано заготовителям	3,0	2,9	2,9	2,1
Продано на колхозном рынке	75,9	45,3	43,5	35,7
Выдано на трудодни	1,0	1,4	2,2	3,2

Значительная часть полученного мяса и сала шла на продажу на колхозном рынке, как мы отмечали, что составляло часть де-

нежных доходов колхозов. Большое количество скота сдавалось колхозами государству по обязательным поставкам, часть продавалась (в тыс. голов):¹³¹

	1941	1942	1943	1944	1945
Крупный рогатый скот					
сдано государству	200,9	376,2	568,1	386,8	316,7
продано госзаготовителям	29,9	13,7	42,9	37,0	36,7
продано на колхозном рынке	39,8	11,9	10,6	10,6	10,9
продано колхозникам	1,8	9,7	28,4	9,2	13,3
Свиньи					
сдано государству	252,2	359,3	327,6	114,2	91,9
продано госзаготовителям	25,4	25,9	22,2	13,0	7,4
продано на колхозном рынке	207,7	139,8	101,4	48,0	70,9
продано колхозникам	280,8	334,6	254,4	133,8	203,9
Овцы и козы					
сдано государству	249,0	621,5	1024,5	708,0	686,2
продано госзаготовителям	46,7	27,7	95,4	46,5	54,9
продано на колхозном рынке	65,9	27,4	25,9	28,5	92,1
продано колхозникам	65,5	38,9	38,4	38,5	28,8
Птицы всякой					
сдано государству	234,0	265,2	236,1	107,0	127,7
продано госзаготовителям	75,0	26,2	10,5	3,9	5,0
продано на колхозном рынке	150,4	74,6	48,3	30,5	39,6
продано колхозникам	113,0	174,9	142,7	72,6	113,0

За годы войны колхозы Урала поставили государству 1848,7 тыс. голов крупного рогатого скота, 1145,2 тыс. свиней, 3289,2 тыс. овец и коз, 970 тыс. голов птицы. Часть скота продавалась колхозникам для ведения личного хозяйства. Продажа скота на колхозном рынке была основным источником денежных поступлений (она давала до 60 % всех денежных доходов от реализации скота). Обязательные поставки крупного рогатого скота выросли за военные годы до 40 % от всего поголовья, свиней — до 50 %, овец и коз — до 48 %, птицы — до 17 %. Это существенным образом сказывалось на развитии общественного животноводства.

Возросла за годы войны и доля зерна, сдаваемого государству совхозами Урала. В 1941 г. совхозы поставили 46,5 % собранного хлеба, в 1942 г. — 69,7, в 1943 г. — 50,3, в 1944 г. — 64,8, в 1945 г. — 63,7. Особенно высоки были поставки зерновых совхозов Южного Урала (достигали 77—80 % от валового сбора). Следует отметить, что в годы войны значительно увеличились потери зерна (разница между фактически сданным и зачтенным). Из-за повышенной влажности зерна потери ежегодно составляли 7—10 % от сданного количества¹³².

Несмотря на сокращение поголовья скота в совхозах, планы по сдаче государству мяса на протяжении войны в основном вы-

полняли. Совхозы Челябинской области планы по сдаче мяса в 1941 г. выполнили на 98,5 %, в 1942 г. — на 117,3, в 1943 г. — на 105,6, в 1944 г. — на 111,6. Совхозы Курганского зерноживотреста в 1943 г. выполнили план по мясосдаче на 133,6 %, в 1944 г. — на 110,0 %. Совхозы Оренбургской области в 1945 г. реализовали план по мясу на 186, по молоку — на 112, по шерсти — на 106 %¹³³. В годы войны выросла доля сдачи государству молока: в 1940 г. она составляла 67,2 % от полученного, в 1941 г. — 69,5, в 1942 г. — 78,8, в 1943 г. — 75,9, в 1944 г. — 76,4 %. Увеличение поставок в совхозах, также как и в колхозах, шло за счет сокращения внутрихозяйственного потребления.

Война нанесла колоссальный ущерб сельскому хозяйству Урала. Значительно сократился объем сельскохозяйственных работ, ухудшилась агротехника, уменьшились посевные площади и поголовье скота, снизилась урожайность и валовые сборы в земледелии, продуктивность скота и производство животноводческой продукции. Проведенный анализ показывает, что ни 1942, ни 1943 годы, как это было в других отраслях народного хозяйства, не стали для сельского хозяйства переломными, более того, такого катастрофического падения производства в деревне не помнили. В годы войны, как и прежде, сельское хозяйство занимало подчиненное положение в экономике, общее улучшение работы тыла затронуло его в последнюю очередь.

Сохраняя основные методы руководства сельским хозяйством, лишь частично приспособлявая их к новым условиям, сталинская командно-административная система вынуждена была изменить аграрную политику в регионе. Целью реформационных изменений, предпринятых в 1944—1945 гг., было вывести уральскую деревню из катастрофического положения. Списание непомерных задолженностей с колхозов, сокращение норм поставок, улучшение материально-технического снабжения и другие меры дали заметные результаты сельскохозяйственного производства в регионе.

Однако, несмотря на некоторый подъем сельского хозяйства, к концу войны колхозы и совхозы региона подошли до крайней степени ослабленными и обесиленными — с разрушенными производительными силами, запущенной землей, отброшенным на десятки лет назад животноводством. Утверждения Сталина, что колхозы и совхозы с честью выдержали испытания и вышли из войны окрепшими¹³⁴, были очередной пропагандистской уловкой и очередным обманом.

Этого не могло произойти, так как сельскохозяйственное производство не развивалось не только по закону расширенного воспроизводства — не было даже простого воспроизводства, поскольку большая часть произведенной продукции у деревни забиралась.

Деревня работала на износ в условиях войны. Нужны были радикальные изменения в рамках колхозного строя. Но пойти на это сталинщина не хотела, да и не могла, иначе необходимо было изменить самой себе. Отсюда во время войны и после деревня шла медленно, но неуклонно к самоликвидации.

В годы Великой Отечественной войны Урал, как известно, произвел значительную часть военной продукции. Однако уральцы давали стране не только танки, орудия и боеприпасы, но и хлеб, другие сельскохозяйственные продукты. Ценой величайшего самопожертвования, труда на пределе человеческих возможностей колхозники Урала дали стране 10 463,7 тыс. т зерна, 1370,1 тыс. т картофеля, 706,4 тыс. т овощей, 1153,9 тыс. т молока. Уральские совхозы поставили 1031,5 тыс. т зерновых, 274,7 тыс. т молока и другой сельскохозяйственной продукции. Доля региона в заготовках сельскохозяйственных продуктов за годы войны выросла. Если в 1938—1940 гг. удельный вес Урала в заготовках зерна по стране составлял 11,8 %, то в 1941—1945 гг. — 12,3 % (в 1941 г. — 14,7, в 1942 г. — 15,1, в 1943 г. — 13,0, в 1944 г. — 8,6, в 1945 г. — 10,9)¹³⁵. Урал в годы войны был важной продовольственной базой страны.

ГЛАВА 3

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ

§ 1. Деятельность партийных и общественных организаций деревни, сельские Советы

В годы Великой Отечественной войны в стране функционировала система партийно-государственного управления, которая руководила всеми социально-экономическими и общественно-политическими процессами. Общественно-политическая жизнь проходила в строго регламентированных рамках, контролируемых партийными комитетами через партийные, комсомольские, профсоюзные организации деревни, сельские Советы. По сталинской теории они были «приводными ремнями», связывающими партию с массами. На активизацию работы в помощь фронту была направлена деятельность всех общественных организаций.

Программа ведения освободительной войны против немецко-фашистских оккупантов была изложена в директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых районов от 29 июня 1941 г.¹ В ней ставилась задача перестройки всей жизни страны на военный лад. От общественно-политических организаций и государственных органов требовалась напряженная работа по мобилизации всех сил и средств в помощь Красной Армии. Партия выдвинула лозунг — «Все для фронта, все для победы!».

В предвоенные годы, особенно после XVIII съезда ВКП(б) шел форсированный рост местных партийных организаций. С конца 1936 г. по май 1941 г. на Урале в члены партии было принято 70 073 человека, из них 23,2 % до XVIII съезда и 76,8 % — после съезда; в кандидаты в члены партии — соответственно 111 794 (до съезда 32,2 % и после — 67,8 %). На 1 января 1937 г. в областных партийных организациях Урала было 85 998 членов и 37 149 кандидатов в члены ВКП(б), к 1 января 1938 г. их число в результате, главным образом, репрессий сократилось до 80 189 членов (на 6,8 %) и 36 779 кандидатов (на 1 %). Затем наблюдалось резкое

увеличение. К началу 1941 г. число коммунистов на Урале выросло по отношению к 1937 г. на 72 %, а к 1938 г. — на 81 %. Среди принятых в партию работавшие на селе составляли 41,5 %, а среди кандидатов в члены партии — 45,4 %. Эти данные свидетельствуют о том, что обновление состава местных партийных организаций почти наполовину шло за счет сельских тружеников. Новый состав коммунистов и был опорой сталинщины.

Сельские партийные организации Урала в 1940 г. действовали во всех совхозах и МТС, в каждом шестом колхозе (по стране — в каждом седьмом). Динамика численности сельских коммунистов Урала в годы Великой Отечественной войны и их распределение по партийным организациям отражены в таблице 3.1.

Т а б л и ц а 3.1.

**Количество партийных организаций
и численность коммунистов
в уральской деревне
в годы Великой Отечественной войны
(на начало года)***

	1941	1942	1943	1944	1945	1946
Колхозы	2778** 19453	1840 11142	2197 11476	2210 12605	2350 14163	3047 25426
Территориальные организации	2513 20615	2310 18152	2545 18396	2801 21417	2967 24857	3222 41260
МТС и МТМ	654 7858	625 4968	652 6498	643 5819	653 7744	682 10589
Совхозы	341 7749	315 4642	320 5265	342 5337	310 4921	325 6956
Учреждения сельских райцентров	1935 19119	1597 16120	1606 15346	1651 16570	1703 17061	1784 22208
Всего	8221 74794	6687 55024	7320 56981	7647 61748	7983 68746	9060 106439

* Таблица составлена по: ПАБО. Ф. 122. Оп. 21. Д. 285. Л. 1; Оп. 22. Д. 286. Л. 1; Оп. 23. Д. 343. Л. 1; Оп. 24. Д. 400. Л. 1; Оп. 25. Д. 339. Л. 1; Оп. 26. Д. 344. Л. 1; ПАКО. Ф. 166. Оп. 14. Д. 44. Л. 1; Д. 66. Л. 1; Оп. 41. Д. 35. Л. 1; ПАОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 557. Л. 31, 33; Оп. 6. Д. 487. Л. 35; Оп. 7. Д. 4. Л. 54, 108; Д. 5. Л. 90; Д. 6. Л. 76; Д. 7. Л. 69; Д. 8. Л. 70; ПАСО. Ф. 4. Оп. 69. Д. 486. Л. 3, 9, 15, 21, 27, 33; ПАУО. Ф. 16. Оп. 21. Д. 147. Л. 2; Оп. 22. Д. 257. Л. 1; Оп. 23. Д. 233. Л. 1; Оп. 24. Д. 209. Л. 1; Оп. 25. Д. 216. Л. 1; Оп. 26. Д. 22. Л. 1; ПАЧО. Ф. 288. Оп. 15. Д. 192. Л. 1; Оп. 25. Д. 216. Л. 1; Оп. 26. Д. 22. Л. 1; ПАЧО. Ф. 288. Оп. 15. Д. 192. Л. 1; Д. 296. Л. 1; Д. 562. Л. 1; Д. 669. Л. 1; Д. 775. Л. 1; Пермская областная организация КПСС цифрах. 1917—1973. Пермь, 1974. С. 138; Общественно-политическая жизнь уральской деревни. Свердловск, 1985. С. 74—76.

** В числителе — число первичных организаций, в знаменателе — количество коммунистов в них.

С начала войны добровольно и по мобилизации в армию ушла значительная часть коммунистов. Только за первые полгода войны число коммунистов в уральской деревне сократилось на 26,5 %, а партийных организаций — на 18,7 %. Количество колхозных партийных организаций сократилось на 33,8 %. К началу 1942 г. на 9—10 колхозов действовала одна парторганизация. В целом ряде районов Урала их вообще не осталось.

В одной колхозной организации до войны насчитывалось в среднем 7 коммунистов, в парторганизации МТС — 12, в совхозной — 23. До 10 коммунистов имели в Челябинской области 85,0 % колхозных парторганизаций, 25,9 % совхозных, 43,6 % парторганизаций МТС³.

В одной территориальной парторганизации как до войны, так и к началу 1942 г. насчитывалось в среднем 8 коммунистов, в колхозных через первые полгода войны — 6, в совхозных — 15, в парторганизациях МТС — 8.

В условиях сокращения числа коммунистов и сети партийных организаций партийные органы пошли на усиление централизации и применение чрезвычайных методов работы. Сельские райкомы перераспределяли партийные кадры внутри районов, организовывали кандидатские и партийно-комсомольские группы, при сельсоветах формировались территориальные парторганизации (см. табл. 3.1.). С начала 1942 г. в деревне действовали политотделы МТС и совхозов. Находясь в тесном контакте с райкомами партии, они оказывали повседневную помощь сельским партийным и комсомольским организациям. Примерно за полтора года их работы в Челябинской области в партию были приняты 652 сельских труженика, вновь образована 121 первичная парторганизация⁴. Всего за 1942 г. в уральской деревне создано 633 парторганизации, в том числе — 357 в колхозах. Однако в большой степени, как отмечалось в постановлении бюро Удмуртского обкома ВКП(б), политотделы МТС занимались производством, подменяя руководителей хозяйств⁵. Это вносило сумятицу в жизнь коллективов, создавалась ситуация двуналичия. В хозяйственной жизни чрезвычайные, репрессивные методы деятельности политотделов положительных результатов не дали. Решением ЦК ВКП(б) в мае 1943 г. политотделы МТС и совхозов были ликвидированы.

В ряды партии принимались лучшие труженики села, проявившие высокую дисциплину, заслужившие уважение своим самоотверженным трудом. В военные годы стали коммунистами З. Шакирова — председатель колхоза «Венеция» Дюртюлинского района Башкирской АССР, А. П. Тернов — председатель, О. К. Орлова — агроном, Н. М. Константинова — звеньевая — все из колхоза «Заря» Ачитского района Свердловской области, бригадиры тракторных бригад — А. С. Банникова, Ф. Н. Сальцев из Тоцкой

МТС Оренбургской области, Ф. Кагарманова из Дюртюлинской МТС Башкирской АССР, Д. Е. Ларионова из Ирбитской МТС Свердловской области и многие другие передовики сельского хозяйства. Они стойко и мужественно выносили трудности, в сложные и критические моменты убеждали крестьянство в неизбежной победе над фашизмом. Большое число колхозников, работников МТС и совхозов, вступивших в партию, были преданы социалистическим идеалам, доказали это своим трудом, но не имели достаточного образования для серьезного усвоения марксизма.

Приток новых коммунистов, приезд эвакуированных позволили в 1942 г. остановить процесс сокращения сельских партийных организаций (см. табл. 3.1.). Их число постепенно росло и к 1945 г. составило 97,1% к довоенному времени, а коммунистов в них — 91,9%. К концу войны количество парторганизаций и коммунистов в уральской деревне было восстановлено. Однако в составе областных партийных организаций Урала доля сельских коммунистов уменьшилась. В 1941 г. она составляла в среднем по региону 35,5% от всех членов и кандидатов ВКП (б), в 1944 г. — 23,6, в 1945 г. — 31,5%. В Башкирской, Курганской, Оренбургской областных парторганизациях удельный вес сельских коммунистов достигал 40—50%, в промышленно развитых — Пермской, Свердловской, Челябинской — от 13 до 25%.

Командно-административная система сформировалась и действовала прежде всего внутри партии. Она функционировала по военному образцу, решения вышестоящих органов не обсуждались, а принимались к безусловному исполнению.

На руководящие должности партийные органы стремились подобрать хороших исполнителей. Поэтому перед войной на Урале 5783 колхоза возглавляли коммунисты, а в начале 1945 г. — 6965. В Башкирии в начале 1942 г. 26,6% председателей колхозов были коммунистами, в 1945 г. — 47,2%, в Оренбургской области — соответственно 39,7 и 62,8. Удельный вес руководящих кадров среди коммунистов-колхозников вырос с 41,3 в начале 1941 г. до 48,1% к 1945 г., т. е. почти половина коммунистов в колхозах занимала руководящие посты. Они несли персональную ответственность за выполнение планов заготовок продукции. Небольшой оставалась партийная прослойка среди представителей среднего руководящего звена — заведующих фермами (в 1943 г. — 5,9, в 1945 г. — 9,8%), бригадиров (3,2 и 7,1)⁶.

Явственно заметна особенность, характеризующая административно-командную систему, — большая часть деревенских коммунистов на Урале составляли служащие районных учреждений и сельских Советов. Этот слой в 1,5—2 раза превышал количество коммунистов-колхозников. Анализ партийной статистики за годы войны показывает, что членов и кандидатов ВКП (б) из колхозни-

ков к началу 1942 г. стало меньше на 37,5% в сравнении с началом 1941 г., за 1942 г. процесс сокращения был остановлен. К началу 1945 г. число коммунистов составило 92,5% от довоенного. Сельских служащих-коммунистов также охватило сокращение, но в меньших размерах: к 1942 г. в сравнении с 1941 г. — на 18,0%, к 1943 г. — на 22,2%, а затем наблюдался интенсивный рост, и к 1945 г. их число достигло довоенного.

Анализ архивных материалов убеждает, что вся полнота власти на местах находилась в руках исполнительных органов: областных, районных партийных комитетов. Сельские райкомы партии взяли на себя функции советских и хозяйственных органов, поэтому местные руководители утратили самостоятельность. Сосредоточив в начале войны все усилия на военно-мобилизационной деятельности, райкомы ослабили внутрипартийную работу, перестали проводить пленумы, активы. Очередные перевыборы во второй половине 1941 г. во многих первичных парторганизациях не состоялись. Необходимость выдвижения новых работников на ответственные выборные должности, в состав бюро парткомов приводила к кооптированию.

Для периода Великой Отечественной войны, как и для довоенного, была характерна частая сменяемость работников партийных комитетов. До войны основной причиной этого было репрессирование местных партийных работников. Какова картина изменений состава работников партийных комитетов в годы войны? Проанализируем их состав на примере Оренбургской области⁷. С 1 июня 1941 г. по 1 января 1943 г. в областном комитете ВКП (б) из 15 секретарей постоянно работали 6, а всего сменилось 12; из 14 заведующих отделами — соответственно 7 и 11; из 6 заместителей зав. отделами — 2 и 10; из 16 заведующих секторами — 2 и 17; из 86 инструкторов и лекторов полтора года не проработал никто, а сменилось 88. Еще большая подвижность кадров была в райкомах партии. Из 56 первых секретарей райкомов за указанное время сменилось 34 человека; из 56 вторых секретарей — 50; из 56 секретарей по кадрам — 53; на 168 местах заведующих отделами поменялось 252 человека; на 201 месте инструкторов 447. Среди 813 ответственных работников партийных комитетов не менялось только 120 (14,8%), а всего сменилось 1084 человека.

По данным источника основными причинами столь высокой сменяемости руководящих партработников были следующие: были в Красную Армию (48,8%), выдвинуты на более высокую должность (16,5%), переведены на политическую работу в сельскохозяйственные органы (9,1%), переведены на аналогичную работу (4,5%), освобождены по болезни (3,6%), не справились с работой (3,1%), по другим причинам (в источнике без расшифровки — 13,4%).

На 1 января 1943 г. в партийных комитетах области не была занята 71 должность. Из 742 партработников треть составляли женщины (252 человека). Возрастной состав был следующим: до 25 лет — 21 человек (2,8% от всех партработников области), 25—30 лет — 121 (16,4%), 31—40 лет — 447 (60,2%), свыше 40 лет — 153 (20,6%). Низким был уровень образования: 138 человек имели высшее образование (18,6%), 323 — незаконченное среднее (43,5%), 46 — незаконченное высшее (6,2%), 235 — среднее (31,7%). Среди всех коммунистов руководящие партработники составляли около 3%. Практически таким же был состав партийных работников и в других областях и республиках Урала.

Партийные работники по возрасту, культурному и образовательному уровню отвечали требованиям времени. Возраст до 40 лет позволял им без усталости работать с утра до ночи, уровень образования — быть послушными и на все готовыми исполнителями, выполнять постановления и инструкции, указания, поступавшие сверху, без сомнений и обсуждений, как солдаты. Они были преданы идеям социализма, изложенным в «Кратком курсе истории ВКП (б)».

Вождем местного масштаба, солдатом сталинской гвардии был Василий Михайлович Андрианов (1902—1978) — энергичный человек, обладающий организаторскими способностями, которого в то же время отличали грубость и жестокость. Родился в крестьянской семье в Брянской губернии. С 13 лет начал самостоятельную трудовую жизнь учеником портного, батраком, а затем ремонтным рабочим на железной дороге. После службы в РККА работал в газете «Брянский рабочий», председателем правления кредитного товарищества, членом ревкомиссии губсельпромсоюза, член ВКП(б) с 1926 г. С 1928 г. по 1931 г. — студент рабфака в институте им. К. Либкнехта в Москве, затем работал в райкомах партии г. Москвы и области. В 1932—1934 гг. В. М. Андрианов работал в МГК ВКП(б), секретарем которого был, как писали в то время, «мастер сталинского стиля» — Л. М. Каганович. Немалое значение имело то, что он и Г. М. Маленков были женаты на сестрах. В 1934—1937 гг. он обучался на механико-математическом факультете МГУ, окончил только 3 курса. ЦК партии направляет его в Ковровскую городскую партийную организацию, затем в Сталинград, некоторое время работал в отделе руководящих кадров ЦК.

В январе 1939 г. «избирается» первым секретарем Свердловского обкома и горкома ВКП(б). За годы войны Свердловская областная партийная организация сумела быстро перестроить на военный лад всю жизнь, разместить и пустить на полный ход эвакуированные предприятия, организовать строительство новых промышленных объектов, внести заметный вклад в разгром фашизма. В. М. Андрианов активно занимался и развитием сельского хо-

зяйства, поддерживал идею сельской электрификации области, требовал неуклонного развития подсобных хозяйств предприятий. Его влияние на принятие решений было безграничным, свои действия он согласовывал только с ЦК. За образцовое и успешное выполнение заданий ГКО и правительства по вводу производственных мощностей, освоению новых видов продукции и обеспечению нужд обороны В. М. Андрианов был награжден 4 орденами Ленина, орденом Отечественной войны I степени и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»⁸ В марте 1946 г. В. М. Андрианов избран в состав Оргбюро ЦК ВКП(б) и переведен на работу в аппарат ЦК, затем до 1949 г. — заместитель председателя Совета по делам колхозов при Совмине. В 1949—1953 гг. он — первый секретарь Ленинградского обкома партии. Для создания видимости существования в Ленинграде антипартийной группировки были произведены массовые аресты среди партийного актива. В Ленинграде развернулась массовая кампания по замене кадров, многие исключались из партии. В своих действиях первый секретарь обкома и горкома партии В. М. Андрианов ссылался на установки ЦК и указания лично И. В. Сталина. В результате только в Ленинграде и области в 1949—1952 гг. было освобождено от работы свыше 2 тысяч руководителей⁹.

Вклад В. М. Андрианова в работу Свердловской областной партийной организации замечен, область дала до 40% всей продукции Урала в годы войны. В то же время замечен и его вклад в раздувание культа личности Сталина¹⁰. После XX съезда партии В. М. Андрианов на пенсии. Его имя не упоминалось не только в исторической литературе, но и в документальных сборниках. В 70-е годы историки и политики официально отошли от критики сталинской системы, стали искать в деятельности «великого вождя» положительные моменты. В то же время реанимировались и имена «вождей местного масштаба», в том числе и В. М. Андрианова.

Подбор кадров порой шел в разрез с высокой моралью, партийностью и принципиальностью. Часть из них шла на злоупотребление властью, совершала политические ошибки и преступления. Попав в номенклатуру, некоторые из них, несмотря на то, что не справлялись с обязанностями, дискредитировали звание членов партии, переводились на другую руководящую работу в партийные, советские или хозяйственные органы. Совершение незаконных и аморальных действий в среде партийного руководства было возможно в силу сложившейся системы, когда номенклатурные работники подчинялись и были подотчетны только вышестоящим органам, контроля со стороны низовых организаций, трудовых коллективов практически не существовало.

Среди пришедших к руководству районными партийными организациями Свердловской области в конце 30-х — начале 40-х го-

дов выделялись первые секретари А. С. Вериллов (род. 1911 г.) в Зайковском районе, Д. С. Глазырин (1903—1973 гг.) в Арамилском, А. П. Коновалов (род. 1908 г.) в Ачинском¹¹, Ф. П. Патраков (1907—1979 гг.) в Красноуфимском¹². Им было по тридцать с небольшим лет, когда они стали руководителями. Для них была характерна огромная работоспособность, постоянное общение с массами, в быту жили скромно, с честью несли звание коммуниста. Было нечто общее в их духовном облике — беззаветная преданность идеям социализма и высокие моральные качества. Районы, которыми они руководили, в годы войны смогли переориентировать колхозное производство на выращивание картофеля и овощей, крайне необходимых постоянно растущему городскому населению, и добивались в этом заметных результатов. Для всех работников той поры характерно то, что их взгляды ни в чем не расходились с положениями докладов и приказов Сталина, постановлений ГКО, ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Их выступления, зафиксированные в протоколах пленумов обкомов, райкомов, строились на цитатах, заимствованных из передовиц газет и журналов.

Страх за свою жизнь, жизнь близких, который они испытывали во время массовых репрессий, остался с ними, заставлял их безропотно, как солдат, исполнять вверху принятые решения, сковывал инициативу.

Многие из руководящих партийных работников, прошедших школу руководства и управления в годы войны, вплоть до 70-х годов оставались на руководящих постах в партийных и советских органах. Изменялись решаемые задачи и проблемы, стиль их работы оставался прежним.

В годы войны партийные организации нашли формы и методы работы, решили проблему создания особого военного распорядка всей жизни. Коммунисты уделяли особое внимание воспитанию советского народа в духе ненависти к агрессору. Работа шла под лозунгами: «Нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами души!», «Смерть немецким захватчикам!».

В первые дни войны распространенной формой политического воздействия на трудящиеся массы явились митинги. Они проводились во всех населенных пунктах страны. На этих первых митингах звучали слова о том, что враг будет тотчас разбит, что Красная Армия будет громить врага на его территории. Так как из сводок Совинформбюро нельзя было понять, что наша армия находится в чрезвычайно сложных условиях, вынуждена отступать, выступавшие на митингах и собраниях нисколько не сомневались в скорейшем и неизбежном разгроме врага¹³.

На протяжении всей войны митинги связывались с началом важных политических и хозяйственных кампаний, выдающимися победами советских войск над фашистскими захватчиками.

Огромное значение имела устная пропаганда и агитация. В годы гражданской войны В. И. Ленин отмечал, что «осознание массами целей и причин войны имеет огромное значение и обеспечивает победу»¹⁴. В первый период войны в пропагандистской работе главный упор делался на обоснование справедливого характера войны со стороны СССР, на преимущества социализма, популяризацию героического прошлого народов нашей страны, разоблачение захватнических, грабительских планов и зверств фашистов, что играло важную мобилизующую роль.

В сельской местности первостепенное значение среди различных форм политической пропаганды приобрели лекции и доклады, так как многие колхозы и МТС не были радиофицированы, сократилось поступление периодических изданий. О размахе пропагандистской работы свидетельствуют многочисленные данные. Так, за первые три месяца войны в Оренбургской области лекторы обкома партии прочитали 352 доклада, лекторы облоно — 87, лекторы райкомов — 2998. Всего прочитано докладов и проведено лекций 3437, их прослушало около 400 тыс. человек¹⁵. Кровная заинтересованность в событиях битвы за Родину была такова, что колхозники приходили на лекцию издавека, за несколько километров.

Для пропаганды первого периода войны характерно преднамеренное введение народа в заблуждение относительно хода военных действий. В первые месяцы войны постоянно проводился тезис о скором развале вражеской армии. Однако вскоре пропаганда отказалась от этого, так как сеяла вредную иллюзию, порождавшую среди части населения благодушие. Пресса все больше предавала гласности факты зверств и грабежей, совершаемых фашистами на советской земле. Пропаганда перестроилась на воспитание ненависти к врагу. Широкое распространение получило положение о том, что в результате огромных потерь на фронте возможен скорый разгром агрессора и из-за недостатка сырья и топлива экономика Германии и ее союзников вскоре развалится. В речи на параде Красной Армии 7 ноября 1941 г. Сталин заявил: «В Германии царят голод и обнищание, за четыре месяца войны Германия потеряла четыре с половиной миллиона солдат. Германия истекает кровью, ее людские ресурсы иссякают... Немецкие захватчики напрягают последние силы. Нет сомнения, что Германия не может выдержать долго такого напряжения. Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть годик, — и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений»¹⁶.

Этот тезис был повсеместно поддержан пропагандой. В новогоднем письме уральцев Сталину, подготовленном Свердловским обкомом партии, отмечалось: «Для Германии год 1942 — роковая дата, год постыдной гибели, бесславной смерти. В этом наступающем году грабительская империя Гитлера лопнет под тя-

жестью преступлений фашизма, раздавленная могильной землей тысяч кладбищ Европы и Африки. А для нас новый, 1942 г. — год торжества, год победы и возрождения нашего личного счастья. Вперед за Родину, за Сталина, вместе со Сталиным за свободу, за победу, за счастье наше!»¹⁷.

Разгром немецкой армии под Москвой и контрнаступление Красной Армии на несколько месяцев утвердили в пропагандистской работе тезис о неизбежном повторении армией Гитлера судьбы армии Наполеона в 1812 г. Отрезвление наступило только после Керченской и Харьковской катастроф, потери Севастополя и начала летнего наступления противника на Северный Кавказ.

С осени 1942 г. содержание пропаганды значительно меняется. В ноябре 1942 г. в Свердловске состоялось межобластное совещание секретарей обкомов партии по пропаганде и агитации, в котором приняли участие начальник Управления ЦК ВКП(б) по пропаганде и агитации Г. Ф. Александров и член ЦК ВКП(б) Е. Ярославский. С докладами выступили секретари обкомов по пропаганде и агитации — И. С. Пустовалов (Свердловск), И. Ф. Кутявин (Ижевск), А. В. Жуков (Пермь), А. А. Шварев (Челябинск), редакторы областных газет Л. С. Шаумян («Уральский рабочий»), Н. П. Анисимов («Звезда»). Было намечено в партийно-политической работе постоянно и целенаправленно проводить мысль, что преимущества социализма сами по себе не приведут к краху врага, победу можно завоевать лишь в напряженной, связанной с лишениями и большими жертвами борьбе, что успех ее зависит от каждого советского патриота, его воли, самоотверженности, мужества, что война будет трудной и долгой¹⁸. Как бы не был велик энтузиазм советских людей, было очевидно, что одним лишь напряжением сил нельзя было решить поставленные войной задачи. На пленуме Свердловского обкома ВКП(б) в июне 1943 г. была поставлена задача пропаганды: «... не только разъяснять цели и задачи войны и необходимость отдать все силы фронту, но также и помочь широким массам преодолевать трудности, вызванные войной, показать пути преодоления трудностей, подбадривать слабых, уставших, помочь им найти в себе дополнительные силы, новую энергию»¹⁹.

Пленумы обкомов партии, посвященные политико-воспитательной работе, прошли на Урале повсеместно. Анализ их решений показывает, что в сравнении с предыдущим периодом войны пропагандистская деятельность коммунистов становится многограннее, сложнее. Правдивые сообщения о положении на фронте, победы Советской Армии поднимали моральный дух тружеников тыла. В то же время необходимость изменений в массово-политической работе привела к замене руководителей отделами пропаганды и агитации в ряде обкомов и райкомов. Однако и на этом этапе вой-

ны идеологическая работа осуществлялась военно-командными методами. Постановления ЦК ВКП(б) служили приказом к развертыванию того или иного направления работы.

В постановлениях местных партийных комитетов непременно указывалось, что все отмеченные недостатки имеются в партийной организации. Так, подъем лекционной пропаганды в деревне был вызван постановлением ЦК ВКП(б) «Об организации политических докладов партийных и советских работников для сельского населения»²⁰. Оно обязывало партийные органы проводить ежемесячно в каждом колхозе, совхозе собрания, на которых должны были выступать с докладами секретари райкомов ВКП(б) и другие руководящие работники. Бюро Оренбургского обкома партии, обсудив это постановление, отметило, что руководящие работники редко выступают перед тружениками села с политическими докладами, и обязало райкомы принять постановление к неукоснительному исполнению. Выполняя его, местные партийные комитеты привлекали к политической работе дополнительные силы из состава сельского, районного и областного актива. Областная парторганизация выделила 1400 докладчиков, которые за вторую половину 1943 г. сделали более 9 тыс. докладов. В августе 1944 г. обком проверил выполнение постановления ЦК ВКП(б), в конце года вновь вернулся к этому вопросу. В районах области действовали 1427 докладчиков, из них 1393 коммуниста²¹.

Анализируя массово-политическую работу, партийные комитеты заостряли внимание на недостатках, мешавших ее развитию. Пленум Башкирского обкома ВКП(б) в апреле 1943 г. отметил, что политическая работа ведется в отрыве от хозяйственных задач, мало докладчиков среди разных национальностей, отсутствует литература на родных языках населения, не учитывается индивидуальный подход в работе с различными группами населения. Отмечалось, что среди башкир и татар исключительно высок престиж старшего, следовательно, авторитет стариков необходимо умело применять в массово-политической работе среди сельского населения. Было обращено внимание на особенности работы среди женщин, молодежи и эвакуированного населения²². На пленуме Свердловского обкома ВКП(б) в июне 1943 г. подчеркивалось, что «нельзя быть хорошим пропагандистом и агитатором без глубокого знания жизни широких масс, без изучения настроения людей»²³.

Расширение массово-политической работы вызвало увеличение числа агитаторов. В начале войны партийные организации в короткий срок сформировали агитколлективы, призвали к работе в них способных, политически убежденных людей — коммунистов, комсомольцев, депутатов Советов, сельскую интеллигенцию. Сельские партийные организации создали целую армию политических бойцов. В Удмуртской АССР в конце 1941 г. было 559 сельских

агитколлективов и 7322 агитатора, к лету 1945 г. их насчитывалось соответственно 784 и 12 тыс. Количество агитаторов в Оренбургской области за это же время возросло с 8 тыс. до 23 тыс.²⁴.

Важное значение для развертывания массово-политической работы в деревне имела деятельность городских коммунистов и комсомольцев. Архивные документы убеждают, что политических организаторов из городов больше направлялось в наиболее трудные для деревни 1942 и 1943 гг. и наиболее ответственные периоды — на время уборки урожая и выполнения государственных поставок. Так, на весеннем севе 1942 г. политико-массовой работой на селе занимались 500 коммунистов из Челябинска, а на уборку урожая в село были командированы 3850 коммунистов и комсомольцев²⁵.

Осенью 1942 г. в оренбургских селах, когда сложилась сложная ситуация с хлебозаготовками, работали 4,4 тыс. агитаторов из городов и районных центров. Они, трудясь наравне с колхозниками, проводили беседы и читали газеты, организовывали социалистическое соревнование, вместе с правлениями колхозов занимались укреплением трудовой дисциплины, расстановкой рабочей и тягловой силы. В 1943 году в ряде областей городские коммунисты направлялись в колхозы для политической работы уже на весь период сельскохозяйственных работ. Пермский обком партии командировал весной 1943 г. 945 человек²⁶.

В политико-воспитательной работе большое значение отводилось выступлениям делегаций колхозников, переживших фашистскую оккупацию. В Оренбургской области колхозники из Подмосковья выступили на 75 собраниях. Их рассказы о зверствах фашизма, о героической борьбе советских людей вызывали глубокое сочувствие и усиливали ненависть к врагу. В колхозе «Днепровка» Шарлыкского района было решено оказать помощь и выделить 49 ц семенного зерна, 2 свиноматки и 10 овцематок для освобожденных районов²⁷.

В заключительный период войны, когда территория СССР была полностью освобождена от врага, в массово-политической работе встали новые задачи. В постановлении ЦК ВКП(б) от 27 января 1945 г. «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации» указывалось, что в ее основу необходимо поставить борьбу за организационно-хозяйственное укрепление колхозов, «организовать своевременную информацию населения о текущих и политических событиях, развернуть повседневную агитацию за честный и самоотверженный труд в колхозе, рассказывать колхозникам о работе передовиков сельского хозяйства, критиковать нарушителей трудовой дисциплины и нерадиво относящихся к колхозному делу»²⁸.

На переломных этапах развития обостряется национальное самосознание народа. В Башкирии в освещении прошлого башкир-

ского народа были допущены идеологические ошибки. В отдельных исторических и литературных работах не проводились разграничения между национально-освободительными движениями башкирского народа и разбойничьими набегами башкирских феодалов на соседние народы, не показывалось угнетение трудящихся башкир феодалами, идеализировалось патриархально-феодалное прошлое башкир, имело место противопоставление башкир другим народам. В постановлении ЦК ВКП (б) были намечены меры «коренного улучшения идейно-политической работы» по исправлению ошибок²⁹.

Выполняя указания ЦК ВКП (б), сельские коммунисты усилили политико-воспитательную работу. Показателен в этом отношении пример работы Дюртюлинского райкома ВКП (б). Он наладил работу 43 агитколлективов. За первую половину 1945 г. 426 агитаторов провели 1200 бесед по разъяснению документов партии и правительства, охватив около 320 тыс. человек. Работа велась дифференцированно: со стариками проведена 91 беседа, с инвалидами Отечественной войны — 79, с молодежью — 85. За время сев-ва 1945 г. агитаторы провели 960 бесед в тракторных бригадах. Было выпущено 267 номеров стенгазет и боевых листов, установлено 35 досок показателей соревнования. Райком партии провел 78 семинаров, 268 консультаций, 73 совещания агитаторов³⁰.

В годы войны, когда решалась судьба социалистического государства, партийные организации провели большую работу по интернациональному воспитанию советских людей, по укреплению дружбы народов СССР. Урал принял в годы войны многонациональный состав эвакуированных. Сельские труженики Урала проявили высокие человеческие качества, приняв эвакуированных, обеспечив их жильем, одеждой, питанием, предоставив им возможность трудиться. Сельское население дало возможность выжить и насильственно переселенным так называемым «народам-врагам». Осенью 1944 г. в северные районы Свердловской области — Ново-Лялинский, Исовский, Тавдинский и Туринский были выселены 4,2 тыс. семей крымских татар и 379 семей калмыков (всего 15,6 тыс. человек). Выделенных им 6,9 тыс. овчин и 27,8 тонн шерсти было явно недостаточно (в среднем на одного спецпереселенца приходилось по 0,4 овчины и 1,7 кг шерсти)³¹. Местное население помогало им, чем могло, поскольку не понимало, что за преступления совершили дети, женщины и старики. Простых жителей объединяло то, что они практически все были лишены каких-либо конституционных прав и свобод.

По крайней мере, все сельское население страны не имело возможности передвижения, паспортная система (в деревне — отсутствие паспортов) не позволяла распоряжаться своей судьбой. В связи с этим характерно постановление СНК СССР от 26 июня

1942 г., запрещавшее руководителям учреждений, организаций, сельсоветов, колхозов производить выдачу незаконных удостоверений и справок для проезда по железным дорогам в другие области за продуктами и по личным надобностям. В решении Свердловского облисполкома указывалось, что проезд в поездах может производиться по пропускам органов милиции и командировочным удостоверениям на установленных типографских бланках³².

Т а б л и ц а 3.2

Сеть сельских первичных комсомольских организаций Урала
и число комсомольцев в них
(на 1 июля)*

	1941	1942	1943	1944	1945
Совхозы	<u>370</u> 10379	<u>367</u> 7883	<u>370</u> 8984	<u>391</u> 9406	<u>378</u> 8940
МТС и МТМ	<u>667</u> 8850	<u>699</u> 8341	<u>670</u> 12043	<u>669</u> 11110	<u>685</u> 11881
Колхозы	<u>11493</u> 120843	<u>10511</u> 79678	<u>11014</u> 86223	<u>11354</u> 96600	<u>11591</u> 103016
Территориальные	<u>504</u> 8028	<u>684</u> 7614	<u>648</u> 5983	<u>711</u> 7428	<u>817</u> 8344
Итого	<u>13034</u> 148100	<u>12261</u> 103521	<u>12702</u> 113233	<u>13225</u> 124544	<u>13471</u> 132181

* Составлено по: ПАКО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 48. Л. 1—302; Д. 162. Л. 2—171; Д. 244. Л. 2—361; ПАОО. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 591. Л. 1; Д. 665. Л. 23; Д. 749. Л. 25; Д. 845. Л. 8; Д. 937. Л. 1; ПАОО. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 286. Л. 6; Оп. 3. Д. 35. Л. 16—17; Д. 136. Л. 43; ПАСО. Ф. 61. Оп. 2. Д. 1503. Л. 231; Д. 1643. Л. 154; Д. 1719. Л. 6; Оп. 5. Д. 473. Л. 53; Иванова Т. А. Партийное руководство сельским комсомолом Урала в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Кандидат. дисс. Челябинск, 1985. С. 225.

** В числителе — число организаций, в знаменателе — число комсомольцев в них.

Постоянное повторение одних и тех же лозунгов и идей, многократное воспроизведение их в плакатах, «Окнах ТАСС», «Боевых листках» были характерны для агитационно-пропагандистской работы в условиях войны. В то же время значительная часть информации замалчивалась. Замкнутость, отсутствие каких-либо сведений, невозможность проверки сообщаемой информации заставляли людей принимать на веру то, что говорил вождь, что повторяла пропаганда. В условиях отстраненности людей от власти пропагандистский аппарат поддерживал веру людей в то, что Сталин

знает абсолютно все и только он может принимать единственно верные решения, только он может привести к победе над врагом.

Отличающей чертой массово-политической работы, получившей в условиях войны огромный размах, являлись ярко выраженное агитационно-производственное направление, стремление увязать политические и хозяйственные задачи. Характерна и личность агитатора военной поры, который, как правило, трудился наравне со всеми.

В общественной жизни села в годы войны заметную роль играл комсомол. Он являлся проводником политики партии в деревне. Партийные комитеты, используя различные формы и методы, добивались укрепления сельских первичных комсомольских организаций. На пленумах и заседаниях бюро обкомов и райкомов ВКП(б) постоянно ставились вопросы о росте комсомольских рядов, об усилении их влияния на все стороны жизни деревни. Однако руководство на практике выражалось в постоянной и мелочной опеке. Ни одного вопроса без согласования и одобрения партийных комитетов комсомольцы решить не могли. «Выборные» комсомольские работники назначались соответствующими партийными комитетами. Как в партийных организациях, так и в комсомольских номенклатурные работники были неподотчетны рядовым членам, контроль над ними был только сверху.

Важную роль в укреплении комсомольских организаций сыграли политотделы МТС и совхозов. В каждом из них был заместитель по комсомолу. За 1942 г. политотделы МТС Башкирии организовали 414 колхозных комсомольских организаций, членами ВЛКСМ стали 7,9 тыс. колхозников. 65 политотделов МТС Челябинской области добились того, что организации ВЛКСМ были созданы во всех колхозах их зоны деятельности³³.

Уже в 1942 г. было остановлено сокращение сети комсомольских организаций в уральской деревне (см. таблицу 3.2). К середине 1944 г. число сельских первичных комсомольских организаций на Урале превысило довоенный уровень, а к концу войны их сеть составляла 103,4% к 1941 г. Количество комсомольцев на селе к концу войны, несмотря на прием с 14-летнего возраста, составило 89,3% по сравнению с 1941 г. Первичные организации ВЛКСМ действовали во всех совхозах и МТС и более чем в 60% колхозов Урала. Основная часть комсомольцев была сосредоточена в колхозах (в 1941 г. их удельный вес составлял 82%, в 1945 г. — 78%). Первичные организации во многих колхозах оставались малочисленными: в 1941 г. в среднем на одну организацию приходилось 11-12 комсомольцев, в 1943 г. — 7, в 1945 г. — 8-9. В совхозах средние размеры организаций сократились с 28 членов в 1941 г. до 24 — в 1943 г. и 25-26 — в 1945 г. Выросли за годы войны пер-

вичные организации ВЛКСМ в МТС — с 11-12 человек в 1941 г. до 17-18 — в 1945 г.

Укрепляя и расширяя свои ряды, сельские комсомольские организации стали подлинными вожаками молодежи, обеспечили ее участие в решении проблем развития сельского хозяйства в военных условиях. Чтобы вовлечь молодежь в общественную жизнь, ЦК ВЛКСМ в конце 1942 г. решил принимать в комсомол с 14-летнего возраста. Это способствовало значительному росту рядов.

Комсомольские организации проводили собрания, отчетно-выборные конференции, в повестке дня которых включались насущные вопросы времени. В Пермской области отчетно-выборные конференции прошли в 1942 г. в 6 районах, в 1943 г. — в 26, в 1944 г. — в 22, в 1945 г. — в 29³⁴.

В политико-воспитательной работе среди молодежи комсомол использовал разнообразные формы и методы. В течение войны сельские комсомольцы вели переписку с фронтовиками. Челябинцы держали постоянную связь с комсомольцами Уральского добровольческого танкового корпуса, с экипажами подводных лодок «Челябинский комсомолец» и «Ленинский комсомол».

Одним из проявлений патриотизма советской молодежи явилось горячее стремление сразиться с врагом. За первый год войны Удмуртская организация ВЛКСМ направила на фронт 15,4 тыс. комсомольцев, из них более половины из села. Из Пермской области сражались на фронтах 55 914 комсомольцев (89 % общего состава), из Челябинской — 80 727 (80 %). Больше-Сосновская районная организация ВЛКСМ Пермской области до войны насчитывала в своих рядах 332 члена, за период войны проводила на фронт 396 комсомольцев³⁵.

Активизации политической и трудовой деятельности сельской молодежи способствовали слеты молодых передовиков сельского хозяйства. Удмуртский обком ВЛКСМ провел два республиканских слета за годы войны. В них приняли участие 870 человек. Слеты созывались в каждом районе. На них обсуждались итоги участия молодежи в сельскохозяйственном производстве, распространялся передовой опыт. Первый слет сельской молодежи Пермской области (июль 1943 г.) поставил задачу — учиться, качественно и культурно обрабатывать землю и овладевать работой на тракторе и сложных сельскохозяйственных машинах. По инициативе комсомольских организаций в 1943 г. были организованы занятия в 975 агротехнических кружках. В ряде районов организовывали школы стахановского опыта. В области действовали 5 тыс. комсомольско-молодежных постов по проверке качества полевых работ³⁶.

Как отмечалось в предыдущей главе, много сделали комсомольцы для распространения социалистического соревнования.

Каждое ценное начинание комсомола подхватывалось молодыми тружениками села с необыкновенной быстротой. Импульсом для развития социалистического соревнования среди молодежи села были решения Пленума ЦК ВЛКСМ (март 1944 г.), на котором обсуждался вопрос «О ближайших задачах комсомола в деревне»³⁷. Комсомольские организации обязывались проводить повседневную агитационно-пропагандистскую работу, разъяснять решения партии и правительства, знакомить с событиями на фронте.

Важной проблемой комсомола на селе было повышение политического, общеобразовательного и профессионального уровня молодежи. В райцентрах при парткабинетах создавались комсомольские комнаты, уголки. В колхозах, совхозах и МТС комсомольцы занимались в политшколах. При обкомах ВЛКСМ действовали лекторские группы, а при райкомах — группы докладчиков. В конце войны стали организовываться школы сельской молодежи. Сельские комсомольские организации оказывали влияние на все стороны жизни деревни.

Воздействие комсомола не ограничивалось только идеологической и производственной деятельностью, но влияло на повседневную жизнь молодого человека, отношение к самому себе, внедрялось в его быт, семейные отношения. Дисциплина в комсомольских организациях строилась по принципу военных формирований, производственные планы и задания были поставлены в центр деятельности, их необходимо было выполнить, не считаясь ни с чем.

«Война — это постоянные утраты, — вспоминала секретарь комсомольской организации колхоза «Заря» Ачитского района Свердловской области Н. М. Константинова. — Душа молодого человека становилась черствой, жесткой. Нам нужно было общение, сочувствие, очищение. Однако все это было заменено постоянной проработкой приказов, постановлений и всевозможных распоряжений. Изучив очередное постановление и приняв решение о его неуклонном исполнении, мы шли работать на свои места».

Многочисленность постановлений и решений о комсомоле подтверждает ту мысль, что ему доверяли только на словах. Однако, несмотря на это, сельские комсомольские организации активно влияли на общественно-политическую жизнь уральской деревни, они несли заряд социального оптимизма, веры в победу над врагом.

До войны работники земельных органов и МТС, совхозов имели свои профессиональные союзы. На основании постановления Президиума ВЦСПС от 26 марта 1941 г. ранее существовавшие самостоятельно 6 профсоюзов рабочих зерновых, мясомолочных, овцеводческих, коневодческих, пушных и птицеводческих совхозов были ликвидированы. Был создан профсоюз рабочих совхозов Вос-

тока, в который вошли профорганизации совхозов Урала (кроме Удмуртии).

Начавшаяся война привела к неурядицам и в работе профсоюзных организаций. В профорганизациях совхозов Башкирии к октябрю 1941 г. из 79 рабочкомов состав менялся полностью в 56. В постановлении Оргбюро ЦК профсоюза рабочих совхозов Востока в октябре 1942 г. констатировалось, что профсоюзное хозяйство запущено, отсутствует учет членов, собрания профгрупп не проводятся. В Халиловском зерносовхозе Оренбургской области к весне 1942 г. состав рабочкома менялся несколько раз, дела передавались в спешке, что привело к расхищению почти всего профимущества. План сбора взносов по профорганизациям совхозов области в 1941 г. был выполнен на 36,7 % (оргбюро вынуждено было даже продать профсоюзного имущества на 19,4 тыс. рублей, чтобы выплатить зарплату штатным сотрудникам), а в 1942 г. — на 72,6 %³⁸.

Перестройка работы профсоюзных организаций в отличие от партийных и комсомольских, проходила медленнее и болезненнее. Лишь весной 1943 г. прошли областные и республиканские профсоюзные конференции, которые избрали обкомы профсоюзов рабочих совхозов. Ряд уральских обкомов, в частности, Оренбургский, Удмуртский, вошли в состав профсоюзов рабочих совхозов Центра. С этого времени заметно активизировалась профсоюзная жизнь.

В Оренбургской области профсоюзные организации совхозов имели следующий состав (по данным отчетов к концу года)³⁹:

	1941	1942	1943	1944	1945 (полю)
Все работавшие, тыс. чел.	33,1	25,0	26,5	25,9	25,8
В том числе: постоянные	25,3	16,8	20,7	21,6	21,9
сезонные	7,8	8,2	5,8	1,3	3,9
Из них членов профсоюза	19,3	8,8	11,3	12,4	13,7
В том числе: из постоянных	18,5	8,3	10,9	8,7	13,2
из сезонных	0,8	0,5	0,4	3,7	0,5

Приведенные данные показывают, что в 1941 г. 58,3 % от всех работавших в совхозах области были членами профсоюзов, в 1942 г. их доля упала до 35,2 %, затем несколько выросла — в 1943 г. до 42,6 %, в 1944 г. до 47,9 %, в 1945 г. до 53,1 %. К концу войны из 50,3 тыс. работавших в МТС и земельных органах Башкирии, Курганской, Пермской, Свердловской и Челябинской областей членами профсоюза были 31,1 тыс. человек (61,8 %)⁴⁰.

В 1943 г. были созданы и начали работать при рабочкомах совхозов постоянно действовавшие комиссии, в которые широко привлекались рабочие и служащие. По данным 36 совхозов Орен-

буржской области 127 человек входили в состав соцстраха, 92 — были страховыми делегатами, 72 — членами комиссии по зарплате, 69 — по охране труда и техники безопасности, 24 — общественными инспекторами, 107 — членами жилищно-бытовой комиссии, 124 — культкомиссий, 144 — входили в общественно-массовый контроль⁴¹. Профсоюзные организации стали заниматься вопросами удовлетворения культурных и бытовых нужд рабочих и служащих, соблюдения правил техники безопасности, состояния питания и жилья, организацией индивидуального огородничества.

Состоявшиеся конференции поставили в повестку дня вопрос о расширении участия рабочих в управлении делами производства. С 1943 г. были восстановлены в качестве постоянно действующего органа производственные совещания. Данные по Оренбургской области показывают, что их число росло: с 1051 в 1943 г. до 2940 в 1944 г., а за первую половину 1945 г. их прошло 1005. В первой половине 1945 г. в профсоюзных организациях МТС и земельных органов Урала проводилось от 5 до 12 производственных совещаний. На них было принято 8,2 тыс. предложений, из них 5,8 тыс. было выполнено (70,8 %) ⁴².

Принимаемые на совещаниях предложения в большинстве своем выполнялись. Это показывает, что в заключительный период войны наблюдается тенденция к сочетанию внутреннего управления производством с высокой социальной активностью трудящихся. Они самостоятельно решают внутрисовхозные проблемы. Рабочекбы вовлекли работников МТС в конце войны к приведению усадеб, как писали в то время, в «культурный вид» и созданию нормальных условий работы. Строительство велось методом народной стройки⁴³.

Усиление централизма, действие чрезвычайных органов, сосредоточение в руках партийных комитетов административно-хозяйственных функций мешали развитию этого процесса. Шагом к ослаблению «пресса» была ликвидация в мае 1943 г. по решению ЦК ВКП (б) политотделов МТС и совхозов. Однако это совсем не означало, что практика администрирования и военного командования прекращалась, приказно-административный механизм управления всей производственной и общественно-политической жизнью сохранялся. Невыполнение плана рассматривалось, как тягчайшее преступление, как антигосударственная практика, наносящая огромный ущерб государству. «Люди, допускающие невыполнение плана, — отмечалось в постановлении Оренбургской профсоюзной конференции, — должны караться по закону военного времени»⁴⁴ — по-прежнему основной установкой было достижение результатов «любой ценой».

Великая Отечественная война внесла изменения в деятельность местных органов власти — сельских Советов депутатов трудящихся

ся. Они начали действовать после выборов 24 декабря 1939 г. В их состав на Урале было избрано 77 193 депутата. Среди депутатов 21,5 % являлись коммунистами, 10,9 % — комсомольцами. По социальному составу сельсоветы на 63,2 % состояли из колхозников, 7,3 % — из рабочих и 29,5 % — служащих⁴⁵. Первые сессии Советов в начале 1940 г. образовали исполнительно-распорядительный аппарат Советов — исполкомы и создали новые органы — постоянно действующие комиссии. Этим была завершена перестройка всех органов государственной власти на местах. В начале войны на Урале действовали 5048 сельских Советов депутатов трудящихся⁴⁶.

Чрезвычайные условия осложнили работу сельских Советов. В связи с призывом и добровольным уходом в Красную Армию резко сократилось число депутатов. За первый год войны депутатский состав сельсоветов Пермской области уменьшился на 560. Если до войны на один сельский Совет приходилось 14 депутатов, то к концу 1942 г. — 6. Из сельских Советов Свердловской области к легу 1944 г. выбыло 5685 депутатов (61,2 %). К началу 1945 г. в сельских Советах Башкирской АССР осталось 8388 депутатов из 22 446 избранных в 1939 г. Во многих сельских Советах осталось по одному-два депутата. В Свердловской области имелось 663 сельских Совета, в 103 из них осталось по 3 депутата, в 45 — по 2 и в 45 — по 1. Это сказалось на сокращении числа проводимых сессий Советов. В первой половине 1945 г. в Свердловской области только 159 сельсоветов проводили сессии в установленном Конституцией РСФСР (статья 86) время, в 23 — сессии не проводились, в 155 имелись только исполнительные комитеты⁴⁷.

Для активизации работы Советов исполкомы расширяли привлечение к работе актива — представителей общественных организаций, руководителей хозяйств, работников культурно-просветительных учреждений, передовиков производства. Это была новая форма укрепления связи Советов с трудящимися массами.

Круг деятельности сельских Советов оставался прежним — подготовка и проведение хозяйственно-политических кампаний, организационно-хозяйственное укрепление колхозов, народное образование, культурно-просветительная работа, охрана здоровья населения, выполнение финансовых планов и др. В то же время на сессиях и заседаниях исполкомов решались совершенно новые вопросы: прием и размещение эвакуированного населения, помощь семьям фронтовиков, трудоустройство инвалидов войны.

Усложнение работы сельских Советов, возникновение новых задач требовали всемерного улучшения их организационно-массовой работы. Одной из ее форм являлись постоянные комиссии, в работу которых привлекались депутаты и широкий актив. Из-за немногочисленного депутатского состава сельских Советов в годы

войны действовали от 2 до 5 постоянных комиссий: бюджетная, сельскохозяйственная, народного образования, животноводческая, торгово-кооперативная и др. Число постоянных комиссий сельских Советов в годы войны выросло: по Свердловской области с 1998 (летом 1943 г.) до 2584 (к лету 1945 г.). При этом если число депутатов — членов постоянных комиссий увеличилось незначительно (с 2900 до 3013), то число активистов — заметно (с 12 428 до 18 168). Некоторые сельсоветы области для привлечения актива к деятельности постоянных комиссий и улучшения их работы наделили общественников, не являвшихся депутатами, правом решающего голоса в работе комиссий⁴⁸. Такое нововведение сыграло положительную роль в условиях войны.

В 28 сельских Советах Алапаевского района имелось 127 постоянных комиссий, в них состояли 255 депутатов и 1191 активист (из них 942 женщины). В первой половине 1942 г. постоянные комиссии рассмотрели 1712 вопросов, 336 из них внесли на рассмотрение сессий Совета и 501 — на исполком. Постоянная комиссия здравоохранения Костинского сельсовета состояла из 14 человек. Она осуществляла контроль за выполнением решения райисполкома об очистке территорий населенных пунктов. Члены комиссии были закреплены по десятидворкам, проводили обследование квартир, вели разъяснительную работу. Все населенные пункты были приведены в хорошее санитарное состояние. По предложению комиссии детские ясли были расширены на 30 мест. Бюджетная комиссия Клевакинского сельсовета проводила работу по мобилизации средств. Ее члены распространили облигаций военного государства на 80 тыс. рублей⁴⁹.

Как показывают документы, многие постоянные комиссии сельских Советов ослабили организующую работу, чаще всего они работали по заданиям исполнительных комитетов. Оперативное решение вопросов приводило к свертыванию коллективной работы. Подавляющая часть вопросов рассматривалась на заседаниях исполкомов сельсоветов. К примеру Гуртлудский сельсовет Сюзунского района Удмуртской АССР в 1944 г. провел только 3 сессии, а исполком — 30 заседаний. На них решались вопросы подготовки и проведения весеннего сева колхозниками (7 раз), подготовки и уборки урожая, обмолота и заготовки сельхозпродуктов (6 раз), общественного животноводства (7 раз), выполнения финансового плана (4 раза), работы школ, выполнения колхозниками плана лесозаготовок, работы постоянно действующих комиссий. В сельсовете из 13 депутатов осталось только 3. К работе был привлечен актив из 60 человек. Депутаты и активисты проводили взаимопроверку состояния животноводства в колхозах, подготовку инвентаря и семян к севу. Итоги проверок обсуждались на общих

собраниях колхозников. При сельсовете было организовано дежурство, принимались заявления, жалобы граждан⁵⁰.

Деятельность сельских Советов проходила под руководством партийных организаций. Они определяли содержание и направление работы Советов, координировали их деятельность, обеспечивали подбор, расстановку и подготовку кадров советских работников. Среди депутатов сельских Советов увеличился удельный вес коммунистов, в Свердловской области с 21,3 % в 1941 г. до 23,7 % в 1945 г. Однако число коммунистов, работавших в исполкомах сельских Советов Урала, за годы войны сократилось (на начало года): 1941 г. — 9580, 1942 г. — 6711, 1943 г. — 6277, 1944 г. — 7313, 1945 г. — 8151, 1946 г. — 9426. Работа сельских Советов была зажата в тиски организационно-политического давления, которое состояло в неусыпном контроле, детальном регулировании, постоянном вмешательстве парторганов.

Сельские Советы в основном занимались мобилизацией помощи фронту.

Под контролем местных Советов во всех населенных пунктах Урала была развернута сеть оборонных кружков, военно-учебных пунктов, основная часть которых располагалась в сельской местности. Военные отделы партийных комитетов руководили общественными оборонными организациями: Осоавиахимом (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству), РОКК (Российское общество Красного Креста и Красного Полумесяца). Они были основной базой для массовой подготовки боевых резервов в начале войны. С первых дней развернулось также обучение населения мерам противовоздушной и противохимической защиты (ПВХО). В сентябре 1941 г. постановлением ГКО было введено всеобщее военное обязательное обучение (всевоуч). Всевоуч осуществлялся во взаимодействии с оборонными организациями на протяжении всей войны. Первичные организации проводили пропагандистскую работу среди населения, осуществляли военно-патриотическое воспитание. Их сеть на селе была довольно значительна. К лету 1945 г. организации Осоавиахима имелись в 82 % совхозов и МТС и 44 % колхозов Свердловской области. По данным Н. И. Эполетова, каждый третий коммунист и каждый второй комсомолец Среднего Урала, направленные в армию, были членами Осоавиахима и изучали военное дело в первичной оборонной организации⁵¹.

Добровольная организация РОКК в годы войны вовлекала тружеников села в дело укрепления санитарной обороны, увеличения числа доноров, мобилизовала на оказание помощи населению, пострадавшему от военных действий.

Партия в годы войны расширила масштабы партийно-политического влияния на сельских тружеников. И это произошло не-

смотря на сокращение числа сельских партийных организаций Урала. Коммунисты занимали ведущие позиции на производстве и в общественной жизни. Массово-политическим воздействием были охвачены все слои и группы сельского населения региона, несмотря на значительную распыленность населенных пунктов. Руководство всеми процессами на селе было сосредоточено в партийных органах. Они жестко контролировали деятельность комсомольских и профсоюзных организаций, местных государственных органов.

Общественно-политическая жизнь, ее основные направления, сложившиеся в 30-е годы, в условиях войны проявились наиболее полно: свертывание демократических начал жизни общества, ее военизация, господство чрезвычайных органов. В условиях войны закрепилось слияние партийных и советских органов. Партия взяла на себя функции хозяйственного руководства, а местные государственные органы все больше занимались политико-воспитательной деятельностью. Общественно-политическая жизнь села проходила неоднозначно. Нельзя не учитывать и широкое развитие общественной активности сельских тружеников, выразившееся в стремлении отдать все силы разгрому врага и сделать все возможное, чтобы приблизить победу.

§ 2. Патриотические движения сельских тружеников

В годы войны появились новые специфические формы проявления общественно-политической активности советских людей. Воодушевленные освободительными целями войны, они делали все возможное для победы.

Ярким выражением могучего патриотического движения явилось создание общенародного фонда обороны страны. Оно зародилось в первые дни войны и носило поначалу стихийный характер. В конце июля 1941 г. было принято решение придать движению организованный характер.

На прошедших митингах колхозники выражали готовность пойти на любые материальные жертвы во имя разгрома врага. Колхозники Варненского района Челябинской области решили ежемесячно отчислять в фонд обороны по одному трудоводу. Работники Беляевской МТС Осинского района Пермской области — однодневный заработок до конца войны — ежемесячно. С призывом отчислять по 10 трудовых обратились члены сельхозартели «Ленинский луч» Чкаловского района Оренбургской области⁵². В

создании фонда обороны страны участвовали и отдельные колхозники, и сельхозартели. По решению собраний в фонд передавалась часть средств — денег, продовольствия, подлежащих распределению по трудодням.

Колхозники Андреевского района Оренбургской области к октябрьским праздникам отчислили в фонд обороны 14 100 трудодней. Колхоз «Красный меринос» Мустаевского района, возглавляемый орденоносцем А. Якутиным, внес 1 тыс. пудов хлеба и около 3 тыс. рублей деньгами. В целом по области к октябрьским праздникам в фонд было передано 7,4 млн рублей и 6,7 тыс. ц хлеба, а к декабрю 1941 г. колхозники сдали еще 8,4 тыс. ц зерна. За 1941 г. в фонд обороны труженики Оренбуржья внесли 47 млн рублей, в 1942 г. — 29,2 млн. В 1942 г. колхозники области из личных запасов внесли 5,6 тыс. ц хлеба, а в 1943 г. было сдано 2,2 тыс. голов скота и 3 млн рублей деньгами⁵³.

Широкий размах приобрело это патриотическое движение в Свердловской области. К началу 1942 г., по данным Наркомфина СССР, от свердловчан поступило 1,2 тыс. ц мяса, 3,3 тыс. ц молока, 22,2 тыс. шт. яиц, 127 т шерсти, 2,2 тыс. ц хлебопродуктов, 95 т картофеля и 12,9 т овощей. К 1 марта 1942 г. в фонд поступило 65,7 млн рублей деньгами, 21,0 млн рублей облигациями⁵⁴. Труженики Башкирии сдали в 1941 г. 34,1 млн рублей, в 1942 г. — 51,9 млн, в 1943 г. — 4,2 млн рублей⁵⁵.

На 1 января 1942 г. в фонд обороны страны поступило около 2 млрд рублей, в том числе от уральцев — 245 млн рублей. По данным Госбанка СССР, с 1 января по 21 апреля 1942 г. в фонд обороны перечислено от уральцев 124,7 млн рублей (это 15% от поступлений по СССР)⁵⁶.

В среде колхозного крестьянства Урала родилась инициатива по сверхплановому посеву сельскохозяйственных культур. С идеей «гектаров обороны» осенью 1941 г. выступили колхозники Бузулукского района Оренбургской области и Каменского района Челябинской области. Весной 1942 г. колхозы региона засеяли 22,5 тыс. гектаров. Весь собранный с них урожай сдавался государству. Семена для посевов в большинстве случаев колхозники выделяли из личных запасов⁵⁷. В 1943 г. был организован фонд помощи колхозам, пострадавшим от немецкой оккупации. В Башкирии эти посевы составили 6,4 тыс. га, в Оренбуржье сверхплановые гектары были в 501 колхозе⁵⁸.

Осенью 1941 г. в ряде районов Урала возникла другая важная инициатива — откорм в личном хозяйстве общественного скота и передача полученного мяса в фонд обороны⁵⁹.

Стремясь оказать как можно большую помощь фронту, крестьянство в 1942 г. взяло на себя дополнительные обязательства по продовольственному обеспечению фронта. Из урожая 1942 г. колхозы Урала передали во вновь созданный фонд Красной Армии 1,5 млн ц зерна, в 1943 г. — 1,5 млн, в 1944 — 1,1 млн, в 1945 г. — 0,85 млн⁶⁰. А всего за годы войны — 4,95 млн ц хлеба.

В результате массового движения трудящихся был образован фонд здоровья защитников Родины. Его зачинателями были сельские труженики Еткульского, Красноармейского и Чебаркульского районов Челябинской области. В начале 1943 г. они передали в госпитали для раненых фронтовиков 268 тыс. л молока; 44 госпиталя получили помощь от колхозников в заготовке картофеля, овощей и других продуктов. Для улучшения питания раненых колхозы только Увельского района передали 21 ц мяса, 1200 л молока, 120 кг сметаны, 51 кг масла, 2,5 т грибов, 1,5 т овощей, 10 т картофеля, 2 т овса, 150 кг брынзы, 2300 шт. яиц. По Пермской области в фонд поступило 409,7 тыс. литров молока⁶¹.

Пятого сентября 1941 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «О сборе среди населения теплых вещей и белья для Красной Армии»⁶². В районах были проведены партийные, советские и хозяйственные активы, при райкомах партии создали комиссии по сбору теплых вещей. С депутатами районных Советов, агитаторами были проведены инструктивные совещания о развертывании разъяснительной работы среди населения. В Оренбургской области действовала 3161 комиссия по сбору теплых вещей, из них 2097 — в колхозах, 82 — в совхозах⁶³.

В ряде мест не ограничивались только сбором теплых вещей, но и организовывали их изготовление — шили обмундирование, перерабатывали овчины, валяли валенки. В Оренбургской области к 20 сентября 1941 г. было собрано 19 127 кг шерсти, 2756 пар валенок, 583 полушубка, 3296 шапок, 5233 овчины и другие вещи. В ряде районов, как посчитал обком партии, кампания по сбору теплых вещей для армии приняла политически неверную окраску как сбор «пожертвований», «сдача излишнего» и т. п.⁶⁴

В 1942 г. партийные организации организовали социалистическое соревнование среди районов, предприятий, колхозов и совхозов по сбору теплых вещей. Первенства в Челябинской области добились колхозники Далматовского района. Только в августе—сентябре 1942 г. по району было собрано 2 т шерсти и 2037 ов-

чин⁶⁵. О размахе сбора теплых вещей в Челябинской области говорят следующие данные таблицы 3.3⁶⁶.

Т а б л и ц а 3.3

Сбор теплых вещей в Челябинской области

Предметы одежды и материалы	сентябрь 1941 г. — август 1942 г.	август 1942 г. — 15 марта 1943 г.	15 марта — 15 июля 1943 г.	Всего
Полушубки	10383	6671	170	17224
Валенки	45556	31979	400	77935
Меховые жилеты	2401	637	37	3075
Меховые рукавицы	14821	5703	—	20524
Варежки шерстяные	57113	36913	750	94776
Носки шерстяные	53063	27871	1303	82237
Белье теплое, свитера	27309	6453	155	33917
Куртки, шаровары ват- ные	21829	12069	300	34198
Шапки-ушанки	31750	13396	354	45500
Шерсть, кг	92094	63951	—	156045
Овчины выделанные	22205	8370	—	30575
Овчины невыделанные	63212	22298	—	85510
Кожи	11180	2214	—	13394

За годы войны трудящиеся Удмуртской АССР собрали и отправили на фронт 51 тыс. полушубков, 57 тыс. пар валенок, 92 тыс. пар носков, 154 тыс. пар варежек и других теплых вещей. Трудящиеся Башкирской АССР передали для армии 501,1 тыс. теплых вещей, Оренбургской области — 426 тыс.⁶⁷ С весны 1943 г. сбор теплых вещей пошел на убыль (см. табл. 3.3). В ходе войны было налажено массовое изготовление всех необходимых вещей для армии.

Забота о согражданах-воинах проявилась в потоке посылок с подарками на фронт от коллективов предприятий и учреждений, колхозов и совхозов, отдельных лиц. Как и другие формы помощи трудящихся в начале войны. В конце июня 1941 г. Свердловский и фронту, это патриотическое движение возникло по инициативе Одесский обкомы и ЦК Компартии Грузии обратились в ГПИУ Красной Армии с просьбой разрешить сбор и посылку для бойцов предметов личного пользования. Инициатива была поддержана⁶⁸.

Труженики тыла посылали продовольствие, папиросы, бритвенные приборы, теплые вещи, музыкальные инструменты и пр. На протяжении всей войны подарки шли воинам к каждому революционному празднику и знаменательной дате в жизни страны: ко Дню Красной Армии, 1 Мая, к годовщине Великого Октября и др. Города, районы, промышленные предприятия, колхозы и совхозы, отличившиеся в сборе подарков, получали право командировать своего представителя для вручения посылок фронтовикам. Большой наградой для тружеников тыла была поездка на фронт.

В делегации включались участники художественной самодеятельности. Песенный ансамбль из деревни Измоденово Белоярского района Свердловской области в 1944 г. дал 140 концертов на 1-м Прибалтийском фронте⁶⁹.

Труженики Оренбуржья послали Красной Армии в 1941—1943 гг. 901,3 т подарков. За 1941—1944 гг. фронтовики получили из Башкирской АССР 362 вагона с подарками: 505 т мяса и рыбы, 27,2 т масла, 107,8 т сахара, конфет и меда, 298,6 т печенья и пряников, 5 т ягод, 286,5 тыс. шт. яиц, 81 т макарон и круп, 1425,6 т овощей, 30,4 т табака, 90 394 л вина, 4575 л одеколona и 359 406 индивидуальных подарков⁷⁰.

Отправка фронтовикам подарков к праздникам стала патриотической традицией, имевшей важное политическое значение. Подарки воинам были свидетельством единства народа с армией, доказательством того, что труженики тыла жили нуждами и интересами армии и готовы всем помочь фронтовикам.

С декабря 1941 г. и до конца войны трудящиеся Челябинской области отправили на фронт 14 эшелонов в количестве 613 вагонов с подарками (на сумму 226,3 млн рублей, в их числе на 1,56 млн рублей индивидуальных подарков)⁷¹.

Десятки тысяч писем получали труженики тыла с фронта, их читали коллективно. Воины писали: «...Ваше внимание и забота о бойцах фронта еще крепче укрепляет боевой дух и уверенность в окончательном разгроме гитлеровских орд», «...на вашу заботу мы ответим боевыми делами доблести и геройства»⁷².

С огромной радостью труженики городов и сел Урала встречали делегации фронтовиков. На многолюдных митингах и собраниях участники боев с врагом рассказывали о боевых делах, призывали уральцев усиливать помощь фронту. На этих встречах подводились итоги соревнования труженников тыла за оказание всемерной помощи фронту. В Свердловской области колхозники соревновались за получение одного из Красных Знамен, учрежденного Третьей гвардейской стрелковой дивизией, сформированной на Среднем Урале; башкирские колхозники соревновались за Красное Знамя кавалерийской добровольческой дивизии, сформированной в республике; сельские труженики Пермской области — за переходящее Красное Знамя Северо-Западного фронта⁷³. Тесная связь тыла с фронтом поднимала политическую активность труженников села, повышала их ответственность за работу колхозов, совхозов и МТС.

В дни, когда враг подступал к столице, возникло движение за создание фонда вооружения Красной Армии. Уже в октябре 1941 г. начался сбор средств на танковые колонны силами комсомольцев и молодежи Свердловской и Челябинской областей⁷⁴. В Челябинской области с этой инициативой выступили комсомолы

абразивного завода и Каргапольского района. Бюро обкома ВКП (б) в решении от 5 ноября 1941 г. одобрило начин создания танковой колонны имени Челябинского комсомола. Средства на постройку колонны собирались из личных взносов и от заработков на воскресниках. Комсомольцы Каргапольского района передали 162 тыс. рублей. В решении бюро обкома партии «О строительстве танковой колонны имени Челябинского комсомола» 16 января 1942 г. отмечено, что комсомольцы и молодежь собрали 7,9 млн рублей. Работа по созданию колонны проводилась сверх установленного правительством задания и во внеурочное время. К 24-й годовщине Красной Армии была построена 41 боевая машина «КВ» с комсомольской эмблемой на броне⁷⁵.

Комсомольский актив Уфы в ноябре 1941 г. призвал молодежь республики построить эскадрилью самолетов имени комсомола Башкирии. Сельские комсомольцы активно включились в это патристическое начинание. Каждый комсомолец колхоза «Память Ленина» Бакалинского района перечислил стоимость 20 трудодней. Молодежь республики собрала 3 млн рублей на создание эскадрильи истребителей⁷⁶.

По почину пионеров и школьников Полевского района в Свердловской области развернулся сбор денег на танки «Пионер». Все заработанное на уборке урожая было перечислено ими на постройку танка им. П. Морозова. Обком комсомола поддержал начин и принял решение о сборе средств на танковую колонну «Свердловский комсомолец». В течение 1941 г. в фонд колонны поступило 16,5 млн рублей и 1 мая 1942 г. Красная Армия получила первую танковую колонну «Свердловский комсомолец». К концу 1942 г. за 15 дней собрали на вторую колонну 10,1 млн рублей. В 1943 г. ушла на фронт третья танковая колонна «Свердловский комсомолец», на постройку которой было собрано 22 млн рублей. Комсомольско-молодежный тракторный отряд И. С. Киселева из Режевской МТС (10 человек) внес на строительство танковой колонны 624 тыс. рублей. Трактористка Т. Наумова из этого отряда внесла 75 тыс. рублей. К одному из танков была прикреплена табличка с ее именем. Всего за годы войны комсомольцы и молодежь Свердловской области собрали на вооружение 53 млн рублей⁷⁷.

В октябре 1941 г. первыми в Оренбургской области перечислили на постройку танка «Пионер» 200 трудодней учащиеся средней школы Исаповского района. В ноябре 1941 г. по почину колхозников зоны Шарлыкской МТС Шарлыкского района и коллектива Оренбургского завода имени Кирова начался сбор средств на танковую колонну имени В. П. Чкалова, чье имя носили областной центр и область.

Собрание сельхозартели «Ленинский путь» Чкаловского района единодушно решило выделить на постройку танка 150 тыс. рублей и назвать его именем своего колхоза. Всего по области на постройку танков было собрано 12 076 тыс. рублей⁷⁸. В середине 1942 г. танковая колонна имени В. П. Чкалова была передана на вооружение Красной Армии.

Второго октября 1942 г. колхозники Октябрьского района предложили в честь Великого Октября построить еще одну танковую колонну имени В. П. Чкалова. На ее строительство к началу 1943 г. от тружеников области поступило 70 млн рублей. В телеграмме Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину от 25 февраля 1943 г. сообщалось, что собрано еще 30 млн рублей. Таким образом, общая сумма составила 100 млн рублей. Колхозники сельхозартели «Свободная жизнь» Тоцкого района (председатель И. Анисимов, секретарь парторганизации И. Смольков) внесли из личных сбережений 1 млн рублей. Такую же сумму внесли колхозники из «Ленинского луча» Чкаловского района, каждый двор внес в среднем по 4 тыс. рублей⁷⁹.

На средства трудящихся Башкирской АССР к концу марта 1942 г. были сформированы две кавалерийские дивизии. В августе—сентябре 1942 г. комсомольцы и молодежь Удмуртской АССР создали и на собственные средства вооружили добровольческий противотанковый артиллерийский дивизион. В течение войны они пополняли его бойцами, вооружением и боеприпасами⁸⁰.

Огромного размаха сбор средств на вооружение Красной Армии достиг осенью 1942 г. В колхозе «Новый путь» Верхнемурлинского района Пермской области 4 октября 1942 г. было решено начать сбор денег на строительство самолетов для Северо-Западного фронта. Уже к 25-й годовщине Октября колхозники этого района передали на вооружение 2,3 млн рублей, а в целом по области на эскадрилью самолетов «Молотовский колхозник» было собрано 10 млн рублей⁸¹.

Сбор средств на оснащение Красной Армии боевой техникой, начавшийся в первые месяцы войны, широко распространился по Уралу. С инициативой тамбовских и саратовских колхозников можно связать начало второго этапа этого движения. Его отличительной чертой явилась передача тружениками тыла на вооружение армии крупных сумм денег из личных сбережений. Инициатором почина был саратовский колхозник Ф. П. Головатый. В каждой области и республике Урала у Ф. П. Головатого оказались последователи. По нашим данным, 100 тыс. рублей и более внесли 76 сельских тружеников Урала (73 взноса). Только они передали 7,6 млн рублей, 37 крупных взносов внесли сельские труженики Оренбуржья, 15 — Удмуртии, 7 — Пермской области, 5 — Свердловской, 5 — Челябинской, 4 — Башкирии. Среди них

20 председателей колхозов, 2 бригадира, 2 заведующих фермами, 37 рядовых колхозников, 5 трактористов, 4 бригадира тракторных бригад, 2 комбайнера, один председатель сельского Совета⁸².

На следующий день после сообщения в печати о патриотическом поступке Ф. П. Головатого колхозник из Оренбургской области И. П. Бородин в письме Верховному Главнокомандующему сообщил, что отдал на строительство самолета 120 тыс. рублей, а жена В. А. Бородина — 52 тыс. И. П. Климов из Удмуртии сдал 155 тыс. рублей личных сбережений, по 150 тыс. рублей сдали И. И. Богомолов, А. Б. Бисембаев и Ш. Хаматов из Оренбуржья и С. А. Семакин, Н. Ф. Смирнов, А. С. Утробин из Удмуртии. Некоторые из них сделали подписку на военные займы на крупные суммы и передали облигации в фонд вооружения Красной Армии. В целом по стране к апрелю 1943 г., по данным А. М. Синицына, 247 сельских патриота страны передали государству на покупку вооружения для фронта 36,5 млн рублей⁸³.

Несколько уральцев сражались на купленных ими машинах. Коммунист И. С. Андреев из с. Косулино Куртамышского района Челябинской области после почина Ф. П. Головатого написал письмо в Москву, спрашивая можно ли на свои деньги купить танк и на нем бить фашистов? Ответ был положительным. Андреев внес на покупку машины все имевшиеся у него трудовые сбережения, продал дом. Танк он получил в Нижнем Тагиле, на башне была надпись: «Личный танк Андреева». В 1943 г. в боях за Великие Луки танк был подбит. Экипаж сам его отремонтировал. В боях под Либавой танк вновь получил повреждения, осколком убило радиста Г. Зубова, тяжело ранило механика А. Белоусова, но он сумел вывести машину из-под обстрела, за что ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Когда кончилась война, И. С. Андреев вернулся к мирной жизни, работал председателем колхоза, свой танк он передал лучшему воину части. Иван Сергеевич был награжден двумя орденами Красной Звезды и несколькими медалями⁸⁴.

В сборе средств на вооружение участвовало эвакуированное на Урал население. Женщины-эстонки, трудившиеся в Увельском и Макушинском районах Челябинской области, отдали свои обручальные кольца на танки «За Советскую Эстонию». Приехавшие в Варгашинский район Курганской области А. М. Морозова и С. А. Гапольская сдали 11 тыс. рублей. Мать четверых детей А. М. Морозова передала половину своего апрельского пайка на семена для колхоза, поскольку никаких запасов продовольствия у нее не было⁸⁵.

Колхозники Еткульского, Шадринского районов предложили начать сбор средств на колонну танков «Челябинские колхозники». Средства на ее строительство поступали как от коллективов

сельхозартелей, так и от отдельных лиц. Колхоз «Марксист» Аргаяшского района выделил 300 тыс. рублей. Председатель колхоза «Красный партизан» Верхнеуральского района А. А. Захаров сделал личный взнос в 121,5 тыс. рублей, колхозник из сельхозартели имени Сталина этого же района Н. А. Сергеев — 100 тыс. рублей⁸⁶. Подъем патриотического движения среди сельских тружеников вызвал участие в сборе средств всех трудящихся области. Рабочие, инженерно-технические работники, служащие Магнитогорска внесли на танковую колонну более 4 млн рублей, коллектив Кировского завода — 3 млн рублей. В кратчайший срок в области было собрано 90 млн рублей⁸⁷. Двадцатого декабря 1942 г. колхозники Бродокалмакского, Еткульского, Курганского, Миасского, Октябрьского, Сосновского, Уксянского, Чебаркульского районов обратились с письмом к рабочим Кировского завода с просьбой изготовить на собранные средства танки.

К 1 января 1943 г. колонна, состоявшая из 150 танков, с надписями «Челябинские колхозники», была готова. На празднике передачи колонны представителям воинской части директор завода А. А. Горегляд объявил, что заказ колхозников выполнен, танковая колонна готова к отправке на фронт. Колхозник А. А. Захаров сказал: «...Пусть наш вклад помогает делу освобождения наших священных советских земель от фашистских захватчиков. Дорогие войны! Берите в свои могучие руки эти чудесные машины, несите смерть немецким бандитам!»⁸⁸

Колонна «Челябинские колхозники» была направлена на фронт в танковую бригаду полковника Невжинского и вступила в бой на завершающем этапе Сталинградской битвы. Танкисты поддерживали тесную связь с южноуральцами. В одном из писем они сообщали: «...Заверяем вас, дорогие товарищи челябинцы, что в будущих боях на боевых машинах, построенных на ваши сбережения, так же беспощадно будем громить озверелых врагов нашей Родины — германских фашистов и их союзников». После Сталинграда бригада, дравшаяся с врагом на челябинских танках, была преобразована в 27-ю отдельную гвардейскую танковую бригаду. Она участвовала в прорыве блокады Ленинграда, в битве под Курском, освобождала Украину, Молдавию, сражалась в Румынии, Венгрии, Чехословакии⁸⁹.

На этом сбор денежных средств в области не окончился. К февралю 1943 г. в ответ на благодарственную телеграмму председателя ГКО И. В. Сталина было собрано еще 91,6 млн рублей. Всего на танковую колонну «Челябинские колхозники» было собрано 181,6 млн рублей⁹⁰.

В это же время по почину колхоза «Коминтерн» Камышловского района в Свердловской области развернулось движение по сбору средств на эскадрилью самолетов «Свердловский колхозник».

Всего было собрано 160,8 млн рублей⁹¹. С большим подъемом проходил сбор средств на строительство самолетов «Башкирский истребитель», начавшийся по инициативе колхоза имени Ромашенко Уфимского района. К февралю 1943 г. по республике было собрано 131,8 млн рублей. На 80 млн рублей, собранных колхозниками Удмуртской АССР, была построена танковая колонна. Верующие русской православной церкви сдавали деньги на танки «Дмитрий Донской» и «Александр Невский»⁹².

Кульминацией движения за оказание материальной помощи Красной Армии было создание Уральского добровольческого танкового корпуса. Объединенные усилия всех партийных, комсомольских организаций, советских органов, предприятий и учреждений, колхозов, МТС и совхозов Пермской, Свердловской и Челябинской области слились с уже действовавшими формами помощи фронту. Вооружение и снаряжение для корпуса производилось сверх государственных планов из средств, собранных населением этих областей. Для корпуса было построено 225 танков и САУ, 116 орудий и минометов, 8 гвардейских минометов, 68 бронемашин, 1928 автомобилей, пулеметы, автоматы, пистолеты, мотоциклы и прочее согласно штатной потребности. Каждому воину выдавалось обмундирование и снаряжение индивидуальная продуктовая посылка, набор предметов первой необходимости. Начав свой боевой путь с Курской битвы, корпус закончил войну 9 мая 1945 г. в Праге⁹³.

По данным Госбанка СССР, в фонд Красной Армии за период с декабря 1942 г. по 1 апреля 1943 г. поступило с Урала 930,2 млн рублей (в том числе от сельского населения — 553,4 млн) — это 12,6 % всех поступлений по стране. По данным печати, на 26 марта 1943 г. поступления с Урала составляли 860,3 млн рублей, а по данным финансовых органов, сумма взноса от уральцев равнялась 978,5 млн рублей⁹⁴.

С апреля 1943 г. прием добровольных взносов от населения в фонд строительства для фронта различного вооружения был прекращен. Однако перерыв, вызванный выпуском 2-го военного займа, оказался непродолжительным. Молодежь Среднего Урала развернула движение за сбор средств на третью танковую колонну «Свердловский комсомолец». В начале 1944 г. комсомольцы Оренбургской области собрали 3 млн рублей на изготовление звена катеров класса «Морской охотник», которые были спущены на воду в июне 1944 г. в Балтийское море. В Курганской области летом 1944 г. прошел сбор средств на эскадрилью самолетов «Курганские совхозы». Всего за 1943—1944 гг. курганцы внесли на вооружение Красной Армии 24,2 млн рублей и передали в фонд обороны 9,6 млн рублей⁹⁵.

В начале 1944 г. в канун 25-летия образования Башкирской АССР трудящиеся республики передали на строительство авиаэскадрильи 86 млн рублей. Добровольная помощь фронту поднимала боевой дух армии, повышала у бойцов чувство ответственности за судьбу Родины. Принимая от делегации башкирских колхозников боевые самолеты, командир одной из частей сказал: «Построенные на ваши средства самолеты — дорогой подарок для нас... Принимая ваш дар, мы обещаем отблагодарить за него боевыми делами на фронте. Надпись на борту ваших самолетов «Колхозник Башкирии» будет всегда вдохновлять наших летчиков на боевые подвиги»⁹⁶.

Трудящиеся Оренбуржья оказали братскую помощь в создании Чехословацкого батальона — первой иностранной воинской части, сформированной на территории СССР. Уральские организации Союза польских патриотов собрали средства на танки «Мститель Хатыни».

По данным Госбанка СССР, с 1 января по 24 мая 1944 г. от уральцев в фонды обороны и Красной Армии поступило 181,3 млн рублей, в том числе 148,1 млн рублей наличными. Этот взнос Урала составлял 19,9 % от поступлений по РСФСР⁹⁷.

Всего за годы Великой Отечественной войны в фонд обороны Родины и на строительство боевой техники для фронта от советских людей поступило около 24 млрд рублей⁹⁸. Помощь уральцев приблизительно составляла 2208 млн рублей (9,2 % от общей суммы, собранной по стране). Патриотическое движение колхозников, работников МТС и совхозов за сбор личных сбережений на вооружение Красной Армии отразило стойкость, сознательность тружеников села, стремившихся приблизить час победы. Это была величайшая по масштабам бескорыстная помощь народа своему Отечеству.

Крупные суммы денег поступили от населения в виде подписки на военные займы и распространения денежно-вещевых лотерей. Первый военный заем на сумму 10 млрд рублей был выпущен в апреле 1942 г.

Подписку на Урале проводили под лозунгом «Ни одного трудящегося без облигации государственного военного займа 1942 г.» Челябинский обком партии утвердил план подписки на сумму 305,8 млн рублей, в том числе среди рабочих и служащих — на 250 млн, среди колхозников — на 41,8 млн, среди колхозов и промартелей — на 14,2 млн рублей. В разъяснительной работе подчеркивалось, что выпускаемый заем имеет целью мобилизацию средств трудящихся на финансирование производства танков, самолетов, минометов и другого оружия для ускорения разгрома фашистских захватчиков. Подписка прошла быстро и организованно.

К 10 мая 1942 г. было размещено облигаций на сумму 366,7 млн рублей (119 % к плану). В Еткульском, Брединском, Миасском и Сосновском районах плановые суммы оказались перекрыты в первый день. В сельской местности подписка составила 58,4 млн рублей (140,4 % к плану)⁹⁹.

В Пермской области заем был размещен за 3 дня, на 25 апреля 1942 г. сумма подписки составила 274,1 млн рублей. В среднем на одного колхозника пришлось по 197 рублей подписки. В Удмуртии было распространено облигаций на 156,8 млн рублей, в том числе колхозники подписались на 45,4 млн. В Башкирии подписка составила 255,9 млн рублей, в том числе среди колхозников — 117,5 млн рублей. В Оренбургской области заем был размещен за 6 дней, колхозники подписались на 45,4 млн рублей¹⁰⁰.

Размещение второго военного займа прошло с еще большим подъемом. Красная Армия одержала победу под Сталинградом. Советские люди со всей полнотой ощутили приближение долгожданной победы.

Многие патриоты отдавали все свои сбережения, подписывались на 50, 75, 100 тыс. рублей. В Удмуртии 150 тыс. рублей дал займы государству 60-летний колхозник сельхозартели «Активист» Ф. И. Байгулов. Два его сына сражались на фронте, один из них погиб. Подписываясь на заем, Филипп Иванович сказал: «Пусть наши средства ускорят победу Красной Армии над гитлеровскими бандитами. Ненависть охватывает меня при мысли о враге». 100 тыс. рублей он внес наличными. На 50 тыс. рублей подписалась передовой пахарь республики Анна Шабалина. Члены тракторной бригады П. Аплаева из Манчажской МТС Свердловской области приобрели облигаций на 100 тыс. рублей и внесли их на строительство танка¹⁰¹. Подписка на заем стала одной из форм участия трудящихся в укреплении своего государства. Люди хорошо знали, куда шли их сбережения. Подписка на второй военный заем по РСФСР составила 13 084 млн рублей, по Уралу — 2523 млн (15,5 % от подписки по республике)¹⁰².

Успешно проходила подписка на третий (1944 г.) и четвертый (1945 г.) военные займы. В 1944 г. сумма подписки была выше, чем в предыдущем году. Колхозники Челябинской области приобрели облигаций на 42,5 млн рублей, в 1945 г. — на 53,2 млн рублей. В большинстве случаев подписка в деревне проходила одновременно со сдачей денежных взносов, часто наблюдались случаи выдачи облигаций в счет трудодней¹⁰³.

Труженики Оренбуржья подписались в 1943 г. на 256 млн рублей, в 1944 г. — на 276,2 млн, в 1945 г. на 203,1 млн. В 1944 г. в подписке участвовало 82 % колхозников области. За годы войны оренбуржцы приобрели облигации четырех военных займов на сумму 894,3 млн рублей, из них подписка колхозников составила

38 %. Вклад тружеников Удмуртии в военные займы составил 809 млн рублей. Сумма подписки в 1942—1945 гг. в Челябинской области составила 1471,2 млн рублей, в Башкирской АССР — 1444,5 млн. В целом по СССР было размещено облигаций займов на 89 708 млн рублей¹⁰⁴.

Труженики Урала активно приобретали билеты денежно-вещевых лотерей. За годы войны было выпущено четыре лотереи. В Оренбургской области было реализовано лотерейных билетов в 1942 г. — на 15,7 млн. рублей, в 1943 г. — на 40,7 млн рублей, в 1944 г. — на 47,7 млн рублей, половина билетов была распространена среди колхозников. В Пермской области в 1942 г. было приобретено лотерейных билетов на 40 млн рублей, в 1944 г. — на 60 млн. За годы войны трудящиеся Удмуртии приобрели билетов денежно-вещевых лотерей на 157,2 млн рублей, труженики Башкирии — на 239 млн. Всего за годы войны среди населения страны было распространено билетов лотерей на 13 052 млн рублей¹⁰⁵.

Нельзя утверждать, что подписка на займы и приобретение билетов лотерей проходили исключительно добровольно, как это подается в ряде публикаций. Для районов, колхозов, совхозов и других организаций села партийные органы устанавливали планы и объемы реализации подписки и сдачи денег. Так, в письме, разосланном оргбюро профсоюза рабочих совхозов Востока в июле 1942 г., содержалось следующее разъяснение: «...Размещение (второй денежно-вещевой лотереи) производится среди рабочих и служащих на уровне в среднем 10 % месячной заработной платы, а среди колхозников и другого населения в размере одной третьей части суммы их подписки на военный заем. Размещение билетов лотереи начнется 25 июля и должно быть полностью закончено со 100 % охватом работающих и членов семей подпиской в семидневный срок». А в постановлении оргбюро профсоюза рабочих совхозов Центра (октябрь 1944 г.) «О проведении четвертой денежно-вещевой лотереи» было записано: «...распространяя билеты... лотереи на основе полной добровольности, рекомендовать рабочим и служащим приобретать билеты в среднем на сумму 10—12 % их месячной заработной платы»¹⁰⁶. Вторая часть разъяснения указывала местным работникам объемы сумм распространения лотереи. На вторую лотерею по 39 профсоюзным организациям совхозов Оренбургской области с числом работающих 10,3 тыс. человек и фондом зарплаты в 2,9 млн рублей подписались 8,2 тыс. человек на сумму 523 тыс. рублей¹⁰⁷.

Всего за годы войны трудящиеся Урала, по нашим расчетам, приобрели облигаций государственных займов и билетов денежно-вещевых лотерей на 10,8 млрд рублей, что составило более 10 % от общих поступлений по стране.

Взносы сельских тружеников Урала в фонд обороны и строительство боевой техники, активное участие в реализации займов и лотерей, сбор теплых вещей и посылка подарков фронтовикам оказали значительную материальную и финансовую помощь Красной Армии. Нарком финансов СССР А. Г. Зверев отмечал, что в годы войны 70 % государственных доходов поступило от социалистического хозяйства, из остальных 30 % примерно половину дали налоговые поступления от населения, половину — добровольные взносы: подписка на государственные займы и взносы трудящихся в фонд обороны¹⁰⁸.

Семьям фронтовиков оказывалась поддержка в удовлетворении материально-бытовых нужд: выдача пособий и предоставление льгот, снабжение продовольствием, топливом, одеждой и обувью, оказание помощи в ремонте домов, в обработке огородов. При райкомах партии действовали комиссии при райисполкомах были созданы отделы помощи семьям военнослужащих.

На пленуме Удмуртского обкома ВКП (б) отмечалось, что в республике с начала войны и до марта 1943 г. выплачено государственных пособий семьям военнослужащих на сумму 93,5 млн рублей. Более 100 тыс. семей получили льготы по налогам на 1943 г. и более 47 тыс. семей — льготы по обязательным поставкам сельхозпродуктов. В феврале 1943 г. во всех районах прошел декадник помощи семьям фронтовиков, было обследовано 66 тыс. семей. За время декадника им привезли 36 тыс. кубометров дров, 5 тыс. пар обуви, выдали 205 т хлеба, более 32 т других продуктов. Единоразовыми пособиями выдано 264 тыс. рублей¹⁰⁹.

«Забота о семьях воинов Красной Армии — это наше кровное дело, — заявил 67-летний колхозник К. Д. Неваленов из Половинского района Курганской области. — Вношу в фонд помощи семьям фронтовиков 60 пудов хлеба из личного запаса». За 1943—1944 гг. в Курганской области в фонд помощи семьям защитников Отчизны поступило от населения 11 млн рублей, 30 тыс. пудов хлеба, 319 тыс. пудов картофеля и овощей, 1963 головы скота, 600 тыс. л молока, 89 ц шерсти и 115 тыс. предметов одежды, белья, обуви¹¹⁰.

В Челябинской области во время войны проходило несколько декадников по оказанию помощи семьям фронтовиков. Один из них проводился в феврале 1943 г. В Верхнеуральском районе для его проведения было создано 114 комиссий. Они обследовали более 1 тыс. семей фронтовиков и эвакуированных эстонских граждан. Наиболее нуждавшиеся семьи получили теплые вещи, изготовленные в промартелях или выделенные из колхозных фондов, продукты питания, собранные большей частью у населения. В колхозе «Красная звезда» помощь оказывалась 20 семьям¹¹¹.

В результате развернувшегося движения по оказанию помощи семьям фронтовиков в 1944 г. по Башкирии от предприятий, колхозов и населения поступило более 7 тыс. пудов зерна, 6360 пудов мясoproдуктов, более 220 тыс. пудов картофеля и овощей, более 7 тыс. пудов шерсти. В 1945 г. семьи бойцов и командиров получили 3326 тыс. рублей, 1200 т хлеба, 9 тыс. голов скота, 56 тыс. м хлопчатобумажных тканей, 15 тыс. предметов одежды, 27 тыс. пар обуви¹¹². В условиях нехватки одежды и обуви, недостатка продуктов питания это была существенная помощь.

Особую заботу и милосердие проявили уральцы к детям фронтовиков, и прежде всего к воспитанникам детских домов и интернатов, эвакуированных на Урал.

Детские учреждения были большей частью размещены в сельской местности. Для них выделялись по мере возможности лучшие помещения, создавались подсобные хозяйства. По почину сельхозартелей им. Ленина, «Заветы Ильича», «Путь к коммуне» и им. Сталина Шадринского района Челябинской области с января 1942 г. создавался фонд продуктов питания и детских вещей для эвакуированных детей из прифронтовой полосы, было организовано шефство колхозов над детскими учреждениями. Призыв шадринских колхозников нашел отклик не только на Урале, но и распространился по всей стране¹¹³.

Помощь эвакуированным детям, детям фронтовиков приобрела в годы войны всенародный характер. По инициативе партийных и комсомольских организаций проводились месячники, двухнедельники, декадники помощи детям. В это время тысячи уральцев выходили на заготовку дров для детских учреждений, шили и чинили одежду и обувь, ремонтировали помещения, изготавливали мебель.

Комсомольцы и молодежь Челябинской области к 25-й годовщине ВЛКСМ собрали в фонд помощи детям 600 тыс. рублей, 7 тыс. комплектов одежды, 5 тыс. пар обуви, оборудование и инвентарь для детских домов и интернатов, собрали десятки центнеров продовольствия. На средства комсомольско-молодежного детского фонда были открыты 9 детских домов, 1 санаторий, установлены 600 стипендий учащимся¹¹⁴.

Под комсомольскую опеку были взяты дети воинов 10-го Гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса и танковой бригады имени Челябинского комсомола. Колхоз «Новое поле» Сосновского района и «Марксист» Аргаяшского выделили по 300 кг хлеба. Всего в фонд поступило 10 млн рублей. Для детей собрали 35 тыс. пар обуви, 20 тыс. комплектов белья, 55 тыс. пальто¹¹⁵. В Свердловской области 25-й годовщине Красной Армии детям фронтовиков было передано 39 тыс. пар валенок, 6 тыс.

пар кожаной обуви, 16 тыс. предметов различной одежды, 6 тыс. м ткани¹¹⁶.

По почину комсомольцев Красногорского колхоза Граховского района в Оренбургской области с января 1944 г. развернулось движение за создание продовольственного фонда помощи детям фронтовиков. В 19 районах были открыты 68 столовых для детей фронтовиков. В Курганской области были открыты 11 межколхозных детских домов для оставшихся без родителей детей. Колхозы, входившие в Беркутовский сельский Совет Ольховского района, на свои средства открыли летом 1943 г. детский дом на 100 мест. На его организацию они выделили 48 тыс. рублей, отпустили продукты питания¹¹⁷.

Забота об укреплении мощи Красной Армии, о семьях фронтовиков, инвалидах войны и детях, находившихся в детских домах и интернатах, оказывали благотворное влияние на повышение боеиспособности, морального духа защитников Родины. Об этом свидетельствуют многочисленные письма с фронта. В Ольховский и Половинский райкомы партии фронтовики писали: «Ваше хорошее отношение к семье фронтовика я расцениваю как уважение и любовь к Красной Армии... Обещаю, пока бьется мое сердце, пока мои глаза видят цель, бить ненавистного врага...»; «За проявленную заботу о моей семье приношу искреннюю благодарность. Обещаю отдать все силы, знания, способности на дело защиты Родины»¹¹⁸.

Всенародная помощь фронту, постоянная моральная и материальная поддержка, забота о бойцах, их семьях поднимали боевой дух солдат и офицеров, умножали их боеиспособность. Все это сплачивало советских людей, укрепляло союз рабочих и крестьян, усиливало единство фронта и тыла. Общенародное движение помощи фронту было одним из источников роста силы и боевой мощи Советской Армии.

Начавшееся изгнание фашистских захватчиков с советской земли поставило задачу возрождения жизни западных районов страны, вовлечения их ресурсов в общее дело разгрома врага. Безусловно, главную роль в возрождении экономики и налаживании жизни населения в освобожденных районах сыграли централизованные мероприятия государства, но одновременно с этим горячее участие в оказании помощи приняли общественные организации и трудящиеся тыловых районов. Уже в начале 1942 г. на Урале приступили к созданию фонда помощи населению освобожденных районов. По почину колхозов «14 лет Октября» и имени Ленина Курганского района в феврале 1942 г. в Челябинской области начался сбор семенного зерна для освобожденных районов. В честь международного женского дня 8 Марта для женщин и детей пострадавших районов трудящиеся Саткинского района собрали подар-

ки. В марте 1942 г. делегация челябинцев выехала в районы Московской области с подарками в 38 вагонах¹¹⁹.

Труженики Урала хорошо знали, какие огромные разрушения принесли фашисты Ленинграду, восхищались мужеством, стойкостью и упорством населения города. Большое значение для возрождения промышленности, всей жизни блокированного города имела эвакуация с Урала оборудования Волховской ГЭС, и в сентябре 1942 г. город получил электричество. В 1942—1943 гг. из Пермской и Свердловской областей, Башкирской АССР в Ленинград было направлено 41,9 тыс. т различных продуктов, 500 тыс. банок сгущенного молока, из Оренбургской области было отправлено 1063 вагона с продовольствием. Утром 7 февраля 1943 г. к Финляндскому вокзалу подошел первый поезд с Большой земли — в 22 вагонах-ледниках он доставил 800 т масла от трудящихся Челябинской области¹²⁰.

Наибольшего размаха патриотическое движение помощи населению освобожденных районов достигло в 1943 и 1944 гг. ЦК ВКП (б) и СНК СССР приняли 21 августа 1943 г. специальное постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации»¹²¹. Партия и правительство обобщили опыт этой работы в 1942—1943 гг. и наметили крупные меры решения важной государственной задачи. Значительно были увеличены масштабы восстановительных работ за счет государственных средств. Одновременно возросла помощь советских людей освобожденным районам. Каждая республика и область Урала установила шефство над освобожденными от врага территориями. Челябинская область помогала налаживать жизнь Курской области, Пермская — Ростовской и Смоленской, Свердловская — Краснодарского края, Оренбургская — Ставропольского края.

Бюро Башкирского обкома ВКП (б) в августе 1943 г. приняло постановление об оказании помощи Ворошиловградской области и образовало республиканский комитет во главе с председателем СНК БАССР С. А. Вагановым. Труженики сельского хозяйства автономной республики направили в подшефную область 15 тыс. лошадей, 18 тыс. овец, 9 тыс. свиней, 7 тыс. голов крупного рогатого скота, зерно, картофель семена, 210 тракторов, бороны, жатки, конные плуги, сеялки и другой инвентарь. Колхозники украинской сельхозартели имени Дзержинского, получив скот и инвентарь из колхоза «Маяк» Уфимского района, писали своим шефам: «Спасибо вам, родные, за теплое сердечное письмо и братскую помощь. День получения вашего письма был для нас настоящим праздником. Оно влило в нас новые силы, подбодрило нас. Вашей заботы и внимания, дорогие друзья, мы никогда не забудем»¹²².

К весне 1944 г. МТС Курской области получили от челябинцев на 400 тыс. рублей инструментов, 300 различных станков. Они были распределены в 50 МТС, где полностью отсутствовало станочное оборудование. Всего за годы войны в порядке помощи в Курскую область южноуральцы отправили около 800 вагонов с различными материалами, станками, инструментами, оборудованием, продуктами и скотом¹²³.

Значительной была помощь в оснащении сельскохозяйственной техникой освобожденных районов. К весне 1943 г. только из Пермской и Челябинской областей, Башкирской АССР в освобожденные районы было передано 1440 тракторов. За 1943 г. из зерносовхоза «Маяк» Соль-Илецкого района Оренбургской области в Ростовскую область было направлено 14 тракторов (из них 12 гусеничных), 24 тракторные сеялки, 30 тракторных плугов и 12 комбайнов. А всего за 1943—1945 гг. из МТС и совхозов Оренбургской области было передано в освобожденные районы 1977 тракторов, 89 комбайнов, 2893 автомашины¹²⁴.

В западные районы посылались руководители, специалисты сельского хозяйства, механизаторы. Пермская область направила 456 специалистов сельского хозяйства (12 директоров МТС, 11 механиков, 36 агрономов, 31 бухгалтера, 68 бригадиров тракторных бригад и 298 механизаторов). В 1943 г. из области выехали 44 партийных работника (среди них 14 секретарей райкомов партии, 4 заведующих отделами, 2 лектора обкома партии). К весне 1943 г. в Краснодарский край и Ростовскую область южноуральцы послали 1319 трактористов, 256 комбайнеров и 113 бригадиров. За 1943—1945 гг. из Башкирии в освобожденные районы прибыло более 700 руководящих работников и около 1 тыс. специалистов различных квалификаций. За это же время из Оренбургской области на работу по восстановлению народного хозяйства выехало около 5 тыс. руководящих работников и специалистов сельского хозяйства, из них 2 тыс. — это кадры, прибывшие по эвакуации¹²⁵.

По данным Госбанка СССР, на 6 октября 1943 г. в помощь колхозам и колхозникам освобожденных от оккупации районов, на восстановление Сталинграда от уральцев поступило 11,2 млн рублей (это 9 % от всех поступлений по СССР). За первые два месяца 1944 г. для освобожденных районов в Госбанк СССР от труженников Урала поступило 6,5 млн рублей (7,6 % от суммы по стране)¹²⁶. Помощь освобожденным районам оказывалась в то время, когда колхозы и совхозы региона сами испытывали громадные затруднения и с рабочей силой и с материально-техническим снабжением.

В годы войны, когда в городах Урала возникли серьезные продовольственные затруднения, на помощь рабочему классу пришло крестьянство. В феврале 1942 г. члены сельхозартели «Ударник»

Ижевского района обратились ко всем колхозникам Удмуртии с письмом о расширении колхозной торговли на рынках городов. Они писали: «Мы обязуемся регулярно продавать излишки хлеба на рынках г. Ижевска. Мы не ограничиваемся тем, что выделяем продукты из колхозного фонда. Каждый колхозник будет продавать имеющиеся у него излишки. Чтобы торговля шла бесперебойно, решили открыть на базаре свой ларек». Обращение подписали председатель колхоза М. А. Иванов, секретарь партийной организации Д. И. Васильев. Призыв нашел отклик в республике¹²⁷.

В Свердловской области с патриотической инициативой выступили труженики Петрокаменского района, которые отправили «красные обозы» с продовольствием на рынки Нижнего Тагила. В течение трех дней было укомплектовано 100 подвод с продовольствием из 40 колхозов, и 2 февраля 1942 г. обоз, украшенный красными флагами и плакатами с надписью «Дадим больше мяса и хлеба творцам грозного оружия!», прибыл в город. Горожанам было продано 300 ц различных продуктов, в том числе — 100 кг сливок, 3600 кг мяса, 147 кг масла, 1970 кг ржаной муки, 1329 кг гороха, 7500 кг картофеля, 2800 кг овса и т. д.¹²⁸

Вскоре колхозы Арамилевского, Белярского и Режевского районов организовали «красные обозы» для рынков Свердловска. В город прибыло 50 подвод с 60 т продуктов. За февраль 1942 г. в Свердловск было направлено около 40 обозов с продуктами. Продажа продуктов осуществлялась по умеренным ценам. Белярский райком партии и райисполком на объединенном заседании вынесли решение организовать к 8 Марта «красный обоз» для рабочих Уралмашзавода, которые шефствовали над МТС района. Бюро Свердловского обкома партии одобрило это решение, и 8 марта уралмашевский рынок получил 70 подвод с продуктами. В течение 1942—1943 гг. колхозы и колхозники области организовали сотни «красных обозов» на рынки городов области¹²⁹.

Осенью 1942 г. за выделение из личных запасов хлеба и других продуктов для продажи рабочим по твердым государственным ценам выступили труженики Осенцовского сельсовета Верхнемурлинского района. Они выделили 120 пудов картофеля, 220 пудов овощей, 12 пудов мяса, 100 л молока и скомплектовали индивидуальные подарки лучшим стахановцам. Следуя их примеру, колхозники Нытвенского района направили для рабочих завода имени Кирова более 100 подвод продуктов. Колхозники Верхнемурлинского района в конце 1942 г. организовали на оборонные заводы Перми два выезда, где продали больше 200 т продуктов. Перевозным рабочим колхозники преподнесли 53 новогодних подарков¹³⁰.

В Оренбургской области подобное движение начал колхоз имени Ленина Чкаловского района. Сельские труженики 6 ноября

1942 г. привезли на один из заводов областного центра 35 пудов муки, 75 кур, 3 барана, 70 пудов картофеля из личных запасов. Обоз прибыл с транспарантом: «Да здравствует нерушимый братский союз рабочих, колхозников и интеллигенции!» На заводе состоялся митинг. Колхозница Е. Рыбальченко выразила общее мнение: «Наши сыновья, мужья и братья бьются в одном танке, в одном самолете, в одном окопе. Они выручают друг друга в бою. Давайте же и мы, колхозники, поможем рабочим продовольствием. Тогда они с еще большей силой будут ковать оружие»¹³¹. Это движение получило распространение в наиболее трудные для сельского хозяйства регионы годы.

Работа для фронта давала большинству народа ощущение причастности к борьбе за победу, и это чувство постоянно поддерживалось пропагандой. Слова о всенародном героизме советских людей в годы Великой Отечественной войны употребляются часто и они соответствуют истине. Трудясь на пределе сил, труженики тыла ковали победу над врагом, отдавали все личные сбережения и средства. Народная инициатива по оказанию помощи фронту была неистощима. Однако местные партийные, комсомольские и профсоюзные организации, Советы депутатов трудящихся, находясь под прессом сталинской диктатуры, вынуждены были ограничивать свою деятельность рамками многочисленных предписаний и постановлений. Им оставалось изучить их, распределить силы, проконтролировать, затем наградить или наказать исполнителей. Военно-командной сталинской системе не нужны были инициативы, почины, самодеятельность сами по себе, как проявление общественно-политической активности трудящихся. Но, сознавая их огромное материальное и моральное значение и действенность, правительство разрешало эту «самодеятельность», а затем под видом добровольности повсеместно распространяло. Вместо добровольности — обязательность, а порой и насилие.

Таким образом, в годы войны осуществлялся тотальный контроль над всеми областями социальной жизни. Главным, стержневым направлением общественно-политической жизни в условиях военного времени было укрепление дисциплины, увеличение норм выработки, подхлестывание трудового энтузиазма и постоянный призыв к жертвоприношениям и достижению результатов любой ценой. Там, где не удавалось этого достичь, общественно-политические организации и государственные органы прибегали к прямому насилию и репрессиям. Однако импульс Великого Октября, желание отстоять социалистическое Отечество заставляли людей терпеть насилие, или списывать его на военные условия, надеяться на счастливое и светлое будущее.

ГЛАВА 4 СОЦИАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ УРАЛЬСКОГО СЕЛА

§ 1. Материально-бытовые условия жизни сельского населения

В условиях господства внеэкономических, военно-командных методов определяющим фактором социальной политики было ограничение потребления и обслуживания. Утвердился остаточный принцип решения проблем социальной сферы. Провозглашенные Конституцией СССР 1936 г. социальные права трудящихся — право на труд, отдых, образование, медицинское обслуживание, обеспечение в старости, по болезни и т. д. — не были реализованы. Деревня и в мирное время, являясь одним из основных источников накоплений государства, получала на социальное развитие менее всего и в последнюю очередь. Достаточно отметить, что колхозники, основная группа сельского населения, не имели оплачиваемых отпусков, выплат в случае болезни, колхозницы — оплачиваемых отпусков по беременности и родам, отсутствовало пенсионное обеспечение.

В военных условиях из-за значительного сокращения сельскохозяйственного производства увеличилась доля государственных заготовок сельскохозяйственной продукции. Она, как было показано во II главе, составляла больше половины валовых сборов. Рост удельного веса заготовок шел за счет сокращения использования продукции на производственные нужды, продажи на рынке, а также за счет сокращения фондов потребления. Годовые отчеты колхозов Урала показывают, что предполагалось распределить по трудодням¹:

	1941	1942	1943	1944	1945
Зернобобовых (в % к валовому сбору)	14,4	8,9	9,3	10,5	12,1
Денег (в % к общему денежному доходу)	29,4	30,4	26,6	24,0	25,3

Если посчитать, что предполагаемое к распределению соответствовало выдаче, то колхозники Урала получили на трудодни в 1941 г. 14,4 % от всего собранного зерна, в 1942 г. — 8,9 %. В 1945 г. доля выданного колхозникам хлеба составила 12,1 %, что было меньше, чем в среднем по стране (13,8 %). В южных сельскохозяйственных районах Урала оплата трудодня зерном на протяжении войны была меньше, чем в среднем по региону. Это связано с большим объемом государственных заготовок, неблагоприятными условиями 1942 и 1943 гг., повлиявшими на снижение урожая, с большей зависимостью от сокращения механизации полевых работ.

Из года в год (кроме 1942 г.) колхозы региона сокращали распределение денег на трудодни — с 29,4 % в 1941 г. до 25,3 % в 1945 г. (в среднем по СССР в этот год 28,5 %). В 1942 г. из-за резкого сокращения выдачи зерна доля денег, выданных на трудодни, увеличилась до 30,4 %, но в последующие годы неуклонно снижалась. Значительно меньше, чем в среднем по региону, распределяли на трудодни деньги колхозы Удмуртии (23 % в 1941 г. и 16,6 % в 1945 г.), однако здесь был выше удельный вес натуральной оплаты.

Из данных таблицы 4.1. видно, что колхозы Урала резко уменьшили выдачу хлеба на трудодни. Снижение оплаты трудодня наблюдалось и в других регионах страны, но на Урале, особенно в сельскохозяйственных областях Южного Урала, оно было значительно интенсивнее. Если в среднем по стране выдача хлеба сократилась в 1943 г. по сравнению с 1941 г. в 2,3 раза, то в Челябинской — в 2,8, в Башкирии — в 5,25, в Оренбургской — в 6,7. В 1944—1945 гг. положение в сельском хозяйстве несколько улучшилось, выдача зерна колхозникам увеличилась. В 1945 г. натуральная оплата трудодня в колхозах Урала превзошла даже среднюю выдачу по стране.

Количество колхозов с низкой оплатой трудодня в годы войны значительно выросло. Об этом свидетельствуют данные по Челябинской области²:

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Число колхозов, выдавших на 1 трудодень зерна, кг:						
до 0,5	88	178	790	681	566	332
то же в %	10,0	20,2	89,8	77,3	64,2	34,7
от 0,5 до 1	323	385	87	173	249	191
то же в %	36,7	43,8	10,0	19,7	18,3	21,7
от 1 до 2	281	206	8	21	44	187
то же в %	31,9	23,4	1,0	2,4	4,8	21,3

Ослабление экономики колхозов в годы войны привело к росту числа сельхозартелей, в которых не распределяли на трудодни зерно и деньги. В 1944 г. на Урале было 370 колхозов без выдачи зернобобовых (2,1 %), в 1945 г. — 58 (0,3 %; по стране — 5,4 %). Количество колхозов без распределения денег увеличилось значительно: в 1944 г. 3,9 тыс. (22,2 %), в 1945 г. — 3,3 тыс. (18,9 %). Кроме того, в 1944 г. в регионе было 42 колхоза (0,23 %) без выдачи зерна и денег, в 1945 г. — 12 (0,06 %)³. В связи с ростом денежных доходов колхозов в 1941—1943 гг. увеличилась выдача денег на трудодни, в 1944—1945 гг. она имела тенденцию к сокращению. Распределение денег на трудодень в регионе было меньше, чем в среднем по стране.

Т а б л и ц а 4.1

**Распределение натуральных и денежных доходов
в колхозах Урала на 1 трудодень
в 1941—1945 гг.***

Область, республика	1941	1942	1943	1944	1945
Зернобобовые, кг					
Башкирская область	2,1	0,3	0,4	0,4	0,7
Курганская область	—	0,3	0,2	0,5	0,4
Оренбургская область	2,0	0,5	0,3	0,6	0,7
Пермская область	1,2	0,7	0,6	0,7	0,9
Свердловская область	1,1	0,6	0,5	0,8	0,8
Удмуртская АССР	1,2	0,7	0,6	0,8	0,9
Челябинская область	1,1	0,4	0,4	0,6	1,4
С С С Р	1,4	0,8	0,6	н. св.	0,7
Деньги, руб.					
Башкирская АССР	0,31	0,41	0,45	0,33	0,26
Курганская область	—	0,52	0,40	0,36	0,34
Оренбургская область	0,59	0,94	0,91	0,82	0,67
Пермская область	0,51	0,71	0,79	0,52	0,48
Свердловская область	0,72	1,09	1,06	0,94	0,73
Удмуртская АССР	0,31	0,40	0,41	0,26	0,24
Челябинская область	0,43	0,80	0,97	0,99	1,00
С С С Р	1,07	1,03	1,24	1,12	0,85

* Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1970. С. 339; ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3464. Л. 101—103. Д. 3473. Л. 162—164.

В годы войны колхозы Урала использовали меры материально-го стимулирования в развитии колхозного производства. Практиковались организация общественного питания для передовиков в период посевной и уборочной, льготы в получении транспорта, обеспечение сенокосными угодьями, заготовке кормов и др. В

1941—1943 гг. небольшое число колхозов начисляло дополнительную оплату за перевыполнение планов. Дополнительная оплата осуществлялась за счет внутренних резервов общественного хозяйства. В 1941 г. ее получили 81,7 тыс. колхозников Урала, в 1943 г. — 21,8 тыс., в 1944 г. — 42,6 тыс., в 1945 г. — 114 тыс.⁴

Снижение уровня жизни заставляло население развивать личные хозяйства. Поэтому сокращение поступлений от общественного хозяйства не имело решающего влияния на бюджет семьи.

Практически в годы войны, особенно в 1942—1944 гг., местные власти закрывали глаза на увеличение размеров подсобных хозяйств. Посевные площади приусадебных участков колхозников выросли на Среднем Урале на 7—10 %, на Южном — на 20—30 % и составили в среднем по Уралу 0,2 га (в Оренбургской области — 0,26 га, в Башкирии — 0,23 га, в Удмуртии — 0,22 га, в Челябинской — 0,16 га, в Курганской, Пермской и Свердловской областях — 0,15 га). Только ближе к завершению войны вновь началась борьба с «разбазариванием» общественных земель колхозов.

Изменилась структура посевов на приусадебных участках колхозников. В основном они засеивались на Урале картофелем и овощами — 85—88 % от всех посевов, в среднем по стране — 62 %. Однако нехватка хлеба заставляла колхозников выращивать и зернобобовые культуры, что до войны на Урале было редкостью. Если в 1940 г. зернобобовые занимали 2 %, то в 1945 г. — 10,4 % от всех приусадебных посевов. Увеличение в значительной мере характерно для южных районов региона (в Оренбуржье в 1945 г. более 23 %), что было связано с сокращением выдачи на трудодни. Однако на Урале зерновые культуры колхозники засеивали в меньших, чем в среднем по стране (31 %), размерах⁵. Расширение посевов зерна шло за счет сокращения площадей, занятых ранее под техническими и кормовыми культурами.

Колхозники в условиях войны стремились во что бы то ни стало сохранить поголовье личного скота, составлявшего основу хозяйства. Поголовье скота у колхозников Урала уменьшилось: крупного рогатого скота с 1482,9 тыс. голов в 1941 г. до 1479,0 тыс. в 1945 г. (на 0,3 %), в том числе коров — с 945,2 тыс. до 929,7 тыс. (на 1,6 %), овец и коз — с 3176,5 тыс. до 1908,7 тыс. (на 39,9 %), свиней — с 254,9 тыс. до 71,5 тыс. (на 71,9 %). Удельный вес крупного рогатого скота у колхозников поднялся за этот период с 36,3 до 37,6 % от поголовья по всем категориям хозяйств, а коров — с 45 до 46 %. В то же время сократилась доля овец и коз — с 42,0 до 38,7 % и свиней — с 18,0 до 11,4 %⁶.

Недостаток кормов, особенно концентрированных, уменьшение на трудодни сена и соломы были основными причинами сокращения поголовья скота в хозяйствах колхозников. За годы войны обеспеченность колхозников скотом личного пользования по круп-

ному рогатому скоту выросла (на 100 хозяйств) с 108 до 116 голов, в том числе коровами — с 69 до 73. В то же время значительно меньше стало мелкого рогатого скота (соответственно — 232 и 50) и свиней (18 и 5).

Роль личного хозяйства в жизни крестьянства в годы войны отражена в материалах бюджетных обследований семей колхозников Урала⁸.

От приусадебного хозяйства колхозники получали 94—98 % картофеля, 88—95 % мяса и сала, 98—99 % молока. Поступление зернобобовых от личного подсобного хозяйства на Среднем Урале осталось на неизменно низком уровне (1—2,6 %), на Южном — за годы войны выросло с 0,2 до 13 % от всего прихода хлеба. Это было связано с резким уменьшением урожаев зерна в Оренбуржье, а следовательно, и сокращением натуральной оплаты трудодня. Если в Свердловской области поступление хлеба из колхозов и МТС за годы войны выросло с 51,2 % в 1941 г. до 69,5 % в 1944 г., то в Оренбургской — неуклонно уменьшалось: с 52,4 % в 1941 г. до 35,8 % в 1945 г. Доля купленного хлеба на Среднем Урале оставалась на одном уровне (2,2—2,7 %), на Южном — выросла с 7,9 до 12,5 %. Удельный вес купленного картофеля оставался практически без изменений, а мяса и сала — в среднем увеличился (кроме 1945 г.).

Анализ таблицы 4.2 приводит к выводу, что личное подворье колхозников приобретало из года в год все более решающее значение в их жизни. Расчет бюджета времени колхозников в возрасте 12 лет и старше Оренбургской области за 1942 г. показывает, что 73,1 % рабочего времени занимал труд в колхозе, 4,6 % — в МТС, 3,3 % — по найму и 20,8 % — в личном хозяйстве. Если мужчины уделяли работе в личном хозяйстве в среднем 3,6 % рабочего времени, то женщины — 27,5 %.

Хозяйства колхозников служили в годы войны также основным источником денежных поступлений. Продажа сельскохозяйственной продукции и скота, а также сдача государству по контракции скота и птицы давали подавляющую часть денег семьям колхозников. Поступление в семью денег из колхозов и МТС, как следует из данных таблицы 4.3, из года в год уменьшалось: в Оренбургской области — с 13,4 % в 1941 г. до 3,4 % в 1945 г., в Свердловской — с 14,3 % до 7,2 %. Уменьшение поступления денег из МТС было вызвано сокращением работ, производимых ими в колхозах. Преимущественно это проявилось на Южном Урале, здесь отток сельскохозяйственной техники (особенно тракторов) на фронт и в освобожденные районы был большим в сравнении с другими республиками и областями Урала.

Работы вне колхоза в наиболее трудные 1942 и 1943 гг. давали небольшую долю поступлений денег (1,2—1,6 % в Оренбургской и

Структура поступления продуктов в хозяйства колхозников Урала
в 1941—1945 гг., %*

Источник поступлений	Оренбургская область					Свердловская область				
	1941	1942	1943	1944	1945	1941	1942	1943	1944	1945
Зернобобовые										
Из колхоза	49,9	41,3	25,8	40,5	34,1	47,1	52,3	62,6	62,2	55,5
От МТС	2,5	0,9	1,2	3,0	1,7	4,1	3,3	5,5	7,3	5,8
От личного подсобного хозяйства	0,2	0,4	2,3	8,0	13,0	2,6	2,0	2,7	0,9	1,7
Куплено	7,9	6,0	11,9	10,6	12,5	2,5	2,2	2,5	2,6	2,7
Прочие поступления	39,5	51,5	58,8	37,9	38,7	43,7	40,2	26,7	27,0	34,3
Картофель										
Из колхоза	0,5	0,7	1,3	0,3	1,1	0,9	3,4	1,6	1,4	0,3
От личного подсобного хозяйства	97,6	95,6	94,6	94,8	94,2	96,3	94,2	94,1	95,7	96,9
Куплено	1,5	2,0	1,8	2,4	3,0	1,4	0,4	0,5	0,8	0,7
Прочие поступления	0,4	1,7	2,3	2,5	1,7	1,4	2,0	3,8	2,1	2,1
Мясо и сало										
Из колхоза	0,0	0,3	0,7	1,0	0,1	0,4	3,3	2,8	3,1	0,7
От личного подсобного хозяйства	91,0	94,5	93,8	88,5	93,7	92,9	87,6	87,7	87,7	94,8
Куплено	8,5	3,9	3,8	8,2	5,8	5,5	8,1	9,0	8,6	2,8
Прочие поступления	0,5	1,3	1,7	2,3	0,4	11,2	0,07	0,5	0,6	1,7
Молоко										
От личного подсобного хозяйства	99,1	99,1	99,3	99,8	99,4	97,8	97,8	98,2	99,2	98,3

* Рассчитано по: ГАОО. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 1998. Л. 8, 9, 12, 13, 35, 36, 44; Д. 2011. Л. 2, 3, 7, 21, 23, 24, 25; Д. 2038. Л. 2; Д. 2123. Л. 22—25, 31, 36, 40, 41; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 513. Л. 16, 17, 21, 22, 43, 44, 48, 49; Д. 515. Л. 18—21, 24, 49, 50, 55, 56; Д. 517. Л. 25, 26, 60, 61.

Денежные поступления и расходы в семьях колхозников Урала в 1941—1945 гг. (%)*

Источник поступлений и статьи расходов	Оренбургская область					Свердловская область				
	1941	1942	1943	1944	1945	1941	1942	1943	1944	1945
Всего денежных поступлений	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Из колхоза	8,7	1,7	1,9	2,1	2,6	11,4	13,1	8,8	8,7	6,5
За работу в МТС	4,7	0,5	0,4	0,4	0,8	2,9	1,4	0,4	0,7	0,7
За работу по найму	9,0	1,2	1,6	3,7	15,2	12,8	5,1	4,6	7,0	14,0
От продажи скота	20,3	15,0	14,9	18,0	14,7	15,1	3,1	5,1	3,5	9,9
От продажи сельскохозяйственных продуктов	38,2	40,8	69,2	56,6	55,2	41,8	52,5	65,1	63,5	57,2
Всего денежных расходов	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Покупка скота	13,0	9,7	4,3	6,0	4,7	10,0	5,0	4,8	4,0	4,2
Покупка сельскохозяйственных продуктов	27,8	39,6	54,1	51,1	39,0	13,8	16,8	18,6	22,6	13,6
Покупка промышленных товаров	31,5	33,9	23,8	24,5	35,3	43,0	27,6	26,7	35,2	44,9

* Рассчитано по: ГАОО. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 1998. Л. 7, 37; Д. 2011. Л. 11, 17; Д. 2123. Л. 13, 15, 32, 33; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 513. Л. 23, 25, 29, 50, 56, 62; Д. 515. Л. 25, 56; Д. 517. Л. 28, 62.

4,6—5,1 % в Свердловской областях). В зимние месяцы колхозники Урала широко привлекались на лесо- и торфоразработки, на строительство дорог и промышленных предприятий. Работу на стороне, которая до войны давала до одной седьмой части поступления денег, выполняли в основном мужчины. Однако нехватка рабочих рук в колхозах не позволяла уходить из села.

Основным источником денежных поступлений была продажа скота и сельскохозяйственных продуктов. Характерно, что при уменьшении объема данной продукции резко возросли денежные доходы. Это связано с повышением цен на сельскохозяйственную продукцию на колхозных рынках.

На Урале этот процесс шел высокими темпами из-за прироста городского населения, главным образом, за счет эвакуированных. Во второй половине 1942 г. цены на сельскохозяйственные продукты на рынках Свердловской, Пермской и Челябинской областей были в два раза и более выше, чем по стране. Повышение цен шло и в 1943 г., со второй половины 1944 г. цены на колхозных рынках Урала уменьшаются и к концу войны на некоторые продукты сравниваются с довоенными⁹. Так, на Среднем Урале в 1942 г. на рынке 1 кг говядины стоил 113 руб., 1 л молока — 67 руб., 1 кг картофеля — 9 руб.; в 1943 г. — соответственно 202, 53, 21; в 1944 г. — 100, 67, 6 руб.¹⁰

Высокий удельный вес доходов от продажи индивидуального скота и сельскохозяйственной продукции приходился на 1943 и 1944 гг., когда дефицит продуктов обострился из-за неурожая и составил в 1943 г. в Оренбургской области 84,1 % всех денежных поступлений, в Свердловской — 70,2 %. К концу войны их доля уменьшилась из-за падений рыночных цен, однако была значительно больше, чем до войны. Доходы личного хозяйства от продажи продуктов в 1944 г. в среднем по стране также выросли, но меньше, чем на Урале; они составили 64,5 % всех денежных доходов против 30,9 % в 1940 г.¹¹

Бюджетные обследования семей колхозников показывают, что объем продажи продуктов сельского хозяйства в годы войны уменьшился (в среднем на 1 хозяйство):

	1941	1942	1943	1944	1945
Оренбургская область:					
зернобобовые, кг	57,2	31,2	8,7	2,3	6,8
картофель, кг	86,7	190,0	153,4	150,7	186,1
мясо и сало, кг	12,9	5,7	6,3	3,7	6,0
молоко, л	9,5	11,4	11,3	10,9	6,0
Свердловская область:					
зернобобовые, кг	115,3	49,7	2,0	21,6	20,3
картофель, кг	262,7	75,2	49,8	53,8	191,2
мясо и сало, кг	19,8	2,3	2,0	2,6	4,9
молоко, л	25,6	15,8	10,3	18,0	17,2

Для районов Урала характерно уменьшение объема продажи всех видов продуктов (кроме продажи картофеля и молока в Оренбургской области).

Из-за падения покупательской силы денег в годы войны расширился продуктообмен. Бюджеты семей колхозников фиксировали обмен с 1943 г. В среднем на 1 хозяйство было обменено:

	Оренбургская область			Свердловская область		
	1943	1944	1945	1943	1944	1945
Зернобобовые, кг	6,2	2,3	3,4	13,0	8,9	14,0
Картофель, кг	29,3	20,4	19,5	129,2	35,6	44,2
Мясо и сало, кг	1,2	0,7	0,9	2,6	1,3	1,3
Молоко, л	0,4	0,3	0,3	11,9	0,2	4,8

Эти данные показывают, что только в 1943 г. в Свердловской области основных продуктов было больше обменено, чем продано. Однако они не подтверждают вывод исследований о том, что значительная часть продуктов не продавалась, а обменивалась. Кроме того, обмен сельхозпродуктов на промышленные товары был запрещен, на колхозных рынках можно было только продавать, уплатив разовый сбор¹².

Данные таблицы 4.3 показывают структуру расходов денег в семьях колхозников Урала. Они выросли за годы войны: если в 1941 г. взять за 100 %, то в Оренбургской области в 1942 г. они составляли 315,1 %, в 1943 г. — 429,8; в 1944 г. — 217,9; в 1945 г. — 201,1 %; в Свердловской области — соответственно 120,8; 221,3; 186,1 и 172,9 %. Их рост не означал улучшения материального положения колхозников. На покупку скота и сельскохозяйственных продуктов тратилось значительно больше, чем до войны. Но если на покупку скота из года в год тратилось меньше денег, то на приобретение продуктов питания, наоборот, больше. В 1941 г. удельный вес покупки сельхозпродуктов на Южном Урале составлял 27,3 % от всех расходов, в 1943 г. он вырос до 54,1 %, а в 1945 г. уменьшился и составлял 39,0 % (а в стоимостном выражении — соответственно 61,0 тыс. руб. на 100 хозяйств в 1941 г., 510,2 тыс. — в 1943 г., 172,1 тыс. — в 1945 г.) Подобная тенденция характерна для Среднего Урала.

В связи с уменьшением поступлений сельскохозяйственной продукции в хозяйства колхозников в расходах увеличилась доля, используемая на личное потребление. В расходе зернобобовых, который уменьшился в Оренбургской области с 1622,5 кг на 1 хозяйство в 1941 г. до 468,4 кг в 1944 г. и 630,9 кг в 1945 г., на личное потребление было использовано соответственно 757,5 кг (46,7 %), 284,5 кг (60,7 %) и 350,7 кг (55,6 %). В Свердловской об-

ласти, где до войны и в первый период войны наблюдалась более высокая обеспеченность хозяйств колхозников сельскохозяйственными продуктами, к концу войны эта разница сгладилась, а по некоторым продуктам наблюдалось отставание по сравнению с данными по Оренбургской области. На Среднем Урале 1 хозяйство колхозника расходовало в среднем за год: в 1941 г. 2145,5 кг зернобобовых, в том числе на личное потребление 865,8 кг; в 1944 г. — соответственно 478,3 кг и 296,9 кг; в 1945 г. — 809,2 кг и 415,9 кг.

Потребление картофеля колхозниками в годы войны резко увеличилось. В Оренбургской области 1 хозяйство расходовало на личное потребление в 1941 г. 403,9 кг, а в 1945 г. — 1021,8 кг, в Свердловской — соответственно 682,9 кг и 1423,0 кг. Увеличилось и потребление молока: в Оренбургской области с 358,9 л в 1941 г. до 520,0 л в 1945 г.; в Свердловской — соответственно с 521,5 л до 647,4 л. Почти в 2 раза сократилось потребление мяса и сала в семьях колхозников: в Оренбургской области с 50,8 кг до 35,5 кг в год, в Свердловской — с 70,1 кг до 33,4 кг.

В то же время, несмотря на сокращение поступлений продуктов в годы войны, в хозяйствах колхозников перед новым урожаем имелись небольшие запасы. Ниже приведены данные о средних размерах этих запасов в одном хозяйстве на 1 августа каждого военного года, кг:

	1941	1942	1943	1944	1945
Оренбургская область					
зернобобовые	121,7	335,4	88,7	31,6	38,6
картофель	2,0	11,4	29,6	29,6	46,2
мясо и сало	0,4	0,5	0,3	0,1	0,2
Свердловская область					
зернобобовые	230,3	89,8	19,3	7,9	41,6
картофель	17,0	9,0	6,6	0,7	21,0
мясо и сало	1,0	0,8	0,3	0,5	0,5

Во время войны значительно возросли налоги и сборы, взимаемые с сельского населения. Заготовки сельхозпродуктов (натуральные налоги) оставались без изменений. К сельскохозяйственному и подоходному налогу 3 июля 1941 г. была введена 100-процентная надбавка. От нее освобождались колхозники и единоличники, если два и более члена их семей были мобилизованы в Красную Армию. Если на фронт был призван один член семьи, то надбавка сокращалась на 50 %. С 1942 г. надбавка к этим налогам была отменена с введением военного налога.

Самым большим по размерам был сельскохозяйственный налог. В июне 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР были внесены изменения в Закон о сельскохозяйственном налоге от 1 сентября 1939 г.¹³ Облагаемый доход от сельскохозяйственных источников определялся по нормам доходности, устанавливаемым для каждой республики и области. Нормы доходности летом 1943 г. были резко повышены. Это видно по материалам Оренбургской области, где нормы доходности, установленные постановлениями СНК РСФСР, составляли (в руб.)¹⁴:

	1941	1943
с 1 га по зернобобовым культурам	800	4200
по картофелю	1900—2400	11900
по огородным и бахчевым	3000—3800	15400
по садам и ягодникам	3000	11200
по сенокосам	2700	800
с 1 головы коровы	900—1200	3600
свиньи	360—440	1650
овцы, козы	90	350
лошади	650—850	2950
вола, быка	400	1600
с 1 улья рамочного	60	300
колодного	30	150

Кроме того, с хозяйств колхозников, имевших доходы от личного хозяйства (приусадебного участка земли, скота и неземледельческих заработков), сельскохозяйственный налог исчислялся с годовой суммы облагаемого дохода хозяйства. Он начислялся по следующей шкале ставок:

Размер облагаемого дохода хозяйства в год, руб.	Размер налога на хозяйство
До 2000	8 коп. с каждого рубля дохода
Свыше 2000 до 3000	160 руб. + 10 коп. с каждого руб. дохода свыше 2000 рублей
Свыше 3000 до 4000	260 руб. + 12 коп. с каждого руб. дохода свыше 3000 рублей
Свыше 4000 до 5000	380 руб. + 16 коп. с каждого руб. дохода свыше 4000 рублей
Свыше 5000 до 6000	540 руб. + 20 коп. с каждого руб. дохода свыше 5000 рублей

Исчисление сельхозналога с единоличных хозяйств производилось по тем же ставкам с увеличением суммы на 100 %. Доходы

колхозников, получаемые от сельхозартелей по трудодням в денежной и натуральной форме, сельхозналогом не облагались.

Решение о взимании сельхозналога в начале каждого года принимали облисполкомы и СНК автономных республик. В облагаемых налогом хозяйствах определялись размеры посевных площадей, сенокосов, переписывалось поголовье скота, на учете находились неземледельческие заработки и рыночные доходы. Так, в Свердловской области сельхозналогом облагались (в тыс.)¹⁵:

	1942	1943	1944
Хозяйства колхозников	145,8	144,4	135,9
Хозяйства рабочих и служащих	93,4	80,9	76,3
Хозяйства единоличников	8,0	5,8	4,5
Хозяйства, не облагаемые сельхозналогом	21,3	28,1	20,1
Всего хозяйств	268,4	259,8	236,8

Этим хозяйствам был предъявлен следующий размер сельскохозяйственного налога (в млн. рублей):

	1942	1943	1944
Хозяйства колхозников	10,5	53,0	48,3
Хозяйства рабочих и служащих	4,2	18,7	18,2
Хозяйства единоличников	0,6	1,7	1,2
Всего	15,3	73,4	67,6

Общее число облагаемых хозяйств за указанные годы неуклонно сокращалось. Это было связано с эвакуацией населения, организацией новых рабочих поселков и городов, уходом колхозников в города. В 1944 г. ряд колхозов спецпереселенцев в Гаринском и Ивдельском районах были распущены и население переведено на работу в промышленность. Несмотря на сокращение плательщиков, размер сельхозналога за 1943 г. увеличился в 4,8 раза по сравнению с 1942 г., за 1944 г. — в 4,4 раза. Финансовые органы объясняли это повышением цен на сельхозпродукты на колхозных рынках.

Двадцать первого ноября 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР». Этот налог взимался в размере 100 рублей в год с совершеннолетних граждан, входивших в состав семей¹⁶. Летом 1944 г. в Указ были внесены изменения. Налог уплачивали граждане, не имеющие детей, и граждане, имеющие одного и двух детей: мужчины в возрасте свыше 20 и до 50 лет и женщ-

щины в возрасте свыше 20 и до 45 лет. Налог взимался с граждан, облагаемых подоходным налогом, при отсутствии детей — в размере 6 % от их дохода при наличии одного ребенка — 1 % и при наличии двух детей — 0,5 %. С колхозников и единоличников и других граждан, входящих в состав хозяйств, подлежащих обложению сельскохозяйственным налогом, при отсутствии детей взималось 150 рублей в год, при наличии одного ребенка — 50 рублей, при наличии двух детей — 25 рублей¹⁷.

С начала 1942 г. в СССР вводится военный налог. Им облагались все население достигшее 18-летнего возраста. Колхозники платили военный налог деньгами по твердым ставкам, дифференцированным по республикам и областям в зависимости от военной конъюнктуры, условий реализации сельхозпродуктов. Он исчислялся с годовой суммы дохода колхозного двора. При его сборе учитывался и доход колхозника от общественного хозяйства. Средние ставки военного налога для колхозников и единоличников (в рублях на 1 члена семьи) составляли по постановлению СНК РСФСР по Башкирии, Пермской, Свердловской и Челябинской областях 310 руб., по Оренбургской области и Удмуртии — 253 рубля¹⁸. Рабочие, служащие и приравненные к ним по обложению подоходным налогом граждане уплачивали налог в следующих размерах: при годовом заработке до 1800 руб. — 120 руб.; до 2400 руб. — 180 руб.; до 3600 руб. — 240 руб.; до 4800 руб. — 360 руб.; до 6000 руб. — 480 руб. и т. д.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 декабря 1943 г. в военный налог были внесены дополнения и изменения. Для колхозников и единоличников налог устанавливался в размере от 150 до 600 руб. в год с каждого члена хозяйства. Ставка военного налога на колхозников и единоличников Оренбургской области была увеличена до 490 руб., Свердловской — до 530 руб. Колхозники должны были выплачивать налог равными долями к 15 февраля, 15 апреля, 15 июля. СНК автономных республик и обкомы определяли ставку налога для районов. При этом они могли повышать или понижать в пределах до 50 % ставку налога отдельным селениям в зависимости от расстояния рынков сбыта и размеров рыночных доходов от продажи сельхозпродуктов. В Свердловской области количество плательщиков военного налога в 1942 г. составило 222,2 тыс. колхозников и единоличников, в 1943 г. — 230,4 тыс., в 1944 г. — 224,3 тыс. Сумма налога была определена в 1942 г. в размере 69,4 млн рублей, в 1943 г. — 122,1 млн, в 1944 г. — 119 млн рублей¹⁹.

По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1942 г. «О местных налогах и сборах» городские и районные советы производили следующие местные налоги и сборы: налог со строений, земельную ренту (колхозные земли не облагались), сбор

с владельцев транспортных средств, скота, разовый сбор на колхозных рынках. В начале 1943 г. был отменен, как утративший самостоятельное назначение, сельский культсбор.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. «О подоходном налоге с населения» отмечалось, что этим налогом не облагались доходы, подлежащие обложению сельскохозяйственным налогом, освобождались от него рабочие и служащие, получавшие зарплату до 151 руб. в месяц. С рабочих и служащих налог взимался ежемесячно в размерах:

От 151 до 200 руб.	отчислялось 2 руб. 25 коп. + 5,5 % с суммы заработка, превышающей 150 рублей
От 201 до 300 руб.	отчислялось 5 руб. + 6 % с суммы заработка, превышающей 200 рублей
От 301 до 400 руб.	отчислялось 11 руб. + 7 % от суммы заработка, превышающей 300 рублей

Для рабочих и служащих, имевших на иждивении более 3-х человек, размер налога по месту основной работы снижался на 30 %²⁰.

По нашим расчетам, платежи и сборы с хозяйств колхозников составляли в годы войны в Оренбургской области 16—20 % всех доходов, в Свердловской — 18—25 %. Нельзя полностью согласиться с мнением Ю. В. Арутюняна о том, что выплата возросших денежных платежей была для колхозников вполне посяльна²¹. Расчеты показывают, что поступавших денег из колхозов и МТС совершенно не хватало для уплаты налогов. Для их выплаты, а также для приобретения облигаций военных займов и лотерей, взносов в фонд обороны колхозники вынуждены были часть продуктов везти в город и продавать их на колхозном рынке. Крестьянское подворье в годы войны удовлетворяло не только потребности колхозников в основных продуктах питания, но и служило источником денежных и натуральных поступлений государства.

Анализ документального материала, а также свидетельства колхозников-ветеранов приводят к выводу, что крестьянское подворье на Урале в годы войны играло заметную роль в аграрной экономике. Как и в довоенный период, семейное крестьянское хозяйство было важнейшим источником формирования доходов, позволило крестьянству пережить тяжелое военное время.

В расходной части денежного бюджета семей колхозников в годы войны сократилась доля затрат на приобретение промышленных товаров (см. табл. 4.3). Если до войны колхозники тратили на них около половины полученных денег, то в 1941, 1942 и 1945 гг. в

Оренбургской области — около трети, в 1943—1944 гг. — 23—25%; в Свердловской — несколько больше: в 1941 г. и 1945 г. — 43—45 %, в 1942—1944 гг. — 28—35 %.

Снабжение сельского населения продовольственными и промышленными товарами осуществлялось через потребительскую кооперацию. Она на Урале располагала относительно разветвленной торговой сетью. Однако во время войны ее деятельность была затруднена. Сеть различных торговых предприятий системы потребсоюзов на Урале сократилась: в Свердловской области с января 1941 г. по январь 1945 г. на одну треть и насчитывала 1476 точек, в Оренбургской области — с 2548 до 1551 магазинов. Тем не менее роль потребкооперации в годы войны возросла. Число пайщиков в Свердловской области с 1941 по 1945 гг. увеличилось с 323,8 тыс до 401,8 тыс. (на 24 %). Рост членства сельского населения в потребкооперативах объяснялся тем, что товары можно было приобретать только при наличии паевой книжки. За 1941—1945 гг. Свердловский облпотребсоюз собрал паевых взносов 20,7 млн рублей²². В военных условиях резко сократились рыночные фонды и вследствие этого потребкооперация от торговли перешла в основном к распределению выделенных правительством фондов промышленных и продовольственных товаров. При этом в первую очередь снабжалось эвакуированное население, семьи военнослужащих, инвалиды войны, детские и закрытые учреждения.

В силу перераспределения продукции предприятий потребкооперации в интересах фронта и резкого уменьшения централизованных рыночных фондов сократился розничный товарооборот. В 1944 г. объем товарооборота Свердловского облпотребсоюза по отношению к 1940 г. составил 90,8 %. В 1945 г. наблюдался заметный рост: товарооборот вырос по отношению к 1940 г. на 106,8 % и составил 320 млн руб. Удельный вес потребкооперации в областном товарообороте уменьшился и составлял в 1944 г. 18 %, в 1945 г. — 16,9 %²³.

В структуре товарооборота потребсоюза Свердловской области за годы войны увеличилась доля продовольственных товаров с 57,6 до 76,0 % (однако этот рост был достигнут за счет продажи водки и виноводочных изделий, их удельный вес вырос с 18,4 до 52,7 %). Значительно сократилась продажа сахара: в 1940 г. его доля в товарообороте составляла 3,7 %, в 1944 г. — 0,3 %, в 1945 г. — 0,7 %. и кондитерских изделий — с 3,1 до 0,7 %. Продажа хлеба и хлебобулочных изделий также сократилась — с 23,6 до 12,5 %. В два раза за годы войны уменьшилась продажа непродовольственных товаров²⁴.

В Пермском облпотребсоюзе объем товарооборота за годы войны также сократился — с 294,4 млн руб. в 1940 г. до 246,3 млн в 1944 г. (на 16,3 %). Продовольственных товаров в 1944 г. было

продано на 22,9 % больше, чем в 1940 г., а их доля в структуре товарооборота увеличилась с 46 до 68 %. Сельские жители практически только через потребкооперацию могли приобрести хлеб, сахар, соль, цены на них были в десятки раз меньше, чем на рынке. В продаже первенствовала водка и прочие алкогольные напитки, их удельный вес вырос с 16 до 32 %. Увеличилась доля хлеба и хлебобулочных изделий, муки, крупы и макарон, в 1940 г. она составляла 15,7 %, в 1941 г. — 17,5, в 1942 г. — 34,0, в 1943 г. — 24,0, в 1944 г. — 18,0. Резко сократилась продажа сахара (на 90,9 %), кондитерских изделий (на 74,3 %), рыбы (на 80,5 %), выросла продажа соли (на 61,1 %). Продажа промышленных товаров за годы войны уменьшилась в 2 раза. Незначительно увеличилась продажа мыла и трикотажных изделий. Хлопчатобумажных тканей было продано в 1944 г. в 2,7 раза меньше, чем в 1940 г., швейных изделий — в 3,4 раза, обуви кожаной — в 3,4, табачных изделий — в 18,9 раза, керосина — в 4,5 раза²⁵.

В условиях постоянно растущих потребностей государство не могло сохранить в прежних объемах поставки товаров в сеть потребсоюзов. В годы войны развивается собственная база потребкооперации по производству различных товаров для сельского населения. Начиная с 1942 г. потребкооперация наряду с торговлей занималась выпуском товаров широкого потребления. В Оренбургской области их производили в 1942 г. на сумму в 2,3 млн руб., в 1943 г. — на 4,9 млн руб., а в первом полугодии 1944 г. — на сумму 4,2 млн руб. Были организованы шорные цехи, кузнечные, гончарные, цехи по выработке валенок, кошмы, швейные мастерские по ремонту одежды²⁶.

Острый дефицит промышленных изделий побудил практиковать торговлю по государственным ценам в виде поощрительной меры для колхозников. Повсеместно проводились базары для вознаграждения передовиков сельского хозяйства, для встречной торговли (в обмен на ткани, мыло, соль, посуду, хозяйственный инвентарь у колхозов и колхозников закупались продукты питания).

За годы войны потребкооперация Оренбургской области заготовила 6214 тыс. пудов картофеля, 1932 тыс. пудов овощей, 64 млн штук яиц. Для нужд промышленности и фронта облпотребсоюз заготовил и отгрузил 1033 тыс. штук кожевенного сырья, 181 тыс. пудов шерсти, 1405 тыс. пудов черного и цветного металла, 120 тыс. пудов лекарственно-технического сырья. За счет накоплений было приобретено облигаций военных займов на 39,5 млн рублей²⁷. В то же время из-за частой сменяемости кадров, отсутствия квалифицированных бухгалтеров было очень много растрат, хищений, убытков. Торговая сеть, столовые, хлебопекарни практически не ремонтировались. В отчете Оренбургского облпотребсоюза за 1944 г. отмечалось, что магазины-лачки, похожие на

беспризорные лачуги-сарай, как правило, не побелены, штукатурка отваливается, крыша протекает, окна побиты, внутри захламленность, пыль, грязь, имеющиеся товары запылены, загажены, разбросаны где попало. Во многих столовых мебель поломана, не хватает даже глиняной посуды, обслуживающий персонал работает без спецодежды²⁸.

В годы войны потребкооперация лишь частично удовлетворяла запросы сельского населения, снабжение товарами не было регулярным. Приобретение промышленных товаров резко уменьшилось. В Башкирии в 1941 г. на 1 душу сельского населения было продано тканей на 14 рублей, а в первой половине 1944 г. — на 44 коп.²⁹ Более подробные данные дают бюджетные обследования. Покупка тканей колхозниками Оренбургской области в 1945 г. сократилась в 5,1 раза по сравнению с 1940 г., обуви — кожаной в 3,5 раза, резиновой — в 4 раза, валяной — в 1,9 раза; мыла хозяйственного — в 2,8 раза, туалетного — в 7,9 раза; керосина — в 6 раз. На 100 наличных лиц в 1945 г. было приобретено 82,7 м тканей, 7,7 пар кожаной, 2,6 пар резиновой, 15,9 пар валяной обуви, 29,8 кусков хозяйственного и 7,2 куски туалетного мыла, 47,9 л керосина. Сельское население испытывало острейшую нужду в предметах первой необходимости, одежде и обуви. Значительная часть крестьянских семей не могла обзавестись новой одеждой и обувью. Некоторые вещи удавалось обменивать на продукты. Одежду в основном перешивали и чинили. В ряде районов Урала было организовано плетение лаптей. Отсутствие одежды и обуви было одной из причин, заставлявших детей бросать школу.

С уменьшением общего объема получаемых продуктов сократился их расход на личное потребление. Данные таблицы 4.4 показывают, что в годы войны в рационе питания колхозников произошли существенные изменения. Почти в 2 раза сократилось потребление хлеба, на 40—50 % крупы, на 20—30 % мяса и сала, 30—50 % рыбы, 20—50 % яиц. Практически исчезли с крестьянского стола продукты промышленного производства. Более чем на 90 % сократилось потребление сахара. Ухудшение структуры питания проявилось также в уменьшении доли фруктов, ягод, кондитерских изделий, растительного масла.

Основным продуктом питания колхозников в годы войны стали картофель, овощи и молоко. Их потребление увеличилось: на 250—280 % картофеля, на 220 % в Свердловской области и на 110 % в Оренбургской — овощей, на 170—180 % в Оренбургской и на 140—155 % в Свердловской — молока. Из таблицы 4.4 видно, что резкое сокращение потребления продуктов питания произошло в 1943 и 1944 гг. Заметное увеличение потребления почти всех продуктов питания произошло в 1945 г., но довоенный уровень достигнут не был.

Потребление продуктов питания на Урале
(в расчете на одного члена семьи колхозника в год, кг)*

Продукт питания	Оренбургская область					Свердловская область				
	1941	1942	1943	1944	1945	1941	1942	1943	1944	1945
Хлеб	189,6	160,0	106,8	83,7	98,3	170,8	213,7	120,9	104,9	133,6
Крупа	9,8	11,0	6,3	3,1	3,7	7,2	6,6	3,4	2,3	3,4
Картофель	95,8	197,9	245,3	260,9	268,4	242,1	168,9	381,3	372,3	420,1
Овощи	46,8	41,4	35,4	45,1	51,9	57,7	41,7	84,9	86,7	94,2
Бахчевые	35,0	30,6	43,8	46,0	74,6	0,3	0,1	0,4	0,6	0,3
Фрукты	0,9	0,3	0,3	1,1	0,4	2,1	2,6	0,6	1,1	2,0
Масло растительное	0,2	0,2	0,04	0,01	0,04	0,04	0,1	0,02	0,009	0,06
Мясо и сало	12,9	13,9	15,7	11,5	10,1	14,3	18,5	12,7	10,7	10,7
Рыба	0,5	0,4	0,5	0,2	0,4	0,3	1,9	1,2	1,3	0,8
Молоко цельное	82,9	96,9	107,3	149,9	145,4	144,0	128,1	177,3	199,6	190,5
Молоко снятое	44,8	43,2	55,7	48,8	66,1	11,8	9,3	19,4	26,2	24,7
Сметана	3,4	3,2	3,4	2,9	4,4	2,0	1,8	2,6	3,1	3,5
Масло коровье	1,5	1,7	1,8	1,4	2,3	0,6	0,5	0,5	0,6	0,8
Творог	1,9	2,7	2,8	2,4	4,2	2,3	1,9	1,7	2,8	1,6
Яйца, шт.	37,2	62,8	50,0	25,0	30,9	51,6	62,4	45,3	26,7	31,6
Сахар	0,6	0,03	0,01	0,003	0,05	0,1	1,5	0,06	0,03	0,2
Кондитерские изделия	0,7	0,3	0,3	0,3	0,3	0,5	2,8	0,4	0,2	0,2

* Рассчитано по: ГАОО. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 1998, Л. 4, 6, 40, 41; Д. 2011. Л. 1, 13, 18; Д. 2123. Л. 16, 26, 28, 69; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 513. Л. 25, 26, 52, 53; Д. 515. Л. 28, 29, 59, 60; Д. 517. Л. 32, 66, 67.

Приведенные данные не позволяют выяснить полную картину материального положения сельского населения, поскольку обследование не затрагивало рабочих и служащих села, эвакуированного населения, спецпереселенцев. Расчеты бюджетов семей производились на наличное население, в то время как часть продуктов питания из деревни переправлялась родственникам в город. В литературе, особенно в художественной и публицистической, обычно утверждается, что рабочие в городе питались хуже крестьян. Анализ структуры потребления продуктов питания на Урале показывает обратное. Если сравнить данные о потреблении продуктов питания члена рабочей семьи в Свердловской области, рассчитанные А. А. Антуфьевым, и данные таблицы 4.4, то явственно видно, что колхозники питались значительно хуже рабочих³⁰. В расчете на душу населения колхозники потребляли в 1,1—2,9 раза (в зависимости от года) меньше хлеба, чем рабочие, в 1,3—1,5 раза меньше мяса (в 1944 и 1945 гг.), в 3,2—4,2 раза меньше кондитерских изделий, в десятки раз меньше сахара, растительного масла. В деревне больше потребляли картофеля, овощей и молока.

Разительно отличался уровень жизни колхозников и бюрократического аппарата деревни. В чрезвычайных условиях жизни периода войны, когда резко ухудшилось материальное положение крестьянства, привилегии работников партийных, комсомольских, профсоюзных и советских органов деревни возросли. На фоне всеобщей нищеты увеличилась их заработная плата. Как мы отмечали, число служащих в уральской деревне не уменьшилось, а наоборот, возросло за годы войны. Так, штатных работников в Свердловском облзо за 1941—1944 гг. стало больше на 39 %, а фонд их месячной заработной платы увеличился на 59 %³¹.

Относительно высокая заработная плата аппаратчиков и областного, и районного масштаба постоянно дополнялась премиями, натуральными привилегиями в виде особых пайков. По решению Свердловского облисполкома в декабре 1942 г. 15 председателей райисполкомов получили помощь по 1000—1300 рублей³². Существовали закрытые распределители, где они приобретали промышленные и продовольственные товары по государственным ценам. Фонд Свердловского облторготдела по промышленным товарам в III квартале 1943 г. в сумме 1879,0 тыс. рублей (а это хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые ткани, швейные изделия, трикотаж, чулки, кожаная обувь) был распределен следующим образом: эвакуированным семьям начальствующего состава армии было выделено 15 % от всей суммы товаров фонда, инвалидам Отечественной войны — 10 %, эвакуированному населению — 25 %, в закрытую сеть и разные назначения по решению облисполкома и обкома партии — 18 %, в фонды горрайторготделов — 10 %, прочие организации — 22 % (сюда вошли детские приемники НКВД,

учителя, детское приданое, резерв). В IV квартале 1943 г. товары планировалось распределить следующим образом: семьям начальствующего состава армии — 15 %, инвалидам войны — 10 %, эвакуированным — 10 %, семьям военнослужащих — 15 %, совпартаппарату — 10 %, в закрытую сеть — 30 % и резерв — 10 %³³.

Работники аппарата лечились в специальных больницах, для них создавались бесплатные дома отдыха и санатории. В октябре 1944 г. Свердловский облисполком принял решение о нормах снабжения санатория «Балтым» при больнице спецназначения. На одного человека в месяц здесь выделялось 11 кг мяса и рыбы, 1,85 кг жиров, 2,1 кг сахара и кондитерских изделий, 33 кг картофеля и овощей, 7 литров молока, 40 штук яиц, 4,5 кг круп, 700 граммов хлеба в день³⁴. Продукты питания для столовой облисполкома и обкома партии доставлялись из собственного совхоза, находившегося в пригороде Свердловска.

Жизнь бюрократического слоя, служившего социальной опорой режима личной власти Сталина, была ограждена завесой секретности. Статистических данных об их материальном положении нет, мы можем судить об этом только на основе отрывочных архивных документов. Образ жизни ряда работников различных органов власти приводил к бытовому разложению — пьянству, разврату, совершению преступлений. Так, используя служебное положение председатель Зайковского райсовета Березин за период с ноября 1941 г. по июль 1942 г. получил в райпромкомбинате без оплаты в личное пользование 43 вещи (костюмы, белье, обувь) на сумму 3426 рублей. Он имел на подотчете государственных средств 1164 руб., не уплатил подоходного налога 575 рублей, квартплаты — 220 рублей, платы за обучение детей — 75 рублей. За допущенное служебное злоупотребление, совершаемое на глазах многих людей, он был снят с работы и предан суду³⁵. На основании жалобы колхозников Свердловский облисполком снял с поста председателя колхоза «Пламя» Туринского района Нисяева. Он систематически пьянствовал, разбазаривал колхозное добро. Выдал бесплатно директору Усенинской МТС 8 кг ржи, 76 кг пшеницы, 8 кг гороха; его заместителю — 80 кг зерна; районному прокурору — 48 кг зерна³⁶.

Пользуясь служебным положением, ряд служащих районного масштаба шли на совершение преступлений в целях поддержания своего специфического образа жизни, несмотря на жестокие наказания, предусмотренные Уголовным кодексом. Работники отдела по гособеспечению Ачитского райисполкома выписывали продукты по поддельным документам, получали бесплатно комплекты детского белья, продавали его через раймаг, а вырученные деньги присваивали³⁷.

Приведенные факты разрознены, исходя из них нельзя нарисовать полной картины, однако и они показывают, что среди населения деревни в годы войны наблюдалось резкое различие в уровне жизни. Налицо существование социальной группы, которая безусловно пережила тяжелейшие условия войны легче и с наименьшими материальными потерями.

Война резко понизила жизненный уровень, наложила свой отпечаток на все стороны быта и культуры деревни. В уральском селе было практически прекращено жилищное строительство — не хватало мужских рабочих рук, транспорта, отсутствовали строительные материалы. Однако жилищная проблема не стояла остро. Семьи родственников, ушедших на фронт войнов, стремились жить в одном доме — так легче было вести совместное хозяйство. Мариэтта Шагинян, посетив колхоз «Заря» Ачитского района Свердловской области, оставила в «Уральском дневнике» записи о бытовых условиях колхозников: «...Всюду уплотнено до крайности: 3-4 семейства в хате... Изба Тернова (председателя колхоза — Г. К.) заполнена беженцами... Мать с дочкой. Военный без ноги. Изба — две внутренние горницы — чистые, убранные, светлые, но без мебели... Передняя (кухня) и сенцы грязные, неудобные... Жена Тернова Клавдия Гавриловна постелила мне на полу в горнице (сами они спят на воздухе), а чтоб клопы не кусали, обложили вокруг всей постели ветками полыни, связанными вместе...»³⁸. М. Шагинян побывала в «Заре» в первой половине августа 1942 г. А в осенние и зимние месяцы, как рассказывали мне заринцы А. П. Тернов, О. К. Орлова, Н. М. Константинова, в домах вместе с людьми находились животные. Дети сидели дома из-за отсутствия одежды, обуви. Спать укладывались с наступлением темноты, а с рассветом — поднимались. Жилища были лишены простейших коммунальных удобств.

Изменился и внешний облик сел и деревень. Окна опустевших домов были заколочены, посаженные до войны деревья из-за нехватки дров вырубались, особенно в степных районах, ломались деревянные заборы. Общественные здания — правления, клубы, школы, магазины — не ремонтировались, постепенно ветшали. В упоминаемой «Заре» правление и школа находились в одном здании, здесь же была расположена изба-читальня. В колхозе им. Ворошилова Ачитского района, где также побывала М. Шагинян, правление находилось «где раньше был не то монастырь, не то собор...»³⁹.

Тяготы и бытовые лишения усугублялись жесточайшей регламентацией всей жизни крестьянина. Житейские проблемы — поездка в соседнюю деревню или город, подвозка сена, дров, материала для ремонта дома или домашней утвари, получение справки и пр. — ставили крестьянина в зависимость от председателя кол-

хоза, районного начальства и оказывались порой неразрешимыми. Однако это не вызывало озлобления, все трудности и невзгоды связывались с войной, а их разрешение — с победой. Деревня оказалась в чрезвычайно трудном положении, но ни голода, ни хронического недоедания допущено не было. Не было и людей, оставшихся без крова, не было беспризорных детей, не было массовых эпидемических заболеваний.

Плохие жилищные условия, ухудшение санитарных условий, скудное питание и недостаток одежды, интенсивная миграция создавали на протяжении всех 46 военных месяцев угрозу инфекционных заболеваний и эпидемий. Основной задачей медиков было сохранение эпидемического благополучия тыла. Однако в первый год войны быстро увеличилась заболеваемость острозаразными заболеваниями (тиф, дизентерия, скарлатина, дифтерия).

В 1942 г. в Свердловской области было зарегистрировано 5,6 тыс. случаев заболеваний скарлатиной, но уже в 1943 г. — 1,7 тыс.; корью — соответственно 12,8 и 0,5 тыс., коклюшем — 10,5 и 4,1 тыс., дифтерией — 3,6 и 3,0 тыс.⁴⁰ В Челябинской области в 1943 г. также наблюдалось значительное снижение инфекционных заболеваний в сравнении с предыдущими годами. Если в 1942 г. коэффициент эпидемической заболеваемости по области по сыпному тифу составлял 26,8, то в 1943 г. — 10,7; по детской дизентерии — соответственно 13,3 и 7,5; по скарлатине — 20,9 и 7,0; по дифтерии — 16,1 и 13,4; по кори — 54,1 и 4,9; по токсической диспении — 13,6 и 4,4; по бруцеллезу — 10,2 и 7,0 (расчеты облздравотдела)⁴¹.

Снижение заболеваемости было достигнуто благодаря работе четко организованной санитарно-эпидемической службы. В сельских районах создавались чрезвычайные противозидемические комиссии. Партийные и советские органы строго следили за выполнением санитарных и противозидемических мероприятий. В Челябинской области только в 1942 г. было сделано 479,3 тыс. прививок против брюшного тифа, 345,9 тыс. против дизентерии, 285,3 тыс. против дифтерии, 396,3 тыс. против оспы и др. В Свердловской области осенью 1942 г. работала чрезвычайная комиссия по борьбе с эпидемическими заболеваниями⁴².

Санитарное благополучие уральской деревни в годы войны не было поколеблено. Более того, усилиями работников здравоохранения в селах Башкирии по сравнению с довоенным 1940 г. заболеваемость дизентерией снизилась в 10 раз, брюшным тифом — в 3 раза. В Свердловской области в 1944 г. в сравнении с 1942 г. вспышки сыпного тифа уменьшились в 4 раза, брюшного — в 2 раза, дизентерии — в 7 раз⁴³.

Несмотря на перераспределение капиталовложений и увеличение затрат на оборону, правительство изыскивало средства на

развитие здравоохранения. В первый период войны финансирование социальных мероприятий из местных бюджетов областей и республик Урала выросло — с 1511 млн руб. в 1940 г. до 1660,2 млн руб. в 1942 г. (на 9,9 %). Однако их доля во всех расходах уменьшилась с 71,5 до 67,3 %. Структура расходов изменилась: абсолютно и относительно возросли ассигнования на развитие здравоохранения (в 1,6 раза, с 25,3 до 34,2 %), на охрану труда и социальное обеспечение (в 1,5 раза, с 1,2 до 1,5 %) ⁴⁴. Увеличение вложений на нужды здравоохранения позволило расширить сеть медицинских учреждений. Число сельских врачебных участков на Урале возросло с 813 в 1942 г. до 856 в 1943 г., затем в связи с реэвакуацией населения сократилось до 821 в 1945 г.; фельдшерско-акушерских пунктов — с 2889 в 1942 г. до 3478 в 1945 г.; больниц с — 531 до 573. В Пермской области число больниц в сельской местности (без госпиталей) увеличилось с 102 в 1940 г. до 119 в 1945 г. (в них мест с 2,2 тыс. до 2,6 тыс.), учреждений фельдшерско-амбулаторной помощи — с 492 до 579, женских консультаций — с 17 до 36 ⁴⁵.

В годы войны произошли существенные изменения в численности медицинских кадров. В связи с притоком эвакуированных, среди которых были медики, их число выросло. В Свердловской области в 1940 г. на селе работал 91 врач (из них 64 женщины), в 1942 г. их количество выросло почти в два раза — до 178 (144 женщины), и к 1945 г. в связи с реэвакуацией произошло их сокращение — до 82 (64 женщины). За годы войны уменьшилось количество зубных врачей с 31 до 17, среднего медицинского персонала — с 1944 до 1806 человек. В Пермской области число сельских врачей с 1941 по 1945 г. увеличилось с 116 до 133, среднего медицинского персонала — с 1822 до 2111 человек ⁶⁴. Однако нехватка медицинских кадров ощущалась на протяжении всего периода.

Сельское население в годы войны не обеспечивалось специальными видами медицинской помощи. Из 50 лабораторий в селах Оренбургской области в 1944 г. из-за отсутствия кадров и реактивов не работали 19. Ни один из 6 имевшихся рентгеновских кабинетов не работал из-за отсутствия электроэнергии. По этой же причине не функционировали 5 из 7 физкабинетов ⁴⁷.

В лечебной работе сельские медики сталкивались с многочисленными трудностями, в первую очередь, с нехваткой медикаментов, перевязочного материала, оборудования и инструментов. Проблема ослаблялась тем, что к их производству привлекались предприятия местной промышленности. Так, в 1944 г. в Пермской, Свердловской и Челябинской областях медицинского оборудования, инструментов, лекарственных препаратов было произведено

на 15 млн рублей⁴⁸. Медики организовывали глино-, торфо- грязелечение, использовали в лечебных целях сапропель. Врачи пеливали кровь, выполняли сложные хирургические операции, практиковали лечебную гимнастику, организовывали сбор лекарственных растений.

При всех больницах на селе были организованы подсобные хозяйства. Благодаря им больные получали нормальное трехразовое горячее питание. Как отмечалось в отчете лечебных учреждений Оренбургской области за 1943 г., некоторые больницы обеспечили себя продуктами питания на весь год⁴⁹.

Благодаря самоотверженной работе медиков отдельные сельские участки и даже целые районы годами не знали инфекционных заболеваний. К ним относились Лабазинский фельдшерский пункт Курманаевского района Оренбургской области (заведующий Т. И. Лапшин), Алагирский врачебный участок Кармаксалинского района Башкирии (заведующий З. З. Хайруллина), Брусянский Белоярского района Свердловской области (заведующий Л. А. Соколовский), районы Агаповский (зав. райздравотделом Черепанова), Аргаяшский (зав. райздравотделом В. С. Апарышева) Челябинской области, Гафурийский (зав. райздравотделом В. А. Долгова) Башкирии.

Бескорыстный самоотверженный труд сельских медиков региона получил общественное признание. Почетного звания «Заслуженный врач РСФСР» были удостоены врач Осинской районной больницы Пермской области А. Н. Поносов, врач Егоршинской больницы Свердловской области П. П. Мирошников. В 1944 г. Наркомздрав СССР наградил значком «Отличник здравоохранения» 27 сельских медицинских работников Свердловской области⁵⁰.

Особое место в системе здравоохранения отводилось заботе о детях. В годы войны были введены должности районных педиатров. Восьмого июля 1944 г. был издан Указ о помощи беременным женщинам и усилении охраны материнства, которым вводились пособия матерям при наличии не шести, как было ранее, а двух детей, при рождении третьего, пособия одиноким матерям, учреждены «Медаль материнства», орден «Материнская слава» и почетное звание «Мать-героиня». Первыми это звание получили матери, родившие и воспитавшие 10 и более детей. На Урале это были В. Г. Асадуллина (колхоз имени Ворошилова Чишминского района Башкирской АССР), М. Е. Бобаченко (колхоз «Ленинец» Туринского района Свердловской области), Е. К. Ефимова (совхоз № 5 Ак-Булакского района Оренбургской области), М. П. Максимова (колхоз имени Фрунзе Курганского района Курганской области), А. С. Медведева (колхоз имени Сталина Добрянского района

Пермской области), О. И. Куразеева (совхоз «Конеферма» Агаповского района Челябинской области)⁵¹ и др.

Увеличивалось число сельских женских и детских консультаций: в Свердловской области — с 19 в 1940 г. до 22 в 1945 г., число молочных кухонь — с 5 до 19, а количество отпущенных порций с 26,5 тыс. за 1940 г. до 642,8 тыс. за 1945 г. В Пермской области число молочных кухонь на селе выросло с 6 до 41, а количество порций с 100,7 тыс. до 1210,1 тыс. В Оренбургской области на селе число консультаций также выросло с 13 до 34, детских молочных кухонь с 5 до 16, а число отпущенных порций в них с 29 тыс. до 548 тыс.⁵² Эти меры привели к тому, что в годы войны резко уменьшилась смертность детей в возрасте до 1 года. Об этом свидетельствуют следующие данные таблицы 4.5⁵³.

Т а б л и ц а 4.5

Смертность детей в возрасте до 1 года

Область	1940 г.			1945 г.		
	Родилось детей	Умерло в возрасте до 1 года	%, умерших	Родилось детей	Умерло в возрасте до 1 года	%, умерших
Пермская	54319	21617	39,8	16909	2233	13,2
Свердловская	43148	11917	27,6	13892	1217	8,8
Челябинская	72766	18435	25,3	9749	760	7,8

При общем сокращении рождаемости на селе в годы войны уменьшилась смертность детей в младенческом возрасте. Число детских яслей в сельской местности оставалось небольшим. Так, в Свердловской области в 1940 г. имелось 713 яслей (на 15,1 тыс. мест), к 1943 г. их число выросло до 802 (18,8 тыс. мест), к концу войны сократилось до 594 (16,2 тыс. мест). Детских садов явно не хватало, хотя их число за годы войны в уральской деревне выросло — с 1310 (43,5 тыс. мест) в 1941 г. до 1539 (61,7 тыс. мест) в 1944 г.⁵⁴ Нехватка мест в детских садах затрудняла участие женщин, имевших малолетних детей, в сельскохозяйственном производстве, приводила к детской заболеваемости.

Несмотря на трудные условия жизни и быта, общая смертность среди сельского населения Урала не увеличилась. В деревне не было ни массовых эпидемий, ни повальной детской смертности.

Анализ социального развития уральского села в годы войны показывает, что, несмотря на общее понижение материального уровня жизни, ограничения народного потребления, в самые тяжелые годы любой житель имел возможность пользоваться медицин-

скими учреждениями. Это достигалось бесплатно и расширением сети здравоохранения и частично нейтрализовало неизбежное ухудшение условий жизни сельских жителей в военные годы.

§ 2. Сельская школа и культурно-просветительные учреждения

В годы Великой Отечественной войны вопросы культурного развития села занимали важное место в деятельности партийных организаций и советских органов. Ослабление экономики колхозов и совхозов не могло не сказаться на культурной жизни деревни.

Особенно резко сократились расходы из местного бюджета на Урале на просвещение в первый период войны — с 905 тыс. руб. в 1940 г. до 778,9 тыс. в 1942 г., доля этих расходов уменьшилась с 45,0 до 31,6 % (по РСФСР еще больше — с 41,1 до 30,3 %) ⁵⁵.

С 1943 г. ассигнования на народное образование в регионе увеличиваются. Дополнительные средства необходимы были на открытие новых школ в сельской местности. Так, в местном бюджете Башкирской АССР доля на социально-культурные мероприятия составила в 1941 г. — 71 %, в 1942 г. — 79, в 1943 г. — 77, в 1944 г. — 80, в 1945 г. — 78 % от всех расходов. Финансирование просвещения по отношению к 1940 г. составило: в 1941 г. — 93 %, в 1942 г. — 79, в 1943 г. — 94, в 1944 г. — 143,5, в 1945 г. — 187 % ⁵⁶. Рост наблюдается с 1943 г. и продолжается до конца войны. Несмотря на крайне ограниченные возможности военного времени, изыскивались средства для культурного развития деревни.

Условия военного времени привели к изменениям в системе школьного образования, в сети культурно-просветительных учреждений деревни. В первый военный год уменьшилось число школ в уральской деревне. Это было вызвано не только сокращением финансирования, но и передачей части школьных зданий на военно-оборонные цели, размещением в них эвакуированных предприятий и учреждений, детских домов. Состояние школьной сети показано в таблице 4.6.

В первый учебный год сократилось число начальных школ на селе, а количество семилеток выросло. Из-за ухода учителей на фронт закрывались начальные школы с небольшим контингентом учащихся, которые переводились в более крупные школы. Однако условиях войны трудно было обеспечить детей транспортом. Поэтому областные отделы народного образования (облоно) и Наркоматы просвещения автономных республик Урала уже в 1942/43 учебном году разрешили открывать одноклассные начальные школы с количеством школьников 10—20 человек. Число семилет-

них школ в деревне в 1941/42 учебном году выросло на 73, в последующие годы их количество сократилось, однако по сравнению с 1940/41 учебным годом их стало больше на 34. Сеть средних школ в уральской деревне претерпела незначительные изменения, они сосредотачивались в основном в районных центрах.

Т а б л и ц а 4.6

**Численность школ, учащихся и учителей
в уральской деревне в 1940—1945 гг.***

Показатель	1940/41	1941/42	1942/43	1943/44	1944/45
Всего сельских школ	14011	13763	13902	14523	14957
В т. ч. начальных	11096	10775	10915	11542	12016
семилетних	2370	2443	2434	2411	2404
средних	545	545	553	570	537
Всего учащихся, тыс. чел.	1686,4	1436,1	1083,2	1124,4	1168,7
В т. ч. в 1—4 классах	1160,9	1007,2	862,3	811,5	890,3
в 5—7 классах	469,8	386,8	279,9	274,9	247,4
в 8—10 классах	55,7	42,1	41,0	38,0	31,0
Всего учителей, тыс. чел.	59,6	56,4	51,2	55,2	56,1

* ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 1101. Л. 30, 34, 50, 59, 62, 73; Д. 1102. Л. 29, 33, 49, 58, 61, 63, 72. В число сельских школ не включены железнодорожные школы Наркомата путей сообщения, расположенные в сельской местности, школы подростков и другие вспомогательные заведения. Данные приводятся в административных границах 1944 г.

Число общеобразовательных школ за годы войны в уральской деревне выросло, одновременно численность школьников уменьшилась на 30,8 %. К концу войны больше всего сократилось число учащихся 5—7 классов (на 47,8 %), 8—10 классов (на 44,3 %), а в начальных классах их количество уменьшилось на 23,3 %

Обеспечение всеобщего обучения детей в годы войны было делом крайне трудным. Число учащихся в сельских школах региона начало сокращаться уже в первом полугодии 1941/42 учебного года, а за весь год учеников 1—4 классов уменьшилось на 13,2 %, 5—7 классов — на 17,7 %, 8—10 классов — на 24,5 %. Контингент сельских школьников сокращался до 1944/45 учебного года. Рост школьной сети и числа учащихся был вызван тем, что в этот год в первые классы стали принимать детей с 7 лет, а не с восьми, как было раньше. В 1944/45 учебном году число учеников в 1—4 классах увеличилось в уральской деревне на 9,7 %, а всех школьников — на 3,9 % по сравнению с предыдущим годом.

Существенной преградой на пути к образованию было резкое ухудшение материального положения сельского населения в годы войны. Дети вынуждены были рано начинать трудиться, потому

что родители не могли их прокормить. Поэтому число учащихся сельских школ сокращалось при переходе к более высокой ступени образования. Лишь треть из них продолжала учебу после 4-х классов. По данным 20 районов Свердловской области в первом полугодии 1941/42 учебного года почти 10 % школьников ушли на производство, бросив учебу. В 1942/43 учебном году ушли из школы и устроились на работу 28,9 % учащихся 5—7 классов и 29,4 % учащихся 8—10 классов области⁵⁷.

Значительное количество деревенских подростков направлялось учиться в систему трудовых резервов. За годы войны число школ фабрично-заводского обучения, ремесленных и железнодорожных училищ на Урале выросло в 2 раза (с 136 до 277). За период с 1940 г. до 1946 г. в них обучалось 588,4 тыс. человек. Молодежь из села составляла 68,6 % от всех учащихся⁵⁸.

Сельская молодежь служила основным источником пополнения школ и курсов механизаторов при МТС и совхозах. Так, треть курсантов Курганской и Чумлякской школ механизации сельского хозяйства Курганской области в 1943—1945 гг. составляла молодежь до 17-летнего возраста⁵⁹.

В условиях войны началось формирование системы образования сельской молодежи. В июле 1944 г. СНК СССР принял постановление «Об организации вечерних школ сельской молодежи»⁶⁰. В Свердловской области постановление обсуждалось на молодежных собраниях в колхозах и совхозах. Райкомы ВЛКСМ совместно с районо провели учет сельской молодежи, не имевшей 7-летнего образования, было зафиксировано 15,3 тыс. человек. Комсомольцы области собрали среди населения 1970 книг, изготовили в промкомбинатах и артелях 1,1 тыс. карандашей, 1,1 тыс. ручек, 730 чернильниц и другие письменные принадлежности. Вопросы о вечерних школах сельской молодежи дважды обсуждались на заседаниях облисполкома и один раз на бюро обкома ВЛКСМ⁶¹.

В крупных населенных пунктах открывались начальные и семилетние школы сельской молодежи. В 1944/45 учебном году в уральской деревне было организовано 746 таких школ (из них 302 — в Башкирии), в них обучались 28,3 тыс. человек⁶². Однако к концу учебного года большая часть школ не действовала.

В период войны проводилась работа по повышению общеобразовательного уровня обновившегося состава руководителей и организаторов колхозов и совхозов. Через школы взрослых и спецклассы детских школ велось обучение инвалидов войны⁶³.

Сельская школа на Урале в годы войны работала в тяжелых условиях: часть находилась в непригодных помещениях, ослабла их материальная база, занятия проводились в 2-3 смены,

не хватало учебников, пособий, тетрадей, ручек и карандашей. В 1942 г. Наркомат просвещения РСФСР издал специальный приказ «О дальнейшем улучшении дела народного образования на Урале», в котором потребовал ликвидировать многосменные занятия, организовать мастерские по ремонту и реставрации детской одежды и обуви⁶¹. Органы народного образования с помощью местных Советов усилили контроль за осуществлением всеобщего, была увеличена материальная помощь нуждающимся учащимся. В Свердловской области в 1942/43 учебном году было открыто 193 однокомплектных школы на 6 тыс. учащихся, рассеянных по небольшим населенным пунктам. В 54 (из 57) районов были организованы 227 школьных столовых, в системе общепита открылась 91 детская столовая. В 103 школах имелись буфеты, в которых школьникам выдавалось на день 50 граммов хлеба и 10 граммов сахара. Всего по области 145 тыс. детей получали питание в школах⁶⁵.

В 1943/44 учебном году учащимся Свердловской области было выдано 72 тыс. пар сапог и ботинок, 20 тыс. валенок, 25 тыс. чулок и носков, 2 тыс. чунь, 7,5 тыс. платьев и костюмов, 2 тыс. рубашек, 2,1 тыс. шапок, 3 тыс. калош, 27,5 тыс. м тканей. В 1944/45 учебном году — 72,3 тыс. пар обуви, 6,9 тыс. одежды, 53 тыс. м ткани. В 1942/43 учебном году насчитывалась 431 детская столовая. Во всех районах были созданы мастерские по ремонту детской одежды и обуви, в ряде школ старшеклассники плели лапти (за 1942/43 учебный год изготовлено 1 тыс. пар лаптей)⁶⁶.

Предпринятые меры позволили работникам просвещения Свердловской области добиться выполнения закона о всеобщем. В 1942 г. всеобщее образование было осуществлено в городах Свердловске и Первоуральске и 3 районах, а в начале 1944 г. — уже в 22 районах области. В 1944 г. всеобщее образование было выполнено в Башкирии на 97,2 %, в Удмуртии — на 97,7 %, в Челябинской области к 1945 г. оно достигло 96,0 %⁶⁷.

С целью использования школьников на сельскохозяйственных работах правительство приняло решение об агротехнической подготовке учащихся школ. Политсектор Свердловского обкома совместно с обкомом провели в Ирбите специальное совещание учащихся по оказанию помощи сельскому хозяйству. Участники совещания обратились через «Учительскую газету» и областное радио ко всем учителям и учащимся с призывом помочь колхозам в весеннем севе и организовать на полевых работах социалистическое соревнование. Так, по инициативе ирбитских педагогов и школьников началось Всесоюзное социалистическое соревнование за лучшее участие в сельхозработах⁶⁸. Движение распространилось по всему Уралу. Школьники работали в колхозах и совхозах после окончания учебного года, занимались прополкой, сбором лекарственных

растений, они были обеспечены питанием, их работа оплачивалась.

Победителем в соревновании 1942 г. вышли инициаторы — учителя и учащиеся Ирбитского района Свердловской области. Школьные коллективы района добились высоких показателей, особенно фронтовые школьные отряды Киргинской, Ключевской и Чашинской неполных средних школ под руководством учителей-комсомольцев М. К. Ардышевой, А. А. Гусевой, М. Ф. Лялиной, М. З. Пайвиной. Каждый ученик Киргинской школы выработал в среднем по 164 трудодня, школа заняла 1-е место и ей было вручено переходящее Красное Знамя ЦК ВЛКСМ и первая премия Наркомзема СССР, первое место школа занимала в 1943 и 1944 гг.⁶⁹

За четыре военных года на полях Свердловской области работали 27,5 тыс. школьных отрядов, насчитывавших 675 тыс. учащихся и 15 тыс. учителей. В Курганской области в 1942 г. на селе работало 37,3 тыс. учащихся, в 1943 г. — 55,5 тыс., в 1944 г. — 59,4 тыс.⁷⁰ В зимний период школьники проводили снегозадержание на полях, собирали золу, ухаживали за лошадьми.

Большое значение придавалось военной подготовке учащихся. Поначалу это были внеклассные кружковые занятия пулеметчиков, гранатометчиков, связистов, санитарок и т. п. В 1942/43 учебном году в школах было введено обязательное военное обучение учащихся под руководством военруков. Широко практиковались военизированные выходы в поле, военные игры, оборонные дни в школах, военно-спортивные лыжные кроссы. Павловская и Очерская средние школы Очерского района, Бардымская семилетняя Бардымского района Пермской области были признаны лучшими по военному обучению учащихся в РСФСР и награждены грамотами Наркомпроса республики⁷¹.

За годы войны произошли изменения в педагогических кадрах. В Челябинской области в 1944/45 учебном году из 2,4 тыс. сельских учителей с высшим образованием было только 3,2 % специалистов, в объеме учительских институтов — 6,9 %, со средним образованием — 49,3 %. Остальные учителя, особенно начальных классов, не имели законченного среднего образования. Стаж работы большинства учителей не превышал 5 лет⁷².

Состав учителей Свердловской области по образовательному уровню был выше. Из 9311 учителей имели высшее образование 10,0 %, незаконченное высшее — 15,8, среднее — 60,5 и неполное среднее — 13,7 %; 1850 учителей заочно обучалось в педагогическом институте и педагогических училищах, 40 % учителей имели стаж работы до 5 лет⁷³. Это сказывалось на работе школы и на качестве обучения.

Сельские учителя изыскивали учебники и пособия, организовывали интернаты, занимались с учениками на дому, создавали пришкольные подсобные хозяйства, привлекали сельские Советы и колхозы к оказанию помощи школе — делали все, чтобы детвора училась.

По поручению директора Увинской средней школы Удмуртской АССР В. А. Сухомлинского преподаватель русского языка А. Хлебникова изготовила простейшие таблицы по грамматике и правописанию, послужившие впоследствии основой для разработки системы наглядных пособий (Учпедгиз в 1951—1965 гг. переиздавал 5 серий этих пособий)⁷⁴. В Башкирской начальной школе Мишкинского района Башкирии под руководством учителя М. Н. Михайлова было подготовлено более 1 тыс. наглядных пособий, в школе был аквариум, террариум, коллекции минералов, гербарии⁷⁵.

За успехи в обучении и активную общественную работу 16 сельских учителей Урала были награждены в декабре 1944 г. орденом Ленина, 112 — орденом Трудового Красного Знамени, 60 — орденом «Знак Почета»⁷⁶. Среди награжденных орденом Ленина — Александра Ивановна Азовская (1878—1974 гг.). После окончания двухклассного училища в Верхотурье она стала работать помощником учителя, с 1912 г. и до 1950 г. работала учителем, завучем и директором Измоденовской неполной средней школы Алапаевского района Свердловской области. В июле 1941 г. вступила в ряды ВКП (б). В годы войны руководимая ею школа была одной из лучших сельских школ области, в 1942 г. она добилась выполнения Закона о всеобуче. Александра Ивановна отдала делу народного образования 53 года, была награждена после войны еще одним орденом Ленина. Сегодня в Измоденово ее имя носит школа и одна из улиц.

В Оренбургской области орденом Ленина была награждена Нонна Илларионовна Абошина (1895—1965 гг.). Она в 1913 г. окончила женскую гимназию в Бугуруслане, затем Самарский вуз, с сентября 1918 г. и до 1957 г. проработала учительницей, директором Больше-Куроедовской неполной средней школы Бугурусланского района. Вступила в 1940 г. в ряды ВКП (б). В годы войны была избрана секретарем партийной организации колхоза «12-й Октябрь», руководила агитколлективом. Награждена двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, медалью. Среди награжденных была учительница Ключевской начальной школы Каменского района Свердловской области Л. А. Сапожникова, проработавшая к тому времени в школе 49 лет. Награды получили учителя Мугайской семилетней школы Махневского района Свердловской области П. Я. Лисицына и М. П. Толмачева. Односельчане видели в них знающих советчиков. Они руково-

длин художественной самодеятельностью, выступали с лекциями и докладами⁷⁷.

Центрами культурной жизни деревни наряду со школами были культурно-просветительные учреждения — дома культуры, колхозные клубы, избы-читальни, библиотеки. В приказе Наркомпроса РСФСР «О работе политико-просветительных учреждений в военное время» (сентябрь 1941 г.) были сформулированы основные задачи их как центров массово-политической и культурно-просветительной работы на селе. В начале войны из-за сокращения ассигнований произошло сокращение культпросветучреждений в уральской деревне. Число колхозных клубов на Урале за первые полгода войны уменьшилось с 1793 до 1041 (данные без Башкирии)⁷⁸. В одном из приказов Наркомпроса РСФСР отмечалась складывающаяся отрицательная тенденция в Свердловской и Челябинской областях — массовое закрытие сельских и других библиотек. Многие избы-читальни находились в плохом состоянии, часть изб-читален и клубов использовалась не по назначению. Большинство их работников были призваны в армию. Однако утверждать, что в первые годы войны культурно-просветительные учреждения свернули свою деятельность, на наш взгляд, неверно⁷⁹.

Одной из главных задач, которую решали учреждения культуры, было разъяснение характера Отечественной войны.

В сельских учреждениях культуры организовывались тематические выставки «Великая Отечественная война», «Последние известия», «Все как один на защиту Отечества», «Победа решается не только на фронте, но и в тылу» и др. Об опыте работы Бородулинской избы-читальни Арамильского района, руководимой А. Г. Ефимуркиной, рассказывалось на Свердловском областном совещании политпросветработников и совещании заведующих избами-читальнями в Наркомпросе РСФСР. В ней была организована агитвитрина «С фронтов Отечественной войны», выпускались бюллетени, повествовавшие о героизме советских бойцов, зверствах фашистов. В 1942 г. в колхозе было выпущено 100 «молний», 30 стенгазет, 30 боевых листов⁸⁰.

Работники культурно-просветительных учреждений села разъясняли сводки Совинформбюро, устраивали читки газет, организовывали массовое слушание радио. В Челябинской области распространялся опыт работы Житниковской избы-читальни Чашинского района. Ежедневно в избе-читальне проводились политинформации о положении на фронте. Дважды в день коллективно слушали радио. Избач Т. Никитина оборудовала доски последних известий в колхозах, газетные витрины, обновляла выставки военной антифашистской литературы, которую использовали агитаторы и бойцы Всевобуча. При избе-читальне работал драматический кружок. В справочном столе члены совета избы-читальни знако-

мили с законодательными актами по вопросам льгот семьям фронтовиков; оказывали помощь при составлении различных заявлений, писем и т. д.⁸¹.

Многие избы-читальни и клубы на Урале находились в ветхом состоянии, пустовали, так как не хватало работников, оборудования, культурного инвентаря. Постановлением от 30 ноября 1944 г. СНК РСФСР обязал восстановить к 1 февраля 1945 г. закрытые избы-читальни, клубы, дома культуры. Областным органам вменялось в обязанность организовать новые культпросветучреждения с таким расчетом, чтобы в каждом сельском Совете были либо изба-читальня, либо клуб⁸².

Зимой 1944—1945 гг. повсеместно прошли смотры сельских учреждений культуры. В Башкирии за время смотра отремонтировали 819 избы-читален. Из городов на село были направлены 1256 библиотечек, 600 сельскохозяйственных альбомов, 4200 настольных и 3 тыс. отрывных календарей, 500 памяток баянисту. В результате смотра в республике вновь наладилась работа 320 избы-читален, 15 библиотек и 3 районных домов культуры⁸³.

Сеть избы-читален в уральской деревне к концу войны была восстановлена — в 1941 г. их насчитывалось 4909, в 1943 г. — 4868, в 1944 г. — 5039. В 1945 г. в каждом сельском Совете была изба-читальня (на Урале в 1945 г. было 5018 сельсоветов). Число сельских библиотек в регионе сократилось: если до войны их насчитывалось 6207, то к концу 1945 г. осталось 3631, а количество книг в них уменьшилось с 4387,2 тыс. до 3132,2 тыс.⁸⁴

При каждой избе-читальне формировались агитбригады, в состав которых включались участники художественной самодеятельности. Весной-летом 1944 г. на полях Курганской области агиткультбригады дали 2186 концертов, обслужили 1784 колхоза, МТС и совхоза, выпустили 1200 боевых листов. Пятнадцать агитбригад из Уфы были направлены в районы, в том числе по линии Башкирской филармонии — 4 башкирских и 3 русских⁸⁵. Они оказывали практическую помощь в налаживании политпросветработы на селе, методическую помощь кружкам художественной самодеятельности.

Культпросветучреждения села были призваны повышать культурный уровень трудящихся, развивать художественную самодеятельность, организовывать культурный отдых жителей. Начавшаяся война вызвала на первых порах свертывание художественной самодеятельности. Художественное обслуживание в первый период войны проводилось в основном силами концертных организаций города. Бригада актеров Свердловского театра музыкальной комедии в посевную 1942 г. дала 33 концерта в колхозах Сухоложского района. В 1943 г. культбригады, созданные учреждениями искусства Свердловска, дали на селе 2 тыс. концертов⁸⁶.

На Урале в разные годы войны работали 53—59 театров, часть из них располагалась в районных центрах. В Башкирии в 1944 г. в селах Аургазы, Киги, Дюртюли, городе Баймак находились колхозно-совхозные театры, которые постоянно выступали перед сельской аудиторией. В селе Полазна Пермской области работало Ленинградское хореографическое училище, продолжалась подготовка артистов балета. Коллектив училища показывал спектакли в областном и районных центрах, оказывал помощь местной художественной самодеятельности⁸⁷.

Значительно активизировалась работа художественной самодеятельности в 1943 г., когда СНК РСФСР принял положение о проведении смотра в сельских местностях и райцентрах республики⁸⁸. Смотру предшествовала большая организационная работа, оживилась работа культпросветучреждений. По инициативе комсомольцев были проведены воскресники по ремонту изб-читален, клубов, подвоза к ним дров. Только силами комсомольцев и молодежи в Чекмагушевском районе Башкирии было отремонтировано 33 клуба, в Миякинском — 22 клуба и 16 изб-читален. А всего к зиме 1943 г. отремонтировали 350 сельских учреждений в Башкирии, 228 — в Удмуртии, 70 — в Свердловской области, 84 — в Оренбургской⁸⁹. В селах Свердловской области было организовано более 1600 кружков художественной самодеятельности, в том числе 456 драматических, 744 хоровых, 50 музыкальных, 100 танцевальных, 200 — художественного чтения. В Каменском, Режевском и Серовском районах прошли вечера русской песни и пляски с целью заинтересовать и привлечь большее количество участников к подготовке и проведению смотра. В период подготовки к смотру было проведено 130 вечеров художественной самодеятельности. В Пермской области в начале 1943 г. при избах-читальнях работал 381 художественный кружок, где занималось 2524 человека, а через год — соответственно 624 и 8662⁹⁰.

В декабре 1943 — январе 1944 гг. прошли районные смотры художественной самодеятельности. В Свердловской области в них приняло участие 25 тыс. человек. На областной тур вышло 34 района и 900 лучших участников; 37 человек были рекомендованы на профессиональную работу в области искусства. В постановлении СНК РСФСР об итогах смотра отмечалась его хорошая постановка в Свердловской области, Башкирии и Удмуртии⁹¹.

С большим размахом в марте 1945 г. проходил второй смотр художественной самодеятельности. В Оренбургской области в нем участвовали 10 тыс. жителей села, в Свердловской — 30 тыс.⁹²

Как отмечается в источниках, смотры показали, что участники самодеятельности широко использовали богатейший фольклор, откликались на самые злободневные вопросы времени и вместе с тем включали в свой репертуар произведения русской классики

и советских поэтов, драматургов, композиторов. Хор пожилых колхозниц села Покровское Егоршинского района Свердловской области имел в репертуаре 60 уральских народных песен. Коллектив Шатровского дома культуры Курганской области за годы войны показал 42 спектакля, среди постановок были «Без вины виноватые» Островского, «Свадьба Кречинского» Сухово-Кобылина, «Любовь Яровая» Тренева, «Юность отцов» Горбатова и др. Большой интерес вызывали выступления хоровых коллективов Свердловской области — Сухоложского, Туринского, колхозов «Вперед» Красноуфимского и «Закаленный боец» Коптеловского районов и др.⁹³ Художественная самодеятельность приобщала широкие массы деревни к культуре.

Большая роль в политико-воспитательной работе и культурной жизни села принадлежала кино, обладающему огромной силой эмоционального воздействия. Кинообслуживание деревни за годы войны резко сократилось. Так, в 1941 г. кинопередвижек на Урале было 1180, к 1945 г. их осталось 668⁹⁴. Партийные организации принимали меры к улучшению кинообслуживания сельских жителей. Бюро Челябинского обкома ВКП (б) в постановлении от 11 сентября 1943 г. наметило меры по улучшению работы сельской киносети: в каждом колхозе фильмы должны были демонстрироваться один раз в месяц⁹⁵.

Для эффективного использования кино в культурной и политико-воспитательной работе зимой 1942 г. в 18 районах Свердловской области прошел оборонный кинофестиваль. Были организованы агиткинобригады, состоявшие из пропагандиста райкома партии и кинемеханика. Перед киносеансом зачитывался доклад, лектор отвечал на вопросы. Агиткинобригады оснащались наглядным материалом: фотовыставками, плакатами, лозунгами, политическими картами, популярной оборонной литературой. Задачи обороны страны увязывались в докладах с вопросами укрепления тыла. Во время фестиваля показывались документальные фильмы: «Победа будет за нами», «За полный разгром немецких захватчиков», «Разгром немецких войск под Москвой», учебные ленты: «Как бороться с зажигательными бомбами», «Борьба за высокий урожай», художественные картины: «Чапаев», «Фронтовые подруги», «Александр Невский», «Депутат Балтики», «За Советскую власть» и др. За время фестиваля состоялось более 1300 сеансов, собравших около 190 тыс. сельских тружеников⁹⁶.

На время сельскохозяйственных кампаний на село посылались кинопередвижки из городов. В 1942 г. в районах Оренбургской области работало 20 звуковых и 80 немых кинопередвижек⁹⁷. Демонстрация военно-патриотических фильмов помогала воспитывать тружеников деревни в духе любви к Родине и ненависти к фашистским захватчикам.

За годы войны на Урале увеличилось число радиоточек на селе. В Пермской области в 1941 г. имелось 10,2 тыс. сельских радиоточек, к концу войны их насчитывалось 12,8 тыс. В Оренбургской области до конца войны было 6 узлов местного радиовещания, к началу 1945 г. их стало 36, число радиоточек на селе выросло с 15 тыс. до 20 тыс.⁹⁸

Нехватка радиоприемников в деревне заставляла искать новые формы использования имевшихся аппаратов. Политотделы Челябинской области в 1942 г. организовали 12 культбригад, оснащенных радиоприемниками. После прослушивания сводок Совинформбюро агитаторы проводили беседы. Для передачи информации по вопросам политической и хозяйственной жизни во многих районах использовалась телефонная связь⁹⁹.

Война осложнила издательскую работу. Нехватка кадров журналистов, ослабление материальной базы заставили в начале войны закрыть ряд газет. Но постепенно выпуск всех районных газет был восстановлен. В 1944 г. на Урале издавалось 346 газет, среди них 5 областных, 5 республиканских и 2 окружные, остальные — районные; 265 газет выходили на русском языке, 29 — на татарском, 27 — на удмуртском, 19 — на башкирском, по 2 — на коми-пермяцком, чувашском и марийском языках. Высоким был разовый тираж, он составлял 902,6 тыс. экземпляров¹⁰⁰. Кроме того, сельские культпросветучреждения получали центральные газеты и журналы.

Печать в дни войны перестроила свою работу. Изменилась тематика и содержание материалов. Местная печать разъясняла характер и цели войны, вселяла твердую уверенность в победе над врагом, мобилизовывала тружеников тыла на преодоление трудностей. Газеты информировали о важнейших событиях на фронте, в тылу, за рубежом.

Редакция газеты «Красный Курган» нашла интересную форму подачи материала. Она разослала читателям анкету с вопросом: «Что ты сделал сегодня для быстреей победы над врагом?» и опубликовала ответы. Ярko и содержательно газеты рассказывали о передовом опыте на колхозных полях и фермах. Во многих газетах имелась постоянная рубрика «Путевка опыта», рассказывалось о размахе социалистического соревнования, публиковалась переписка с фронтовиками.

Во время войны из-за нехватки бумаги выпуск газет сократился. Районные газеты выходили один раз в неделю, областные — пять раз. Сельское население получало значительно меньше газет, чем до войны. Агитаторы организовывали их коллективные читки.

Наряду с газетами, радио и кино, расширению кругозора служили лекции и беседы. Из-за резкого сокращения поступления газет и журналов, незавершенности радиофикации села первостепен-

ное значение приобретали лекции и доклады для сельских жителей. На них задавалось большое количество вопросов: Когда будет открыт второй фронт? Остались ли колхозники в освобожденных Красной Армией районах или все угнаны в Германию? Когда кончится война? Пойдет ли Красная Армия дальше, когда прогонит врага с нашей территории? Будет ли восстановлен нэп? Почему правительство изменило свое отношение к церкви? и много других¹⁰¹.

В начале войны в стране практически прекратилась антирелигиозная пропаганда, а в 1943 г. произошло частичное восстановление прав русской православной церкви. В тяжелейших военных условиях широко распространились религиозные настроения. Потеря родных и близких, материальные трудности приводили людей в церковь.

В 30-е годы на Урале, как и по всей стране, проходил процесс вытеснения из сознания людей традиционных верований, замещения их другими духовными ценностями, главное место среди них, как уже отмечалось, отводилось новому культу — культу Сталина. Повсеместно осуществлялось закрытие храмов. Они передавались под культурно-просветительные учреждения — клубы, кинотеатры, в них размещались машино-тракторные станции и мастерские, цехи райпромкомбинатов, зерносклады и зернохранилища, прачечные, столовые, общежития. Открытое отправление религиозного культа рассматривалось как вражеский выпад. Репрессии привели почти к полному истреблению церковнослужителей.

По нашим неполным данным, в Свердловской области в годы войны была 21 действующая церковь. На их ремонт власти разрешения не давали. Они ветшали, приходили в запустение. В Туринске, например, церковь была разобрана, кирпич передан на строительство спичечной фабрики.

С начала 1944 г. в обласполкомы и СНК автономных республик к уполномоченным по делам церкви хлынул мощный поток писем с просьбой открыть церкви или моленные дома. Анализ 45 таких запросов по Свердловской области показывает, что во всех случаях, кроме двух, в открытии церквей было отказано¹⁰². Открылись по решению СНК РСФСР только две церкви — в июле 1944 г. в Карпинске, в октябре 1945 г. в с. Бруснятское Белоярского района. Основными причинами отказа были: 1) церковное здание занято и возможности его освобождения нет; 2) отсутствие священнослужителей; 3) невозможность реставрации зданий из-за отсутствия у верующих средств и др. Как видно из документов, заявления-просьбы верующих тщательно проверялись. Те, кто ставил подписи в письмах, должны были ее подтвердить, и многие, опасаясь гонений, отказывались. Из этого делался вывод, что необходимого ко-

личества заявителей не набиралось и основания для открытия церкви нет.

В сентябре 1944 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «Об организации научно-просветительной пропаганды»¹⁰³, в котором указал на необходимость широко пропагандировать среди населения естественнонаучные знания, дающие материалистическое объяснение явлений природы, рассказывающие о строении вселенной, возникновении жизни на земле, причинах болезней и т. д. Было указано на необходимость антирелигиозной пропаганды, борьбы с бескультурьем, суевериями и предрассудками.

К этой работе привлекалась сельская интеллигенция. В Башкирии при районо формировались лекторские группы, за октябрь-ноябрь 1944 г. было прочитано 498 лекций. Научные работники Уфы читали в сельских районах 145 лекций на антирелигиозные темы¹⁰⁴. Тематика лекций была типичной: «Происхождение и строение солнечной системы», «Погода и ее происхождение», «Было ли начало и будет ли конец мира?», «Сон и сновидения» и др.

Таким образом, несмотря на материальные лишения, ухудшение материально-бытового положения, резкое сокращение в годы войны культурного строительства, духовный рост советского крестьянства продолжался. Была сохранена система народного образования, а сеть сельских школ на Урале даже расширилась, резкого сокращения в сравнении с довоенным периодом образовательного уровня населения деревни не произошло. Более того, в тяжелейших условиях войны велась работа по повышению профессионального и общеобразовательного уровня сельского населения. Поступательный процесс культурного развития был заторможен. Содержание культурно-просветительной работы в уральской деревне определялось задачами мобилизации сельских тружеников на достижение победы. Советский народ победил в войне и сохранил свои культурные достижения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В годы Великой Отечественной войны народы СССР совершили подвиг, равного которому не знала наша история. Невиданный героизм, самопожертвование, негибаемую волю к победе проявили и труженики уральского села. Вся их жизнь была подчинена одной цели «Все для фронта! Все для победы!» Она проходила в рамках сталинской военно-административной системы. Командно-директивные, жестко централизованные формы руководства всеми сферами социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни деревни в чрезвычайных условиях войны получили повсеместное распространение.

Производство сельскохозяйственной продукции приобрело новое значение, оно стало одним из средств ведения войны. При потере важнейших сельскохозяйственных районов роль сельского хозяйства на востоке страны, в том числе уральского, существенно возросла. Это вызвало ряд изменений в организации и структуре колхозно-совхозного производства региона. При сохранении ведущего положения колхозов поднялся удельный вес совхозов, подсобных хозяйств предприятий и учреждений, выросла доля личных хозяйств рабочих, служащих и колхозников. Ведущей отраслью в колхозах и совхозах Урала было производство хлеба, а основной доход давало животноводство, широкое распространение получило выращивание картофеля и овощей, в то же время были свернуты подсобные производства на селе. Для колхозников их личное хозяйство превратилось в основное, оно давало средства для существования и все продукты питания, кроме хлеба.

Средства производства, рабочая сила из сельского хозяйства переводились в военно-оборонную промышленность, на транспорт, строительство. При этом отвлечение людских ресурсов из уральской деревни на фронт и в промышленность было наибольшим среди тыловых районов страны. Сокращение коснулось не только взрослых трудоспособных мужчин, но и женщин, и подростков и

продолжалось до 1945 г. Это привело к деформации половозрастного состава сельского населения, изменило социально-классовую структуру. Сокращение сельского населения привело к существенным изменениям в соотношении его численности по сравнению с городским. Городского населения в Пермской, Челябинской, Свердловской областях стало больше, чем сельского, это было результатом интенсивной внутрирегиональной миграции и урбанизации.

Отрицательно сказалось на состоянии сельскохозяйственного производства региона сокращение деятельности МТС. Усилилось влияние неблагоприятных погодных условий. Значительно пострадало сельское хозяйство Урала от засухи 1943 г. В годы войны партийные и советские органы перераспределяли рабочую силу, осуществляя привлечение горожан к сельскохозяйственному труду в наиболее напряженные периоды, помощи в ремонте сельскохозяйственной техники.

Материально-денежных средств, получаемых в годы войны сельским хозяйством, было недостаточно для покрытия расходов, которые оно несло в связи с мобилизационными и военно-оборонными работами. Сохранившиеся государственные формы материально-технической и финансовой поддержки сельского хозяйства носили характер оказания помощи для поддержания необходимого уровня производства. Основным источником развития сельского хозяйства региона в условиях войны были его внутренние ресурсы — как материально-технические, так и людские.

Сокращение рабочей силы частично восполнялось небывалым подъемом производственной активности всех групп сельского населения. Подъему трудовой активности способствовали различные материальные и моральные стимулы, широко применялось и правовое воздействие. Сохранить сельскохозяйственное производство на Урале в довоенных размерах не удалось, да это было невозможно. Однако уже в ходе войны труженики уральского села смогли остановить его падение и начать с 1944 г. восстановление, что проявилось в росте валовых сборов сельскохозяйственных культур и увеличении поголовья общественного скота.

В годы войны увеличился контингент населения, нуждавшегося в государственном снабжении продовольствием, и объем поставок сырья военной промышленности, но объективных условий соответствующего роста сельского хозяйства не было. В этой обстановке происходит сосредоточение управлением колхозов, совхозов, МТС в руках центральных военно-хозяйственных и планирующих органов. Крестьянство отдавало государству более половины получаемой продукции практически бесплатно, заготовительные цены были крайне низкими. Заготовки сельскохозяйственной продукции носили характер натурального налога. Основным источником доходов стал рынок. Значительная часть полученных денежных до-

ходов шла на выплату налогов, добровольных отчислений и взносов в фонды обороны, на приобретение облигаций военных займов и билетов лотерей, сдачу средств на вооружение Красной Армии. Колхозы оказывали помощь раненым бойцам, инвалидам, детям, эвакуированным советским гражданам, помогали восстанавливать жизнь населению освобожденных районов. При этом колхозники региона испытывали недостаток питания, нехватку необходимых вещей, в колхозах приходили в негодность жилье и общественные постройки, приостановилось культурное развитие села. В то же время под воздействием деятельности партийных и комсомольских организаций активизировалась общественно-политическая жизнь деревни, выросло социалистическое самосознание крестьянства.

Концентрированным показателем высокой производственной, политической и общественной активности труженников уральской деревни в период Великой Отечественной войны явился тот огромный вклад, давшийся очень дорогой ценой, который они внесли в достижение победы над врагом, выполнив свой гражданский патриотический долг.

Отношения между деревней и городом на Урале, имевшие давние корни и сложившиеся традиции, гармоничные экономические связи, были разорваны, а их развитие дало бы большие результаты в снабжении населения продуктами питания. Административный централизм управления сельским хозяйством, который необходим в чрезвычайных условиях, в годы Великой Отечественной войны был чрезмерен, он не знал границ. Система управления в годы войны не претерпела изменений, однако в целом успешно приспосабливалась к обстановке. В заключительный период войны определенный отказ от репрессивных мер, некоторое снижение налогового пресса и активизация помощи деревне позволили сельскому хозяйству региона выйти из критического состояния.

Война отрицательно повлияла на дальнейшее экономическое и социально-политическое развитие уральского села. Диктат государства в отношении колхозов, потеря ими самостоятельности в производственной, социально-культурной деятельности, перевод их на положение государственных предприятий и безраздельное господство бюрократических методов руководства вели лишь к дискредитации идеи колхозного движения как кооперативного. Низкая материальная заинтересованность колхозников и колхозов в результатах труда вытравляли чувство хозяина земли. В годы, когда государство вело войну, крестьянство мирилось с этим, но в последующем оно видело один выход — уйти из деревни, бросить свои родные места. Молодежь, рано вступавшая в самостоятельную трудовую жизнь в период войны, не смогла получить достаточного образования, в последующие годы из-за скудости культурных запросов стала средой распространения пьянства, обще-

ственно-политической апатии и других негативных социальных явлений.

В то же время период войны дает яркий пример осуществления крутого поворота во всех сферах жизни общества — это решительная и очень стремительная перестройка многих форм и методов работы, опора в решении задач на народные массы, что и позволило достичь победы.

ПРИМЕЧАНИЯ

К введению

1. Правда. 1988. 1 июня.
2. Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963; 2-е изд. М., 1970; Анисков В. Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока — фронту. 1941—1945. Барнаул, 1966. Он же. С полей колхозных на поля сражений. Партийно-организаторская деятельность в ярославской и костромской деревне в годы Великой Отечественной войны. Ярославль, 1975; Виноградов И. И. Политотделы МТС и совхозов в годы Великой Отечественной войны (1941—1943 гг.). Л., 1976; Зеленин И. Е. Совхозы СССР. 1941—1950. М., 1969; Лихоманов М. И. Хозяйственно-организаторская работа партии в деревне в первый период Великой Отечественной войны. 1941—1942. Л., 1975; Островский В. Б. Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967; Шушкин Н. Н. Во имя победы. Организаторская работа партии в деревне в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. Петрозаводск, 1970. Ч. 1; 1974. Ч. 2; и др.
3. История советского крестьянства. Т. 3. Крестьянство СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938—1945. М., 1987.
4. Анисков В. Т. Подвиг советского крестьянства в Великой Отечественной войне. М., 1979.
5. Агарышев П. Г., Дергач М. С., Евланова М. Н. Партийные организации Урала в годы Великой Отечественной войны. Челябинск, 1975; Анисков В. Т. Союз рабочего класса и колхозного крестьянства Урала в годы Великой Отечественной войны в исторической литературе. // Вклад Урала в победу над фашистской Германией. Свердловск, 1986. С. 32—41; Евланова М. Н. Рабочий класс — фронту. Историко-графический очерк. Челябинск, 1984; Историко-география истории рабочего класса Урала периода Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Челябинск, 1983; и др.
6. Валеев Г. Башкирия в период Великой Отечественной войны. Уфа, 1944; Варакин И. Из опыта моей работы. Чкалов, 1943; Забелина Г. Колхоз «Ударник 2-й пятилетки» в дни войны. Чкалов, 1944; Козлов А. Колхоз «Марксист». Челябинск, 1943; Харламов А. Молодые уральцы фронту. М., 1943; Чуева А. Н. Мои рекорды на вязке снопов. Уфа, 1946; Шелест П. Колхоз в дни войны. Свердловск, 1945; и др.
7. История советского крестьянства. Т. 3. С. 11.
8. Белослудцев В. П. Колхозы «Авангард» Нылгинского района и «3-я пятилетка» Сарапульского района в годы Великой Отечественной войны // Учен. зап. Удм. пед. ин-та. Вып. 1. Ижевск, 1946. С. 149—156; Белослудцев В., Кутявин И. Сельское хозяйство Удмуртии в годы Великой Отечественной войны //

Зап. Удм. НИИ истории, языка, литературы и фольклора. Вып. 13. Ижевск, 1950. С. 3—20; **Кухаренок П. С.** Коммунисты Свердловской области — организаторы героического труда колхозников в Великой Отечественной войне Советского Союза // Труды Урал. политехн. ин-та. Сб. 58. Свердловск, 1959. С. 130—145; **Мошкин Н. А.** Патриотизм трудящихся Удмуртии в годы Великой Отечественной войны. Ижевск, 1956; и др.

10. **Кинзебулатов Х. Б.** Колхозное крестьянство Башкирии в годы Великой Отечественной войны. Автореф. дисс. М., 1953; **Кухаренок П. С.** Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор трудовых подвигов колхозного крестьянства в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. (По материалам партийных организаций Свердловской области) Автореф. дисс. Свердловск, 1955.

11. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. Т. 1—VI. М., 1960—1965; История СССР. С древнейших времен до наших дней. т. 10. М., 1973; История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. I. М., 1970; и др.

12. **Безверхний А. З.** В едином боевом лагере. Челябинск, 1965; **Мошкин Н. А.** Во имя победы. Ижевск, 1968; **Наумова А. Г.** Пермская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Пермь, 1960.

13. **Наумова А. Г.** Партийное руководство сельским хозяйством Пермской области в условиях Великой Отечественной войны // Учен. зап. Перм. пед. ин-та. Вып. 189. Пермь, 1967. С. 181—192; **Паруба Е. Е.** Патриотический подъем колхозного крестьянства в первый период Великой Отечественной войны // Труды Урал. политехн. ин-та. Сб. 147. Свердловск, 1966. С. 60—68; **Половников В. М.** Массово-политическая работа на селе в годы Великой Отечественной войны (по материалам Западного Урала) // Труды Перм. с.-х. ин-та. Т. 83. Пермь, 1971. С. 112—116; Он же. Колхозная деревня Западного Урала в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.) // Учен. зап. Перм. ун-та. Т. 151. Пермь, 1966. С. 165—191; **Сендерова А. Б.** Коммунисты Свердловской области во главе организации шефской помощи в массово-политической работе среди колхозников в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.) // Труды Свердловского с.-х. ин-та. Т. 9. Свердловск, 1960. С. 73—87; и др.

14. **Наумова А. Г.** Колхозное крестьянство — фронту (По материалам уральских партийных организаций 1941—1945) // Учен. зап. Перм. пед. ин-та. Т. 101. Пермь, 1972. С. 86—100; Она же. Колхозное крестьянство Урала — армии и тылу // Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. II. М. 1974. С. 287—292; Она же. Партийное руководство сельским хозяйством Урала в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) // Учен. зап. Перм. пед. ин-та. Т. 51. Пермь, 1968. С. 65—100; и др.

15. **Анисков В. Т., Мозолин В. П.** Из истории деятельности партийных организаций Урала по укреплению экономических взаимоотношений рабочего класса и крестьянства в период Великой Отечественной войны // Социально-политическое и экономическое развитие советской деревни. Вып. 3. Ярославль, 1979. С. 31—38; **Мозолин В. П.** Коммунисты — организаторы трудового подвига колхозников Урала в годы Великой Отечественной войны. Там же. С. 63—70; **Власов Г. И.** Коммунисты Урала во главе шефства над Краснодарским краем, Ростовской и Курской областями (1943—1945 гг.) // Учен. зап. Перм. ун-та. Т. 133. Пермь, 1965. С. 188—203; **Мотревич В. П.** Социалистическое соревнование колхозников Урала в период Великой Отечественной войны (1941—1945) // Социалистическое соревнование в народном хозяйстве в условиях социализма (1937—1975). Свердловск, 1984. С. 39—49; **Мошкин В. А.** Помощь трудящихся Челябинской области районам, освобожденным от немецкой оккупации в годы Великой Отечественной войны // Челябинская партийная организация в борьбе за мобилизацию масс на всенародную помощь фронту и районам, пострадавшим от оккупации (1941—1945 гг.). Челябинск, 1961. С. 88—114; **Краюшкина З. М.** К вопросу о шефской помощи города деревне в период Великой Отечественной

войны. 1941—1945. (На материалах Пермской области) // Учен. зап. Перм. пед. ин-та. Вып. 38. Пермь, 1966. С. 122—131; Половников В. М. Партийное руководство соревнованием тружеников деревни Западного Урала в период Великой Отечественной войны // Труды Перм. с.-х. ин-та. Т. 78. Пермь, 1971. С. 70—78; Толмачева Р. П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946—1950 гг.). Томск, 1979; Она же. Сельскохозяйственное производство Урала к концу Великой Отечественной войны // Проблемы социально-экономического развития советской деревни. Вологда, 1975. С. 93—103; и др.

16. См.: Общественно-политическая жизнь уральской советской деревни. Свердловск, 1985; Коммунисты во главе трудового подвига Урала в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Пермь, 1985; Корнилов Г. Е., Мотренич В. П. Колхозное производство на Урале в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Свердловск, 1985; Совхозы Урала в период социализма (1938—1985 гг.). Свердловск, 1986; Урал в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Свердловск, 1986; Население и трудовые ресурсы уральской советской деревни. Свердловск, 1987; Общественно-политическая жизнь Урала в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Челябинск, 1988; Роль массовых организаций в развитии общественно-политической и производственной активности трудящихся Урала (1917—1985 гг.). Пермь, 1988; Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни (1917—1985 гг.). Свердловск, 1988.

17. Урал — фронту. М., 1985. С. 199—235.

К главе I

1. См.: Вознесенский Н. А. Избранные произведения: 1931—1947. М., 1979. С. 504—505.

2. Лацис О. Перелом. Знамя. 1988. № 6. С. 131.

3. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? М., 1989. С. 77.

4. Подсчитано по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 82. Д. 41. Л. 22; Оп. 326. Д. 723. Л. 6, 9, 80, 92; Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М., 1960. С. 43, 51, 75; Численность скота в СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 11, 26, 34, 56, 98, 112, 119; Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. Изд. 2-е. М. 1970. С. 392, 417, 432.

5. Подсчитано по: ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 2. Д. 833. Л. 2; Сельское хозяйство СССР. С. 51, 75; Народное хозяйство РСФСР. Стат. сб. М., 1957. С. 204, 212.

6. ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 891. Л. 71, 72; Народное хозяйство Молотовской области. Стат. сб. Молотов, 1957. С. 120; Народное хозяйство Челябинской области и города Челябинска. Стат. сб. Челябинск, 1957. С. 101.

7. История советского крестьянства. Т. 3. С. 175; ГАЧО. Ф. 288. Оп. 6. Д. 37. Л. 135.

8. См.: История народного хозяйства Урала (1917—1945). Ч. 1. Свердловск, 1988. С. 221; Урал — фронту. М., 1985. С. 207.

9. См.: Советская деревня в первые послевоенные годы. 1946—1950. М., 1978. С. 40.

10. ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 14. Д. 330. Л. 10; Д. 332. Л. 88.

11. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 799. Л. 208; Боевой путь уральского комсомола Прикамья. Пермь, 1968. С. 231.

12. ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 14. Д. 330. Л. 18; Д. 376. Л. 44.

13. ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 3083. Л. 88; Д. 3312. Л. 87; Оп. 4. Д. 832. Л. 22; ГАПО. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 303. Л. 16; ГАЧО. Ф. 1379. Оп. 4. Д. 259. Л. 27, 40; Курганская партийная организация в Великой Отечественной войне. 1941—1945. Челябинск, 1975. С. 116.

14. ГАЧО. Ф. 804. Оп. 3. Д. 80. Л. 3.
15. Сборник указов, постановлений и распоряжений. 1941—1945 гг. Челябинск, 1945. С. 37—39.
16. Партийное строительство. 1942. № 6. С. 43; Уральский рабочий. 1942. 15 февр.; ПАСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 20. Л. 11.
17. ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 14. Д. 330. Л. 14; Д. 332. Л. 8.
18. ПАПО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 175. Л. 124, 125.
19. Социально-политическое и экономическое развитие советской деревни. Вып. 3. Ярославль, 1979. С. 34—35; ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 14. Д. 332. Л. 46. 88.
20. ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 14. Д. 762. Л. 68, 74, 116.
21. ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 14. Д. 833. Л. 7, 9, 11.
22. ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 14. Д. 330. Л. 57.
23. ЦГАНХ ССР. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 773. Л. 1, 3, 4.
24. ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 719. Л. 13.
25. ПАОО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 729. Л. 82; ПАУО. Ф. 16. Оп. 22. Д. 211. Л. 106, 107.
26. Рассчитано по: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 886. Л. 231; Д. 888. Л. 42; Д. 891. Л. 50; Д. 893. Л. 69; Д. 898. Л. 84.
27. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 8. Д. 788. Л. 85.
28. ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 14. Д. 330. Л. 15.
29. Вылцан М. А. Восстановление и развитие материальной базы колхозно-го строя (1945—1958). М., 1976. С. 17, 18.
30. ГАКО. Ф. 1541. Оп. 4. Д. 1. Л. 109.
31. См.: Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: 1929—1945 гг. М., 1957. Т. 2. С. 827—828.
32. Социалистическое сельское хозяйство. 1945. № 11—12. С. 23; ГАКО. Ф. 1591. Оп. 2. Д. 32. Л. 16; Д. 56. Л. 33; ГАПО. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 303. Л. 16.
33. ЦГАНХ СССР. Ф. 7803. Оп. 2. Д. 1505. Л. 69.
34. Рассчитано по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 59. Л. 13; Д. 545. Л. 71—73; Д. 791. Л. 14—16; Д. 1257. Л. 23—25.
35. ЦГАНХ СССР. Ф. 7802. Оп. 1. Д. 2272. Л. 12; Д. 2342. Л. 10.
36. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 37. Д. 29. Л. 203.
37. ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 833. Л. 5; Д. 834. Л. 2—4.
38. ПАСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 68. Л. 17, 18; ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 746. Л. 22—25.
39. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5209. Л. 10.
40. ПАБО. Ф. 122. Оп. 22. Д. 430. Л. 49.
41. ГАСО. Ф. 241. Оп. 3. Д. 282. Л. 17; ПАСО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 342. Л. 92—93.
42. См.: Сборник указов, постановлений и распоряжений. С. 81—82.
43. ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 14. Д. 320. Л. 60.
44. ПАСО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 29. Л. 15.
45. ПАСО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 1. Л. 173; Ф. 141. Оп. 2. Д. 334. Л. 26.
46. ПАСО. Ф. 61. Оп. 5. Д. 388. Л. 164; Д. 389. Л. 225, 226, 257.
47. Развитие советской экономики (Статистические материалы). М., 1946. С. 68.
48. ПАПО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 218. Л. 156—161; Д. 279. Л. 84, 85; Оп. 5. Д. 269. Л. 152—154; Тиунов В. Электрификация колхозной деревни. Молотов, 1946. С. 15.
49. Толмачева Р. П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946—1950 гг.). Томск, 1979. С. 57—67.
50. Вылцан М. А. Указ. соч. С. 19; ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 678, Л. 24, 34; Ф. 7486. Оп. 1. Д. 832. Л. 7.

51. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 460. Л. 9, 28; Ф. 7486. Оп. 1. Д. 832. Л. 7.
52. **Анисков В. Т.** Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока — фронту. С. 113.
53. РСФСР за 50 лет. Стат. сб. М., 1967. С. 10; **Алексеев В. В., Исупов В. А.** Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. С. 79.
54. Рассчитано по: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 773. Л. 3, 6; Д. 774. Л. 1, 2; Д. 775. Л. 1, 3, 8; Д. 776. Л. 5, 6; Д. 777. Л. 5, 8; Д. 778. Л. 15, 16; ГАЧО. Ф. 845. Оп. 17. Д. 5. Л. 28, 32; Д. 25. Л. 21; Д. 37. Л. 123, 124; Д. 54. Л. 21; Д. 75. Л. 42; Д. 98. Л. 40, 43, 45, 98.
55. ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 788. Л. 33.
56. Подсчитано по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 91, 92; Д. 405. Л. 2, 31, 74; Д. 479. Л. 3, 46.
57. Подсчитано по: ЦГА РСФСР. Ф. 327. Оп. 2. Д. 375. Л. 28, 30; Д. 376. Л. 4, 5, 19—21, 40, 101, 125; Д. 379. Л. 4; Д. 380. Л. 3, 7; Д. 390. Л. 47.
58. **Арутюнян Ю. В.** Указ. соч. С. 326.
59. Там же С. 78, 136.
60. Подсчитано по: ЦГАОР СССР. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 211. Л. 23—26.
61. ГАПО. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 1030. Л. 14.
62. **Арутюнян Ю. В.** Указ. соч. С. 392, 394, 398, 418, 432, 439, 441; Страна Советов за 50 лет. Стат. сб. М., 1967. С. 117.
63. **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. Т. 40. С. 321.
64. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1452. Л. 1.
65. Рассчитано по: ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3443. Л. 12, 13, 22, 23; Д. 3449. Л. 17, 18, 33, 34; Д. 3456. Л. 29, 30, 37, 38; Д. 3466. Л. 28—30, 32—34, 36—38; Д. 3474. Л. 13—15, 34—36, 38—40.
66. Рассчитано по: ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3449. Л. 41—43; Д. 3456. Л. 49—51; Д. 3466. Л. 2, 48—50; Д. 3474. Л. 50—52.
67. **Корнилов Г. Е., Мотревич В. П.** Указ. соч. С. 14.
68. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 59. Л. 13; Д. 298. Л. 2; Д. 545. Л. 71—73; Д. 791. Л. 14—16; Д. 1257. Л. 23—25.
69. См.: **Анисков В. Т.** Указ. соч. С. 159.
70. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 765. Л. 13; ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5020. Л. 45; ГАЧО. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1382. Л. 47; Д. 1319. Л. 11.
71. См.: Важнейшие постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) по сельскому хозяйству за 1942—1944 гг. М., 1944. С. 50—53.
72. См.: Сборник указов, постановлений и распоряжений. С. 387.
73. См.: ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 140. Л. 189; ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3449. Л. 143—145; ПАКО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 175. Л. 53.
74. Подсчитано по: ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3456. Л. 29—31, 33—35; Д. 3466. Л. 28—30; Д. 3473. Л. 40—42, 50—52; Д. 3474. Л. 22—24.
75. ПАПО. Ф. 105. Оп. 11. Д. 150. Л. 63; ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 833. Л. 11.
76. Подсчитано по: ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3443. Л. 12, 13; Д. 3449. Л. 17, 18; Д. 3456. Л. 29, 30; Д. 3466. Л. 28—30; Д. 3474. Л. 13—15.
77. ПАПО. Ф. 105. Оп. 11. Д. 202. Л. 15, 16.
78. ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 249. Л. 11; Д. 381. Л. 169; ПАБО. Ф. 112. Оп. 23. Д. 77. Л. 9; Оп. 25. Д. 49. Л. 18; ПАОО. Ф. 371. Оп. 8. Д. 1. Л. 20; Д. 8. Л. 9; Д. 517. Л. 4; Оп. 9. Д. 453а. Л. 34; ПАПО. Ф. 105. Оп. 11. Д. 131. Л. 1; Оп. 105. Д. 57. Л. 309; Д. 339. Л. 25; ПАУО. Ф. 16. Оп. 21. Д. 1129. Л. 21.
79. Уральский рабочий. 1941. 2, 4, 12 ноября.
80. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 14. Д. 321. Л. 58; Д. 538. Л. 2.
81. Партийное строительство. 1942. № 4. С. 43—44.

82. ЦПА ИМЛ. Ф. 112. Оп. 4. Д. 42. Л. 42; ПАБО. Ф. 442. Оп. 10. Д. 115. Л. 8; Оп. 11. Д. 13. Л. 5; ПАПО. Ф. 105. Оп. 11. Д. 111. Л. 30.
83. Подсчитано по: ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 14. Д. 332. Л. 4; Оп. 16. Д. 146. Л. 64; ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 2560. Л. 3; ПАБО. Ф. 122. Оп. 24. Д. 76. Л. 21; ПАКО. Ф. 166. Оп. 6. Д. 10. Л. 203; ПАОО. Ф. 371. Оп. 8. Д. 517. Л. 26; ПАПО. Ф. 105. Оп. 11. Д. 219. Л. 19; Д. 339. Л. 26; ПАСО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 268. Л. 24; ПАУО. Ф. 16. Оп. 23. Д. 183. Л. 12; Оп. 25. Д. 168. Л. 29; ГАКО. Ф. 895. Оп. 7. Д. 331. Л. 14.
84. ПАСО. Ф. 4233. Оп. 9. Д. 5790. Л. 1—14; Люди колхозной деревни. Свердловск, 1947. С. 23—56; Колхозный путь. Свердловск, 1952. С. 49—51.
85. Подсчитано по: Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство... С. 408—411; ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 418. Л. 1, 7, 16, 25; ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3465. Л. 140, 142, 144, 146; ЦГА УАССР. Ф. 620. Оп. 1. Д. 393. Л. 26, 27.
86. Советское Зауралье. 1966. 9 мая.
87. Составлено по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 418. Л. 1, 4, 16, 25; ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3465. Л. 140—146; Д. 3473. Л. 232—234; Д. 3480. Л. 130—145.
88. ЦПА ИМЛ. Ф. 112. Оп. 4. Д. 52. Л. 1.
89. Корнилов Г. Е. Работа партийных организаций Урала по обеспечению сельского хозяйства механизаторскими кадрами в период Великой Отечественной войны (1941—1945) // Коммунисты во главе трудового подвига Урала в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Пермь, 1985. С. 149—150.
90. ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 18. Д. 116. Л. 9, 11, 13, 15, 17.
91. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967). Т. 3. М., 1968. С. 86—88.
92. Сборник указов, постановлений и распоряжений. С. 46—48.
93. ГАОО. Ф. 1003. Оп. 3. Д. 940. Л. 24; Д. 1043. Л. 43; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 886. Л. 234, 246; Д. 891. Л. 51, 53; Д. 893. Л. 71, 73; Д. 898. Л. 37.
91. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 1167. Л. 99.
94. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 1061. Л. 99.
95. Рассчитано по: ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 784. Л. 54, 57, 61, 165—167; Д. 848. Л. 4, 5, 140; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 839. Л. 45; Д. 893. Л. 73; Д. 898. Л. 87; Ф. 1824. Оп. 1. Д. 794. Л. 29.
93. Чадаев Я. Е. Экономика СССР в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1965. С. 336.
97. Рассчитано по методике Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. С. 118; ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 422а. Л. 43, 45; Д. 422. Л. 57; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 886. Л. 234, 238; Д. 891. Л. 53, 59; Д. 898. Л. 87, 92.
98. ПАБО. Ф. 122. Оп. 23. Д. 89. Л. 22; ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 7805. Л. 123.
99. ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 8. Д. 273. Л. 174; ПАЧО. Ф. 288. Оп. 14. Д. 232. Л. 30, 36.
100. ЦПА ИМЛ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 52. Л. 50; ПАБО. Ф. 122. Оп. 24. Д. 76. Л. 44; Д. 92. Л. 140; ПАКО. Ф. 166. Оп. 6. Д. 1. Л. 91; ПАПО. Ф. 105. Оп. 5. Д. 269. Л. 143; Оп. 11. Д. 202. Л. 17; ПАСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 126. Л. 139; ПАУО. Ф. 16. Оп. 24. Д. 161. Л. 11; Оп. 23. Д. 86. Л. 1; ГАСО. Ф. 1824. Оп. 3. Д. 29. Л. 35.
101. ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 4. Д. 717. Л. 44, 45.
102. Подсчитано по: ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 846. Л. 205; Оп. 14. Д. 332. Л. 4; ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 2560. Л. 1, 2, 4, 8, 14, 15; ПАКО. Ф. 166. Оп. 6. Д. 10. Л. 202; ПАПО. Ф. 105. Оп. 11. Д. 202. Л. 17; ПАУО. Ф. 16. Оп. 24. Д. 161. Л. 11. Эти данные включают подготовку колхозников: а) в годичных школах сельского хозяйства; б) в районных и межрайонных кол.

хозных школах; в) через краткосрочную курсовую подготовку; г) обучение в кружках и семинарах.

103. Зеленин И. Е. Совхозы СССР. С. 29; ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 3170. Л. 18; ПАЧО. Ф. 288. Оп. 8. Д. 139. Л. 63.
104. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 793. Л. 305, 313, 318—323, 325; Ф. 7486. Оп. 14. Д. 332. Л. 79; ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 7117. Л. 62—64.
105. ГАСО. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 812. Л. 100; ПАПО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 181. Л. 40, 43, 130, 131; ПАЧО. Ф. 288. Оп. 4. Д. 73. Л. 23; Оп. 6. Д. 218. Л. 64; ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 14. Д. 330. Л. 46.
106. ПАСО. Ф. 4254. Оп. 1. Д. 6. Л. 27.
107. ПАСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 60. Л. 6; ПАЧО. Ф. 288. Оп. 4. Д. 78. Л. 7, 8.
108. ГАПО. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 2880. Л. 13; ПАПО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 202. Л. 16; Д. 332. Л. 22, 23; Оп. 11. Д. 176. Л. 5; ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 968. Л. 115.
109. ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 14. Д. 376. Л. 50.
110. ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 14. Д. 309. Л. 23; Оп. 18. Д. 906. Л. 100.

К главе II

1. История советского крестьянства. Т. 3. С. 147.
2. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967.
- Т. 2. С. 750.
3. История народного хозяйства Урала. Ч. 1. Свердловск, 1987. С. 186.
4. Арутюнян Ю. В. Указ. соч. С. 19.
5. Анисков В. Т. Указ. соч. С. 28—30; История советского крестьянства. Т. 3. С. 209—210.
6. КПСС в резолюциях... М., 1971. Т. 6. С. 30.
7. ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 659. Л. 23.
8. Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. 28 мая.
9. ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 659. Л. 4—17.
10. Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. М., 1988.
- С. 84.
11. Мотревич В. П. Трудовой подвиг колхозного крестьянства Урала в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Автореф... канд. истор. наук. Пермь, 1983. С. 11.
12. Ахмадиев Т. Х. Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. Уфа, 1984. С. 126.
13. История народного хозяйства Урала. Ч. 1. С. 225.
14. КПСС в резолюциях... М., 1971. Т. 6. С. 36—38.
15. ПАСО. Ф. 4. Оп. 48. Д. 1669. Л. 6, 7.
16. ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 160. Л. 39.
17. ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 2479. Л. 147.
18. Правда. 1942. 13 июля.
19. ПАПО. Ф. 105. Оп. 105. Д. 57. Л. 196.
20. ПАСО. Ф. 4. Оп. 51. Д. 140. Л. 1—12.
21. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 968. Л. 26.
22. ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 576. Л. 1—6.
23. ПАОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 200 а. Л. 31; ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 805.
- Л. 64.
24. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 14. Д. 360. Л. 173; ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 576. Л. 7.
25. ПАОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 624. Л. 1—7; ПАЧО. Ф. 288. Оп. 12. Д. 207.
- Л. 14; Удмуртская правда, 1945. 5 марта.
26. Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938—1946 гг. М., 1948. С. 310—311.

27. Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1942. № 3.
28. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1942—1943. Л., 1944. С. 92; Ведомости Верховного Совета СССР. 1943. № 30.
29. Звезда. 1941. 13 ноября.
30. ПАБО Ф. 122. Оп. 25. Д. 501. Л. 44; ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 1168. Л. 30.
31. ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3443. Л. 28, 29, 59/60; Д. 3449. Л. 45—47; Д. 3456. Л. 86—88; Д. 3466. Л. 85—87; Д. 3474. Л. 103—105; Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Сб. 38. Свердловск, 1966. С. 455.
32. ГАЧО. Ф. 1211. Оп. 1. Д. 116. Л. 97; Звезда. 1942. 24 апр.; Челябинский рабочий. 1942. 19, 21 апр.
33. ПАЧО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 171. Л. 100; Ф. 288. Оп. 1. Д. 847. Л. 8, 9; Д. 849. Л. 29, 30; Д. 997. Л. 18; Оп. 8. Д. 917. Л. 53; ПАКО. Ф. 166. Оп. 11. Д. 143. Л. 12—13.
34. Рассчитано по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 59. Л. 20; Д. 298. Л. 11; Д. 545. Л. 80—82; Д. 791. Л. 23—25; Д. 1257. Л. 32—34.
35. Рассчитано по: Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство... С. 422—429.
36. Рассчитано по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 326. Д. 13. Л. 1; Д. 221. Л. 35; Д. 388. Л. 16—31; Д. 726. Л. 6, 9, 80, 92, 155; ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3457. Л. 7—9; Д. 3468. Л. 17—19.
37. Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М., 1971. С. 112.
38. Рассчитано по: Посевные площади СССР. Стат. справочник. М.-Л., 1939. С. 6—10, 15—19, 131—135, 140—144, 215—219.
39. Рассчитано по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 59. Л. 13, 17, 20; Д. 298. Л. 5, 8, 11; Д. 545. Л. 74—82; Д. 791. Л. 17—25; Д. 1257. Л. 26—32.
40. ГАОО. Ф. 1003. Оп. 3. Д. 941. Л. 4, 6, 8; Д. 1045. Л. 45, 49; Оп. 8. Д. 347. Л. 15; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 898. Л. 28.
41. ЦГАНХ СССР. Ф. 7802. Оп. 1. Д. 2272. Л. 35; Д. 2298. Л. 22.
42. Корнилов Г. Е., Мотренич В. П. Указ. соч. С. 33.
43. ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 3085. Л. 31; ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5030. Л. 236; Ф. 1824. Оп. 1. Д. 822. Л. 170.
44. Правда. 1942. 13 апр.
45. ГАСО. Ф. 241. Оп. 3. Д. 274. Л. 27; ПАБО. Ф. 122. Оп. 23. Д. 587. Л. 173.
46. Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938—1946 гг. М., 1948. С. 495—498; Арутюнян Ю. В. Указ. соч. С. 191.
47. Народное хозяйство СССР. Стат. сб. М., 1956. С. 118; Народное хозяйство РСФСР. Стат. сб. М., 1957. С. 32.
48. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 37. Д. 26. Л. 98.
49. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 59. Л. 23, 26; Д. 791. Л. 23—26.
50. ГАПО. Ф. 584. Оп. 2. Д. 234. Л. 380, 381.
51. ПАБО. Ф. 122. Оп. 24. Д. 711. Л. 24.
52. Арутюнян Ю. В. Указ. соч. С. 442—443; Совхозы Урала в период социализма. С. 38.
53. Совхозная газета. 1944. 25 окт.; Совхозное производство. 1942. № 3. С. 45; 1943. № 12. С. 33—36; 1944. № 4. С. 31—34.
54. ГАОО. Ф. 1003. Оп. 3. Д. 347. Л. 18, 19.
55. См.: Митрофанова А. В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 229.
56. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 65.
57. Совхозы Урала в период социализма. С. 24—26.

58. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5311. Л. 11—13.
59. Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937—1975). Свердловск, 1981. С. 87.
60. Рассчитано по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 387. Л. 64, 93, 110, 128.
61. Составлено по: ГАСО. Ф. 1003. Оп. 3. Д. 995. Л. 1—4; Д. 1017. Л. 1—4; Д. 1059. Л. 1—4; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 891. Л. 99—102; Д. 893. Л. 52—54; Д. 898. Л. 65—69; ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 387. Л. 64, 93, 110, 128; Д. 886. Л. 6, 11, 16; Д. 1362. Л. 6, 9, 12, 15.
62. Трифонов А. Н. Деятельность партии по организации снабжения населения Урала в период Великой Отечественной войны (1941—1945). Автореф... канд. истор. наук. Свердловск, 1979. С. 17.
63. Рассчитано по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 326. Д. 723. Л. 6, 9, 92, 155.
64. Рассчитано по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1. Л. 19—30; Д. 271. Л. 3, 19, 27, 32, 34, 37; Д. 710. Л. 35—40, 44; Д. 976. Л. 53—58, 61; Д. 1504. Л. 56—64.
65. Островский В. Б. Колхозное крестьянство СССР. Саратов, 1967. С. 30.
66. ГАКО. Ф. 1541. Оп. 4. Д. 1. Л. 74; ЦГАНХ СССР. Ф. 4372. Оп. 43. Д. 549 а. Л. 147.
67. Рассчитано по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 403. Л. 3, 10, 11, 13; ПАЧО. Ф. 288. Оп. 8. Д. 913. Л. 4.
68. Уральский рабочий. 1944. 25 марта; Материалы по выполнению постановления Государственного Комитета Оборона «О мероприятиях по усилению продовольственной базы промышленных центров Свердловской области». Свердловск, 1944.
69. О создании продовольственной базы промышленных центров Молотовской области. Постановление СНК СССР от 5 августа 1944 г. Молотов, 1944; О мероприятиях по подъему сельского хозяйства в колхозах Башкирской АССР. Уфа, 1945; Сборник указов, постановлений, распоряжений: 1941—1945. Челябинск, 1945. С. 17—25; Уральский рабочий. 1945. 11 апр.
70. Материалы в помощь постоянным комиссиям местных Советов. Чкалов, 1945. С. 11; ЦГАНХ СССР. Ф. 7486. Оп. 11. Д. 143. Л. 11; ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 4. Д. 717. Л. 41; ПАКО. Ф. 166. Оп. 13. Д. 39. Л. 5—10.
71. ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 2558. Л. 2.
72. Челябинский рабочий. 1944. 6 июня.
73. ГАКО. Ф. 1541. Оп. 2. Д. 63. Л. 3—6; Д. 65. Л. 9—10; Оп. 4. Д. 1. Л. 98—109.
74. ПАБО. Ф. 122. Оп. 24. Д. 677. Л. 126, 127.
75. ГАКО. Ф. 1541. Оп. 4. Д. 1. Л. 114; ПАБО. Ф. 122. Оп. 26. Д. 48. Л. 62; ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 1151. Л. 5; Д. 1164. Л. 144; ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 2558. Л. 4.
76. ГАОО. Ф. 846. Оп. 3. Д. 4. Л. 3; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 898. Л. 74; ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 1061. Л. 12; Оп. 8. Д. 911. Л. 127.
77. ГАПО. Ф. 493. Оп. 8. Д. 1. Л. 50, 54; Ф. 1133. Оп. 1. Д. 1030. Л. 38.
78. Правда. 1945. 24 февр.
79. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 326. Д. 431. Л. 1.
80. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 980. Л. 15; Д. 984. Л. 22; Д. 986. Л. 13—15; Д. 1007. Л. 2; Д. 1010. Л. 13; Оп. 37. Д. 26. Л. 15.
81. ЦГАНХ СССР. Ф. 7803. Оп. 1. Д. 2314. Л. 23, 24; ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 968. Л. 2; Оп. 37. Д. 26. Л. 96—98.
82. Совхозная газета. 1944. 12 февр.
83. ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 4. Д. 717. Л. 30—33.
84. ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 4. Д. 714. Л. 60—62; Д. 716. Л. 103; Д. 742. Л. 181.
85. ГАСО. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 988. Л. 103.

86. Сборник указов, постановлений и распоряжений. С. 75, 89; ГАСО. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 825. Л. 25.
87. Корнилов Г. Е., Мотревич В. П. Указ. соч. С. 45.
88. ГАСО. Ф. 1541. Оп. 3. Д. 63. Л. 3; Д. 65. Л. 10; ГАСО. Ф. 88. Оп. 5401. Л. 4, 51—54; Оп. 3. Д. 646. Л. 4, 6; Ф. 1824. Оп. 1. Д. 580. Л. 25.
89. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 1112. Л. 27—29.
90. Андрианов В. Клятва уральцев тов. Сталину. М., 1943. — 30 с.; Все для фронта! Свердловская областная организация КПСС в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Свердловск, 1985. С. 12.
91. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 754. Л. 1—3.
92. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 799. Л. 78, 133.
93. Там же. Л. 40.
94. Там же. Д. 796. Л. 35, 36.
95. См.: Мотревич В. П. Социалистическое соревнование колхозников Урала в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Социалистическое соревнование в народном хозяйстве Урала в условиях социализма. 1937—1975. Свердловск, 1984. С. 39—49; Половников В. М. Колхозная деревня Западного Урала в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942) // Учен. зап. Перм. ун-та № 151. 1966. С. 165—191; Мухаметдинов Г. Р. Соревнование тружеников села Грузинской ССР и Свердловской области в годы Великой Отечественной войны. // Октябрь на Урале: история и современность. Свердловск, 1987. С. 75—77.
96. Путь Октября (Орган Ачитского райкома КПСС и районного Совета депутатов трудящихся Свердловской области). 1977. 1 марта.
97. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5081. Л. 70—79.
98. ПАСО. Ф. 4. Оп. 25. Д. 463. Л. 1—3.
99. Челябинский рабочий. 1942. 3 июня; 15 сент.; 27, 29 окт.
100. Правда. 1943. 28 июля; Социалистическое земледелие. 1943. 31 июля.
101. ПАКО. Ф. 166. Оп. 6. Д. 10. Л. 28; Ф. 1200. Оп. 1. Д. 175. Л. 17; ЦА ВЛКСМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 49. Л. 17; Д. 122. Л. 29.
102. ЦА ВЛКСМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 22. Л. 13; Д. 40. Л. 11; Д. 70. Л. 27; Д. 120. Л. 64; Д. 122. Л. 29; ПАПО. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 599. Л. 18.
103. ПАОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 3. Л. 54; Чкаловская коммуна, 1942. 9 окт.
104. ПАОО. Ф. 371. Оп. 8. Д. 447. Л. 20; Чкаловская коммуна 1943. 15, 20 авг.; 1944. 13 авг.; 11 сент.; 9 дек.; Тощая правда. 1943. 15, 25 июля; 1, 15 авг.; 7 ноября; 1944. 20 сент.; 1945. 15 марта.
105. Чуева А. Н. Мои рекорды на вязке снопов. Уфа, 1946. С. 7—13; Красная Башкирия. 1943. 9 авг.; 5 сент.; 1945. 7 сент.
106. Подсчитано по: ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 409. Л. 28; Д. 311. Л. 5; ЦА ВЛКСМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 22. Л. 14, 15; Д. 49. Л. 12; Д. 70. Л. 25; Д. 79. Л. 48; Д. 120. Л. 59, 60; Д. 122. Л. 30; ПАБО. Ф. 122. Оп. 24. Д. 231. Л. 182; Оп. 25. Д. 56. Л. 37; ПАОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 3. Л. 54; Д. 8. Л. 43; ПАПО. Ф. 105. Оп. 5. Д. 269. Л. 137; ПАСО. Ф. 61. Оп. 5. Д. 357. Л. 10; ПАУО. Ф. 16. Оп. 24. Д. 2. Л. 87; Красная Башкирия. 1945. 11 апр.; 5 окт.
107. ПАСО. Ф. 61. Оп. 5. Д. 596. Л. 71.
108. Исторический архив. 1962. № 6. С. 54—57.
109. Партийное строительство. 1945. № 9—10. С. 37.
110. Исторический архив. 1962. № 6. С. 48—50.
111. Правда. 1946. 14 янв.; Совхозная газета. 1944. 19 февр.; 2, 26 авг.; 4 ноября; 1946. 23 февр.; 19 марта.
112. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Указ. соч. С. 80.
113. Арутюнян Ю. В. Указ. соч. С. 211; История советского крестьянства. Т. 3. С. 242.
114. См.: Сборник постановлений ЦК ВКП (б) и СНК СССР по вопросам заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов. М., 1943. 124 С.

115. Правда. 1940. 7 апр.
116. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 8. Д. 911. Л. 132; Д. 921. Л. 2.
117. Правда. 1942. 11 июля.
118. ЦГАНХ СССР. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1307. Л. 16, 17.
119. См.: Актуальные вопросы совершенствования экономических отношений на Урале. Свердловск, 1987. С. 4; Сборник постановлений ЦК ВКП (б) и СНК СССР по вопросам заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов. М., 1943. 124 С.
120. Рассчитано по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 326. Д. 732. Л. 2.
121. Подсчитано по: ЦГАНХ СССР. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1440. Л. 3—10, 17.
122. См.: Сборник указов, постановлений и распоряжений. С. 121—126.
123. ЦГАНХ СССР. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1205. Л. 81.
124. Там же. Л. 68—70. Эквивалент на обмен других сельхозпродуктов при сдаче был установлен следующим: 1 т мяса = 7 т зерна, 1 т льна-кудряша = 2 т зерна, 1 т шерсти = 35 т зерна.
125. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5209. Л. 125.
126. ЦГАНХ СССР. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1205. Л. 67, 71; Д. 1440. Л. 1, 2.
127. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 8. Д. 933. Л. 3, 4.
128. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 8. Д. 911. Л. 44.
129. ПАБО. Ф. 122. Оп. 25. Д. 501. Л. 44, 45.
130. ЦГАНХ СССР. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1307. Л. 42.
131. Подсчитано по: ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3444. Л. 39, 40, 45, 46, 51, 52, 64; Д. 3451. Л. 26—28, 31—33; Д. 3459. Л. 38—40, 42—44, 46—48, 74—76; Д. 3470. Л. 38—40, 42—44, 46—48, 74—76; Д. 3477. Л. 46—48, 50—52, 54—56, 82—84.
132. Подсчитано по: ЦГАНХ СССР. Ф. 7802. Оп. 1. Д. 2309. Л. 5; ГАОО. Ф. 1003. Оп. 3. Д. 941. Л. 4, 6; Д. 1016. Л. 44.
133. ЦГАНХ СССР. Ф. 7802. Оп. 1. Д. 2286. Л. 36; Д. 2309. Л. 42; ГАОО. Ф. 1003. Оп. 3. Д. 1060. Л. 7; ПАЧО. Ф. 288. Оп. 37. Д. 26. Л. 171.
134. **Сталин И. В.** О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 144.
135. Подсчитано по: ЦГАНХ СССР. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1533. Л. 133—137.

К главе III

1. КПСС в резолюциях... Т. 6. С. 17—19.
2. Рассчитано по: ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 306. Л. 8, 56, 61, 71, 88; Д. 307. Л. 5, 7, 8; Д. 363. Л. 8, 67, 76, 88, 109; Д. 376. Л. 8, 57, 74, 119, 122; Д. 400. Л. 8, 74, 80, 99, 130, 133; Д. 25. Л. 138, 139.
3. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 15. Д. 192. Л. 1.
4. ЦПА ИМЛ. Ф. 112. Оп. 4. Д. 52. Л. 50.
5. ПАУО. Ф. 16. Оп. 22. Д. 73. Л. 9.
6. Подсчитано по статотчетам парторганов; **Арутюнян Ю. В.** Указ. соч. С. 403—404; ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3465. Л. 144, 146; Д. 3480. Л. 139—141.
7. Подсчитано по: ПАОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 901. Л. 2—9.
8. ПАСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 56. Л. 1—7.
9. Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 130.
10. См.: **Андрианов В.** Клятва уральцев товарищу Сталину. М., 1943. — 30 с.: Все для фронта! С. 12.
11. См.: **Шагинян М.** Уральский дневник // Новый мир. 1985. № 5. С. 169, 170; Из личных бесед с А. П. Косоваловым.
12. Все для фронта! С. 14, 208; Подвиг трудового Урала. Свердловск, 1965. С. 184—191.
13. ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 67. Л. 19; Д. 106. Л. 2, 3.

14. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 121.
15. ПАОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 10. Л. 62.
16. Правда. 1941. 8 ноября.
17. Уральский рабочий. 1942. 1 янв.
18. См.: Стенограмма совещания. ПАСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 88.
19. ПАСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 4. Л. 73.
20. КПСС в резолюциях... Т. 6. С. 63—64.
21. ПАОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 48. Л. 7; Оп. 8. Д. 1. Л. 21, 22; Оп. 9. Д. 528.
- Л. 29, 30.
22. ПАБО. Ф. 122. Оп. 22. Д. 95. Л. 18—23, 46; Оп. 24. Д. 408. Л. 49.
23. ПАСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 4. Л. 89.
24. ПАУО. Ф. 16. Оп. 21. Д. 110. Л. 35; Оп. 25. Д. 138. Л. 17; ПАОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 5. Л. 49.
25. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 804. Л. 6; Оп. 12. Д. 202. Л. 12.
26. ПАПО. Ф. 105. Оп. 11. Д. 270. Л. 11.
27. ПАСО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 624. Л. 1—7.
28. КПСС в резолюциях... Т. 6. С. 132.
29. Там же. С. 132—133.
30. ПАБО. Ф. 122. Оп. 25. Д. 350. Л. 149.
31. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5303. Л. 179, 183.
32. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5288. Л. 105, 106.
33. ЦПА ИМЛ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 52. Л. 51, 53; Д. 153. Л. 30.
34. ПАПО. Ф. 105. Оп. 5. Д. 269. Л. 246.
35. ЦА ВЛКСМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 120. Л. 1; Д. 122. Л. 1; ПАПО. Ф. 105. Оп. 5. Д. 269. Л. 237.
36. ЦА ВЛКСМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 120. Л. 2. 66; ПАПО. Ф. 105. Оп. 5. Д. 269. Л. 144—146.
37. Товарищ комсомол. Документы съездов, конференций и пленумов ЦК ВЛКСМ. Т. 2. М., 1969. С. 30—33.
38. ГАОО. Ф. 1472. Оп. 1. Д. 11. Л. 1; Д. 13. Л. 34; Д. 16. Л. 15.
39. ГАОО. Ф. 1472. Оп. 1. Д. 13. Л. 29; Оп. 2. Д. 3. Л. 13, 14; Д. 10. Л. 3, 4.
40. Подсчитано по: ЦГАОР СССР. Ф. 7924. Оп. 14. Д. 22. Л. 20.
41. ГАОО. Ф. 1472. Оп. 1. Д. 13. Л. 32.
42. ЦГАОР СССР. Ф. 7924. Оп. 14. Д. 22. Л. 2.
43. ЦГАОР СССР. Ф. 7924. Оп. 9. Д. 149. Л. 113.
44. ГАОО. Ф. 1472. Оп. 1. Д. 13. Л. 26; ЦГАОР СССР. Ф. 7924. Оп. 9. Д. 149. Л. 113.
45. Итоги выборов в местные Советы депутатов трудящихся РСФСР. 24 декабря 1939 г. М., 1940. С. 109—119.
46. РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 апреля 1941 года с приложением изменений, происшедших за время с I.V. 1941 г. по I.IX. 1942 г. М., 1942. С. 6—9.
47. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5412. Л. 3, 23, 26; ПАПО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 107. Л. 63; ЦГА БАСР. Ф. 394. Оп. 3. Д. 1010. Л. 21.
48. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5210. Л. 37; Д. 5212. Л. 20.
49. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5321. Л. 43.
50. ПАУО. Ф. 16. Оп. 25. Д. 193. Л. 17—19.
51. ПАСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 201. Л. 87; Эполетов Н. И. История оборонного общества Среднего Урала. Свердловск, 1977. С. 69.
52. Звезда. 1941. 6, 7, 13 авг.; Чкаловская коммуна. 1941. 3 авг.; Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне. С. 109.
53. ПАОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 201. Л. 2; Оп. 7. Д. 1. Л. 2; Д. 602. Л. 1; Д. 898. Л. 5; ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 108. Л. 92; Чкаловская коммуна. 1941. 9, 19 ноября.
54. ЦГАНХ СССР. Ф. 7733. Оп. 29. Д. 853. Л. 127.

55. ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 32. Л. 17; История Урала. Т. 2. Пермь. 1977. С. 325; Колесник А. Ф. РСФСР в годы Великой Отечественной войны. М., 1982. С. 201; Комсомольская правда. 1941. 24 дек.; Уральский рабочий. 1942. 13 янв.

56. ЦГАНХ СССР. Ф. 7733. Оп. 29. Д. 853. Л. 104—105.

57. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 835. Л. 6; Звезда. 1942. 10 июня; Чкаловская коммуна. 1941. 19 июля; Синицын А. М. Всенародная помощь фронту. О патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1975. С. 142.

58. ПАБО. Ф. 122. Оп. 23. Д. 566. Л. 82; Звезда. 1943. 21, 26 мая; Чкаловская коммуна. 1943. 23 июня.

59. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 2. Д. 156. Л. 21; ПАУО. Ф. 16. Оп. 21. Д. 110. Л. 38; ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 108. Л. 92; Чкаловская коммуна. 1941. 22 ноября; Синицын А. М. Указ. соч. С. 144.

60. КПСС в резолюциях... Т. 7. М., 1985. С. 31.

61. ПАЧО. Ф. 289. Оп. 1. Д. 903. Л. 7; Ф. 288-К. Оп. 1. Д. 285. Л. 39; Звезда. 1943. 6 окт.

62. СССР в Великой Отечественной войне. 1941—1945. Хроника. М., 1970. С. 78.

63. ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 67. Л. 120, 121; ПАОО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 1176. Л. 14, 17; Оп. 5. Д. 226. Л. 15; Д. 510. Л. 26; Д. 514. Л. 11.

64. ПАОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 10. Л. 24, 70; Д. 109. Л. 8; Д. 110. Л. 20; Д. 112. Л. 22; Д. 119. Л. 20.

65. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 861. Л. 2, 3.

66. ПАЧО. Ф. 288-К. Оп. 1. Д. 287. Л. 28, 43.

67. ПАБО. Ф. 122. Оп. 24. Д. 746. Л. 46; ПАОО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 1. Л. 72; Удмуртская правда. 1945. 19 ноября; В «Очерках истории Удмуртской организации КПСС» на с. 380 приведены данные не за все годы войны, как утверждается, а лишь к апрелю 1944 г.

68. См.: Организаторская и массово-политическая работа партийных организаций РСФСР в тылу. 1941—1945 гг. Л., 1981. С. 266.

69. ПАСО. Ф. 61. Оп. 5. Д. 678. Л. 19.

70. ПАБО. Ф. 122. Оп. 24. Д. 746. Л. 45, 46; ПАОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 622. Л. 1; Д. 693. Л. 180.

71. ПАЧО. Ф. 288-К. Оп. 1. Д. 278. Л. 5.

72. Уральский рабочий. 1942. 13 февр., 28 мая.

73. Наумова А. Г. Пермская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. С. 31.

74. ПАСО. Ф. 61. Оп. 2. Д. 1690. Л. 29; ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 779. Л. 7.

75. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 813. Л. 5; ЦА ВЛКСМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 122. Л. 8.

76. Красная Башкирия. 1941. 11, 14 ноября; 1942. 4 янв.; Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа, 1973. С. 491.

77. ПАСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 7. Л. 63; Ф. 61. Оп. 2. Д. 1799. Л. 1; Оп. 5. Д. 62. Л. 11; Уральский рабочий. 1942. 26 дек. В книге М. Рошина «Народ — фронту» неверно отмечено на с. 34, что комсомолы и молодежь Свердловской области построили на свои средства только две танковые колонны «Свердловский комсомолец» (См.: ПАСО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 2. Л. 60; ЦА ВЛКСМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 79. Л. 72; Комсомольская правда. 1943. 10 апр.; Подвиг трудового Урала. С. 151).

78. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 2. Д. 15. Л. 21; ПАОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 124. Л. 10; Оп. 7. Д. 692. Л. 1; Чкаловская коммуна. 1941. 27, 29 ноября; 7 дек.; В «Очерках истории Оренбургской организации КПСС» неверно указана собранная сумма — 8,5 млн рублей (с. 330); в указанной книге А. М. Синицына — 1146 тыс. рублей (С. 155).

79. Исторический архив. 1960. № 3. С. 78; Чкаловская коммуна. 1942. 2, 11 окт.; 30 дек.; 1943. 7, 9 янв.; 26 февр.
80. Ахмадиев Т. Х. Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Уфа, 1984. С. 45; Удмуртия в Великой Отечественной войне. С. 91.
81. ПАОО. Ф. 105. Оп. 105. Д. 58. Л. 245; Звезда. 1943. 31 янв.; К коммунизму! 1942. 3 окт.; Кондауров И. А. Ратный подвиг коммунистов Прикамья. 1941—1945 гг. Пермь, 1970. С. 289.
82. Подсчитано по: ПАБО. Ф. 122. Оп. 23. Д. 46. Л. 2; ПАОО. Ф. 15. Оп. 3. Д. 208. Л. 15; Д. 210. Л. 15; Ф. 371. Оп. 6. Д. 201. Л. 5; Оп. 9. Д. 174. Л. 1; Ф. 1405. Оп. 2. Д. 84 а. Л. 8; ПАЧО. Ф. 16. Оп. 22. Д. 215 а. Л. 530, 531; ЦГА УАССР. Ф. 620. Оп. 1. Д. 393. Л. 27; ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 168. Л. 3; Д. 220. Л. 115; Д. 251. Л. 8; Д. 350. Л. 1; Звезда. 1943. 5, 8, 15 янв.; 5 февр.; 3 апр.; Знамя социализма. 1943. 1 янв. Красная Башкирия. 1942. 25 дек.; 1943. 28 янв.; Правда. 1942. 21, 28, 29 дек.; Соль-Илецкая коммуна. 1942. 25, 27, 30 дек.; Социалистическое земледелие. 1944. 6 апр.; Тоцкая правда. 1943. 17 янв.; Удмуртская правда. 1942. 25, 26, 27 дек.; 1943. 26 янв.; 7 июня; 1944. 13, 15, 19, 25 февр.; 5, 6 июня; Уральский рабочий. 1943. 13 янв.; 1944. 19 мая; Чкаловская коммуна. 1942. 22, 30 дек.; 1943. 1, 2, 6, 9, 10, 12, 17, 19, 21, 31 янв.; 7 февр.; 8 июня; 1944. 6 мая; 7 ноября; Челябинский рабочий. 1942. 30, 31 дек.; 1943. 12 янв.; 1944. 31 мая; Южный Урал. 1967. 10 февр.; Очерки истории Пермской областной партийной организации. Пермь, 1971. С. 295; Средний Урал в Великой Отечественной войне. С. 71; Удмуртия в Великой Отечественной войне. С. 165.
83. Синицын А. М. Указ. соч. С. 172.
84. Из беседы с Н. С. Андреевым.
85. Советское Зауралье. 1975. 15 марта.
86. Челябинский рабочий. 1942. 12, 19 дек.; Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне. С. 43, 178.
87. Челябинский рабочий. 1943. 1 янв.
88. За трудовую доблесть. 1942. 20, 21, 22, 25 дек.; Челябинский рабочий. 1943. 1 янв.
89. Челябинский рабочий. 1943. 10 марта; Рошин М. И. Указ. соч. С. 25.
90. Челябинский рабочий. 1943. 6 февр.; Патоличев Н. С. Испытание на зрелость. М., 1977. С. 239.
91. ПАСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 71. Л. 10, 11; Уральский рабочий. 1942. 10 дек.; 1943. 20 февр.; 10 марта; Средний Урал в Великой Отечественной войне. Свердловск, 1978. С. 68, 69.
92. ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 168. Л. 1; Красная Башкирия. 1942. 13, 30 дек.; 1943. 7 февр.; На разгром врага. Уфа. 1943. С. 5; Удмуртская правда. 1943. 6 февр.; Удмуртия в Великой Отечественной войне. С. 108.
93. Патоличев Н. С. Указ. соч. С. 234. История СССР. 1984. № 6. С. 28.
94. ЦГАНХ СССР. Ф. 2324. Оп. 26. Д. 63. Л. 262; Ф. 7735. Оп. 28. Д. 615. Л. 11, 12.
95. ПАКО. Ф. 166. Оп. 6. Д. 10. Л. 27; Красный Курган. 1941. 16 июня; Чкаловская коммуна. 1944. 8 марта; 22 июня.
96. ПАБО. Ф. 122. Оп. 24. Д. 746. Л. 46; Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа, 1973. С. 492.
97. ЦГАНХ СССР. Ф. 2324. Оп. 26. Д. 63. Л. 1, 2, 210, 211.
98. Синицын А. М. Указ. соч. С. 179.
99. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 827. Л. 4, 5; Д. 836. Л. 26.
100. ПАОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 698. Л. 28; ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 137. Л. 121, 122; Звезда. 1942. 25 апр.; Красная Башкирия. 1942. 25 апр.; Соль-Илецкая коммуна. 1942. 14 апр.; Удмуртская правда. 1942. 26 апр.
101. Удмуртская правда. 1943. 5 июля; Уральский рабочий. 1944. 9 мая; Удмуртия в Великой Отечественной войне. С. 133.

102. ПАБО. Ф. 122. Оп. 24. Д. 231. Л. 196; ПАОО. Ф. 371. Оп. 8. Д. 154. Л. 5; ПАСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 171. Л. 80; ПАУО. Ф. 16. Оп. 23. Д. 204. Л. 18; ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 927. Л. 14; ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 202. Л. 51; Д. 235. Л. 19; Синицын А. М. Указ. соч. С. 196, 198.
103. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 927. Л. 14; Д. 1010. Л. 2.
104. ПАБО. Ф. 122. Оп. 24. Д. 231. Л. 197; ПАОО. Ф. 371. Оп. 8. Д. 154. Л. 5; ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 836. Л. 26; Оп. 12. Д. 395. Л. 50; ЦГА БАССР. Ф. 394. Оп. 3. Д. 1651. Л. 13, 14; ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 369. Л. 113; Красная Башкирия. 1942. 25 апр., Мошкин Н. А. Во имя победы. С. 61; Синицын А. М. Указ. соч. С. 201.
105. ПАОО. Ф. 371. Оп. 8. Д. 154. Л. 5; Д. 155. Л. 27, 28; ЦГА БАССР. Ф. 394. Оп. 3. Д. 1615. Л. 13, 14; ЦПА ИМЛ. Ф. Оп. 88. Д. 108. Л. 115; Д. 369. Л. 113; Звезда. 1943. 24 окт.
106. ГАОО. Ф. 1472. Оп. 1. Д. 10. Л. 83; Оп. 2. Д. 4. Л. 80.
107. ГАОО. Ф. 1472. Оп. 1. Д. 13. Л. 46.
108. См.: Зверев А. Г. Записки министра. М., 1973. С. 201.
109. ПАУО. Ф. 16. Оп. 23. Д. 2. Л. 9.
110. Красный Курган. 1944. 14 июня; Партийная организация Курганской области в Великой Отечественной войне. 1941—1945. Сб. документов и материалов. Челябинск, 1975. С. 135.
111. ПАЧО. Ф. 288-К. Оп. 1. Д. 333. Л. 40.
112. ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 265. Л. 15; Д. 381. Л. 179.
113. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 812. Л. 1; История СССР. Т. 10. М., 1973. С. 283.
114. Челябинский рабочий. 1944. 20 мая.
115. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 980. Л. 12; Д. 986. Л. 27.
116. ЦА ВЛКСМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 79. Л. 77, 79.
117. ПАКО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 175. Л. 48; ЦА ВЛКСМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 70. Л. 21, 22; Знамя социализма (Граховский район). 1944. 14, 21 янв.; Красный Курган. 1943. 7 сент.; 16 ноября.
118. Партийная организация Курганской области в Великой Отечественной войне. С. 138.
119. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 821. Л. 8, 9; Оп. 12. Д. 207. Л. 16; Челябинский рабочий. 1942. 18, 20 февр.; 5 марта; Урал — фронту. С. 295.
120. ПАСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 478. Л. 60; ЦА ВЛКСМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 79. Л. 18; Звезда. 1942. 3 марта; Уральский рабочий. 1942. 10 марта; Очерки истории Ленинграда. Т. 5. Л., 1967. С. 244, 327; Память. Письма о войне и блокаде. Л., 1985. С. 306, 311.
121. Важнейшие постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) по сельскому хозяйству за 1942—1944 гг. М., 1944. С. 129—181.
122. Ахмадиев Т. Х. Указ. соч. С. 225; Ваганов С. А. 25 лет БАССР. Уфа, 1944. С. 29; Документы мужества и героизма. Уфа, 1980. С. 204; Очерки истории Коммунистической партии Украины. Киев, 1961. С. 525; Очерки истории Башкирской организации КПСС. С. 503.
123. Челябинский рабочий. 1944. 7 ноября; Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне. С. 63.
124. ПАБО. Ф. 122. Оп. 23. Д. 92. Л. 109; ПАОО. Ф. 371. Оп. 8. Д. 623. Л. 4; ПАПО. Ф. 105. Оп. 11. Д. 175. Л. 83; ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 876. Л. 16; ЦА ВЛКСМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 70. Л. 2.
125. Подсчитано по: ГАСО. Ф. 1814. Оп. 2. Д. 1374. Л. 6; Д. 1375. Л. 7; ПАБО. Ф. 122. Оп. 28. Д. 38. Л. 296; ПАОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 528. Л. 31; Оп. 8. Д. 120. Л. 154; Оп. 9. Д. 453 а. Л. 28, 29, 34; ПАПО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 342. Л. 5; Д. 383. Л. 6; Д. 1241. Л. 1; Оп. 105 Д. 192. Л. 28; ПАСО. Ф. 4. Оп. 29. Д. 2. Л. 16; Д. 483. Л. 3; Д. 1139. Л. 61; ПАЧО. Ф. 288. Оп. 14. Д. 445. Л. 41; Д. 458. Л. 40; Буков К. И. Все мы были солдатами.

Московская партийная организация в годы войны. М., 1972. С. 151; Дзенис-кевич А. Р., Ковальчук В. М., Соболев Г. Л. и др. Непокоренный Ленинград. Изд. 3-е Л., 1985. С. 58; Возрождение. Воспоминания, очерки и документы о восстановлении Ленинграда. Л., 1977. С. 105; Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне. С. 105, 151, 299; Урал — фронту. С. 296.

126. ЦГАНХ СССР. Ф. 2324. Оп. 26. Д. 62. Л. 1, 2; Д. 63. Л. 258.

127. ПАУО. Ф. 16. Оп. 22. Д. 16. Л. 7, 8; Удмуртская правда. 1942. 17, 19 февр.

128. ПАСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 2. Л. 191, 220.

129. ГАСО. Ф. 1552. Оп. 2. Д. 11. Л. 130; ПАСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 1. Л. 27; Д. 13. Л. 76; Д. 20. Л. 13; Д. 114. Л. 115; Оп. 38. Д. 548. Л. 71; Уральский рабочий. 1942. 10 февр.; 3, 24 марта.

130. ПАПО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 115. Л. 86; Звезда. 1943. 1 янв.; 3 февр.; Колхозный клич. 1942. 5 ноября.

131. Знамя социализма. 1942. 17 ноября; Чкаловская коммуна. 1942. 26 ноября; 26 дек.; 1943. 1 янв.

К главе IV

1. ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3445. Л. 21, 22, 45, 46; Д. 3452. Л. 6—8. 18—20; Д. 3460. Л. 21—23, 49—51; Д. 3471. Л. 22—24, 50—52; Д. 3478. Л. 45—47, 49—51.

2. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 933. Л. 5.

3. ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3471. Л. 113—115; Д. 3478. Л. 85—87; Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство... С. 351.

4. ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3443. Л. 28—29, 59—60; Д. 3456. Л. 86—88; Д. 3466. Л. 85—87; Д. 3474. Л. 103—105.

5. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 209. Л. 38—44; Д. 940. Л. 21—23.

6. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 6. Л. 19—28; Д. 1504. Л. 56—61, 64.

7. См.: Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938—1946 гг. М., 1946. С. 553; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1971. С. 125, 128.

8. В период войны на Урале продолжалось обследование 715 хозяйств колхозников Оренбургской области и 502 — Свердловской. См.: ГАОО. Ф. 1003. Оп. 3. Д. 1998, 2011, 2038, 3123; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 513, 515, 517. Все расчеты произведены на ЭВМ.

9. См.: Трифонов А. Н. Колхозная торговля на Урале в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма. 1937—1975. Свердловск, 1981. С. 71, 72, 80.

10. См.: Мотревич В. П. Материальное положение колхозников Среднего Урала в период Великой Отечественной войны (1941—1945). Там же. С. 59.

11. Островский В. Б. Колхозное крестьянство СССР. Саратов, 1967. С. 82.

12. См.: Мотревич В. П. Указ. соч. С. 59; ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5102. Л. 475.

13. Ведомости Верховного Совета СССР. 1943. 17 июня.

14. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 6. Д. 88. Л. 328; Д. 105. Л. 11—15; Д. 119. Л. 31.

15. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5267. Л. 76—81; Д. 5309. Л. 56—58.

16. Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938—1975. М., 1975. С. 558.

17. Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. 16 июля.

18. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 6. Д. 99. Л. 34, 35; Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. 12 янв.

19. Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. 13 янв.; ГАОО. Ф. 1014. Оп. 6. Д. 114. Л. 14, 15; ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5089. Л. 54—59; Д. 5169. Л. 85—89; Д. 5309. Л. 56.
20. Ведомости Верховного Совета СССР. 1943. 1 мая.
21. **Арутюнян Ю. В.** Советское крестьянство... С. 342.
22. Рассчитано по: ГАОО. Ф. 1182. Оп. 6. Д. 26. Л. 76; ГАСО. Ф. 282. Оп. 2. Д. 791. Л. 15; Д. 794. Л. 4; Д. 796. Л. 4; Д. 798. Л. 4; Д. 800. Л. 413; Д. 801. Л. 6.
23. ГАСО. Ф. 282. Оп. 2. Д. 800. Л. 414; Д. 1161. Л. 290.
24. ГАСО. Ф. 282. Оп. 2. Д. 800. Л. 418; Д. 801. Л. 10.
25. Подсчитано по: ГАПО. Ф. 987. Оп. 1. Д. 267. Л. 198.
26. ГАОО. Ф. 1182. Оп. 3. Д. 416. Л. 10.
27. ГАОО. Ф. 1182. Оп. 6. Д. 26. Л. 52, 75.
28. ГАОО. Ф. 1182. Оп. 3. Д. 416. Л. 9, 15.
29. ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 265. Л. 14.
30. **Антуфьев А. А.** Материальное благосостояние рабочего класса Урала в годы Великой Отечественной войны. // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937—1975). Свердловск, 1981. С. 100.
31. Рассчитано по: ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5115. Л. 293; Д. 5190. Л. 114; Д. 5265. Л. 1.
32. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5115. Л. 356.
33. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5197. Л. 179, 181.
34. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5309. Л. 199.
35. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5111. Л. 362.
36. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5293. Л. 293.
37. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5287. Л. 50.
38. Новый мир. 1985. № 5. С. 165—168.
39. Там же. С. 170.
40. ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 783. Л. 63, 64.
41. ГАЧО. Ф. 485. Оп. 17. Д. 53. Л. 1.
42. Там же. Л. 4; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 783. Л. 65.
43. ГАСО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 472. Л. 8; Д. 65. Л. 10; Советское здравоохранение. 1946. № 4—5. С. 27.
44. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 16. Д. 601. Л. 66, 67, 73, 74.
45. ЦГАОР СССР. Ф. 8009. Оп. 6. Д. 760. Л. 2, 7; Д. 787. Л. 2, 7; Д. 791. Л. 2, 7; Д. 796. Л. 2, 7; Д. 798. Л. 2, 7; Д. 1289. Л. 2, 4, 5; Д. 1298. Л. 2, 4, 5; Д. 1326. Л. 2, 4, 5; Д. 1329. Л. 2, 4, 5; Д. 1341. Л. 2, 4, 5; Д. 1349. Л. 2, 4, 5; Д. 1351. Л. 2, 4, 5.
46. ГАПО. Ф. 493. Оп. 11. Д. 805. Л. 1—4.
47. ГАОО. Ф. 1456. Оп. 1. Д. 160. Л. 41—43.
48. **Радич А. М.** Руководство партийных организаций Урала восстановлением здоровья раненых и больных воинов Советской Армии в годы Великой Отечественной войны. Автореф. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1981. С. 12.
49. ГАОО. Ф. 1465. Оп. 1. Д. 160. Л. 2.
50. ГАСО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 50. Л. 3—11; Д. 56. Л. 171—172; Звезда. 1945. 3 февр.; Советская медицина. 1943. № 11—12. С. 41.
51. Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. 1 ноября; 1945. 25 янв.; 8, 11 апр.; 16, 29 мая.
52. ГАОО. Ф. 1003. Оп. 3. Д. 875. Л. 3, 6; Д. 890. Л. 59, 60; ГАПО. Ф. 493. Оп. 11. Д. 6. Л. 5—11; Д. 12. Л. 8—19.
53. Рассчитано по: ГАПО. Ф. 493. Оп. 3. Д. 7219. Л. 384, 385; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 773. Л. 3, 6; Д. 778. Л. 15, 16; ГАЧО. Ф. 485. Оп. 17. Д. 5. Л. 28, 32; Д. 98. Л. 43, 45.
54. Подсчитано по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 821. Л. 1, 2; Д. 1003. Л. 5.
55. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 16. Д. 601. Л. 66, 67, 73, 74.

56. См.: Букбулатов М. Т. Финансы и хозяйственно-культурное строительство в Башкирской АССР (1917—1967 гг.). Уфа, 1968. С. 77; Из истории Средне-го Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1972. С. 163.
57. ГАСО. Ф. 233. Оп. 3. Д. 13. Л. 5, 6; Д. 126. Л. 16.
58. Подсчитано по: ЦГАОР СССР. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 208. Л. 5; Д. 211. Л. 23—26.
59. ГАКО. Ф. 895. Оп. 7. Д. 278. Л. 13; Д. 279. Л. 17; Д. 332. Л. 11; Д. 335. Л. 16.
60. См.: Законодательные и ведомственные акты по сельскому хозяйству. Т. 1. М., 1957. С. 286—287.
61. ПАСО. Ф. 61. Оп. 5. Д. 361. Л. 27—28.
62. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 1131. Л. 1, 2.
63. ПАСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 166. Л. 4.
64. Учительская газета. 1943. 30 июня.
65. ГАСО. Ф. 241. Оп. 3. Д. 275. Л. 72; Д. 277. Л. 30.
66. ГАСО. Ф. 233. Оп. 3. Д. 126. Л. 7, 8; Д. 130. Л. 7, 10; Д. 132. Л. 2; Учительская газета. 1942. 5, 23 дек.
67. ПАОО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 10. Л. 10; ПАУО. Ф. 16. Оп. 24. Д. 33. Л. 3; Документы мужества и героизма. С. 151; Урал — фронту. С. 256.
68. ЦПА ИМЛ. Ф. 112. Оп. 4. Д. 25. Л. 25, 26; ПАСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 33. Л. 10; Учительская газета. 1942. 11 марта; 1 апр.
69. Взвейтесь кострами. Очерки истории пионерии Свердловской области. Свердловск, 1974. С. 90; Все для фронта! С. 218—219; Уральский рабочий. 1943. 31 янв.
70. ЦА ВЛКСМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 49. Л. 58; Д. 79. Л. 68; ПАКО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 175. Л. 58; ПАПЮ. Ф. 105. Оп. 5. Д. 269. Л. 208.
71. Звезда. 1944. 6 янв.; Правда. 1943. 12 февр.
72. ГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 1219. Л. 210, 234. Данные без директоров школ, заведующих и завучей школ.
73. ГАСО. Ф. 233. Оп. 3. Д. 130. Л. 83.
74. Народное образование. 1975. № 5. С. 33—34.
75. Красная Башкирия. 1944. 22 сент.
76. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1944. 28 дек.
77. Уральский рабочий. 1945. 4 янв.; Учительская газета. 1944. 17 дек.; 1945. 10 янв.; Чкаловская коммуна. 1945. 21 февр.; 8, 20 марта.
78. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 901. Л. 3; Политпросветработа. 1941. № 11. С. 4—6.
79. Политпросветработа. 1942. № 2. С. 31; Урал — фронту. С. 232.
80. ПАСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 179. Л. 33; Политпросветработа. 1943. № 23—24. С. 12; 1943. № 1. С. 18.
81. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 796. Л. 56, 57.
82. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР. Т. 3. 1940—1947 гг. М., 1950. С. 420—421.
83. ПАБО. Ф. 122. Оп. 24. Д. 441. Л. 207, 208; Ахмадиев Т. Х. Указ. соч. С. 161.
84. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 824. Л. 2, 3; Д. 1151. Л. 6—8; Д. 1161. Л. 8; РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 июля 1945 г. с приложением изменений с 1 июля по 31 декабря. М., 1945. С. 189, 212, 304, 361, 375, 388, 439.
85. ЦА ВЛКСМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 49. Л. 80; Политпросветработа. 1944. № 6. С. 48; № 7—8. С. 37.
86. Все для фронта! С. 289; ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5311. Л. 131.
87. ПАПЮ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 187. Л. 155; ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 892. Л. 4—10; Д. 1151. Л. 12; Звезда. 1942. 14 февр.
88. Политпросветработа. 1943. № 10. С. 45.

89. ЦА ВЛКСМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 22. Л. 23; Д. 70. Л. 16; Д. 120. Л. 68.
90. ГАПО. Ф. 986. Оп. 1. Д. 713. Л. 1, 2.
91. ЦА ВЛКСМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 79. Л. 88, 89; Политпросветработа. 1944. № 7—8. С. 6.
92. ЦА ВЛКСМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 70. Л. 17; Уральский рабочий. 1945. 10 марта.
93. Политпросветработа. 1945. № 7—8. С. 7—8; Уральский рабочий, 1945. 28 марта.
94. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 1152. Л. 20—22.
95. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 938. Л. 2, 3.
96. ПАСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 182. Л. 89—94.
97. ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 100. Л. 96.
98. ГАПО. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 3874. Л. 47; ПАОО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 1. Л. 61.
99. ЦПА ИМЛ. Ф. 112. Оп. 4. Д. 158. Л. 1; ПАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 796. Л. 86.
100. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 1174. Л. 32, 36, 51, 60—66, 74, 80, 83, 87—91.
101. ПАЧО. Ф. 288. Оп. 12. Д. 105. Л. 1; Д. 207. Л. 3—7.
102. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5280. Л. 48—52; Д. 5285. Л. 57—62; Д. 5304. Л. 236—241; Д. 5309. Л. 27—34, 200—213; Д. 5381. Л. 178—187; Д. 5387. Л. 10—19; Д. 5388. Л. 261—269; Д. 5395. Л. 349—364.
103. КПСС в резолюциях... Т. 6. М., 1971. С. 121—123.
104. История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 4. М., 1963. С. 634; ПАБО. Ф. 122. Оп. 25. Д. 354. Л. 36.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1.	ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ . . . 11
§ 1.	Материально-техническое обеспечение колхозно-совхозного производства 11
§ 2.	<u>Социально-демографические процессы в деревне</u> 29
Глава 2.	ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УРАЛЬСКОГО СЕЛА В ВОЕННЫЕ ГОДЫ 56
§ 1.	Организация сельскохозяйственного производства 56
§ 2.	Сельскохозяйственное производство на Урале 68
§ 3.	Повышение трудовой активности сельских труженников . 95
§ 4.	Заготовки сельскохозяйственной продукции 104
Глава 3.	ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ 119
§ 1.	Деятельность партийных и общественных организаций деревни, сельские Советы 119
§ 2.	Патриотические движения сельских труженников . . . 141
Глава 4.	СОЦИАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ УРАЛЬСКОГО СЕЛА 161
§ 1.	Материально-бытовые условия жизни сельского населения 161
§ 2.	Сельская школа и культурно-просветительные учреждения 186
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	199
ПРИМЕЧАНИЯ	203

Научное издание
Геннадий Егорович Корнилов

**УРАЛЬСКАЯ ДЕРЕВНЯ
В ПЕРИОД
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(1941—1945 гг.)**

Редактор **И. Н. Лыцов**
Младший редактор **М. Г. Тюлькина**
Технический редактор **А. И. Долженко**
Корректор **Л. В. Голава.**

ИБ № 591

Сдано в набор 1. 06. 90. Подписано в печать 28.08.90
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 13,02. Усл. кр—от. 13,02.
Уч.-изд. л. 14,6. Тираж 1000 экз. Заказ 4377. Цена 2 р. 50 к.

Издательство Уральского университета
620219, Свердловск, ГСП-830, пр. Ленина, 13 б

Типография управления издательств
полиграфии и книжной торговли
Свердловского облисполкома
г. Асбест, ул. Садовая, 5.